

ISSN 2223-2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№8-2 2025 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

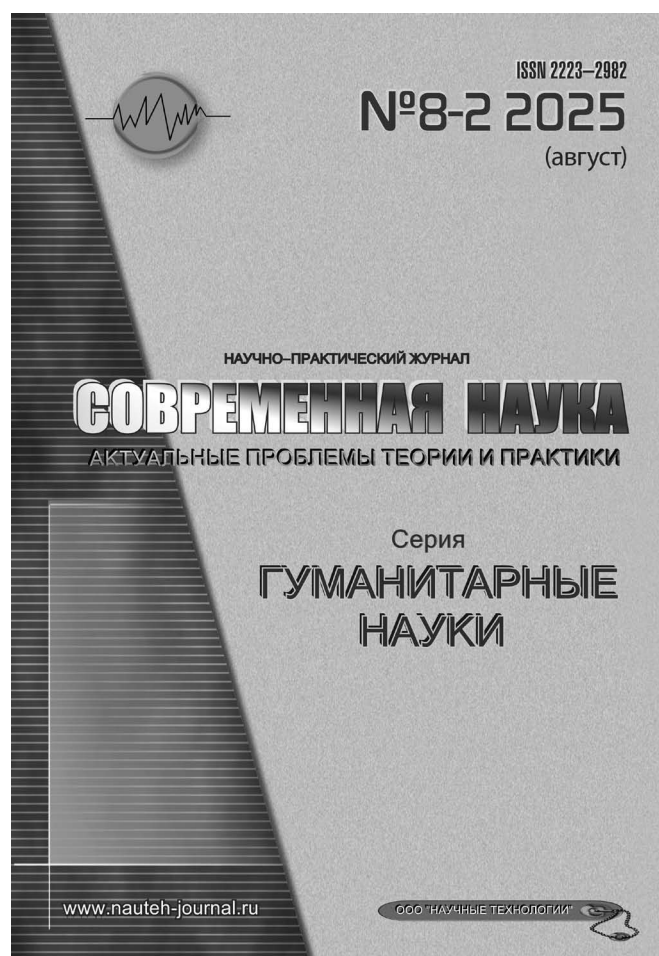
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №8-2 (август) 2025 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 13.08.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет
Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Гусев К.Д. – Белореченский район Краснодарского края в 1970-е гг.: парадоксы социально-экономического развития

Gusev K. – Belorechensky district of Krasnodar krai in the 1970s: the paradoxes of social and economic development 5

Иванов В.В. – Деревня Приангарья в освещении Иркутской периодической печати 1920-х гг.

Ivanov V. – Village of Priangarye in the coverage of Irkutsk periodical press of the 1920s 10

Суворова А.В., Семенченко И.В. – Особенности становления системы всеобщего начального образования в Уфимской губернии в начале XX века

Suvorova A., Semenchenco I. – Features of the formation of the universal primary education system in Ufa province at the beginning of the XX century 18

Педагогика

Багрецов Д.Н. – Преподавание русского языка в современном вузе: современные задачи и глубинные основания национальной культуры

Bagretsov D. – Teaching Russian in a modern university: modern tasks and deep foundations of national culture 23

Журавлёва М.С. – Онтогенез речевой деятельности в контексте общего психического развития ребенка

Zhuravleva M. – Ontogenesis of speech activity in the context of the general mental development of the child 27

Московская Н.Л., Щеглова О.Г. – Полиаспектная модель обучения студентов среднего профессионального образования лексической стороне иноязычной речи

Moskovskaya N., Shcheglova O. – Multi-aspect model for teaching the lexical side of foreign language speech to secondary vocational education students 32

Мэй Цитун – Общие и специфические направления художественного образования в школах России и Китая

Mei Qitong – General and specific directions of art education in schools in Russia and China 41

Перцова Н.Н. – Правовая грамотность будущих педагогов: сущность и теоретические основы формирования

Pertsova N. – Legal literacy of future educators: essence and theoretical foundations of formation 46

Хань Цзюньи, Панькин А.Б. – Развитие музыкальных способностей студентов высших учебных заведений в междисциплинарном контексте

Han Junyi, Pankin A. – Developing the musical abilities of students at higher education institutions in an interdisciplinary context 50

Чжан Вэйхун, Сюй Цзе, Цинь Вэйвэй – Китайская практика развития трудоустроиваемости студентов вузов в новую эпоху*

Zhang Weihong, Xu Jie, Qin Weiwei – The Chinese practice of developing the employability of university students in the new era 55

Филология

Атласова Э.С. – Глаголы начинательного способа действия на –аа-наа, требующие показатели –сум и –сэм (на примере языка тундровых юкагиров Республики Саха (Якутия))

Atlasova E. – Initial verbs with –аа-наа requiring the indicators –sum and –sem (using the language of the tundra Yukaghirs of the Republic of Sakha (Yakutia) as an example)..... 61

Банькова Н.В. – Особенности репрезентации концепта в опосредованном бытийном русско-и англоязычном дискурсах (на материале репрезентации концепта «искусство» / "art")
Bankova N. – The peculiarities of the revealing of the concept in mediated existential Russian and English discourses (based on the material of the representttion of the concept "iskusstvo" / "art") 66

Гилязева Э.Н., Сушкова А.Р. – Метадискурсивные маркеры взаимодействия с читателем в англоязычных и русскоязычных статьях по компьютерной инженерии
Gilyazeva E., Sushkova A. – Metadiscursive markers of reader interaction in English and Russian computer engineering articles. 70

Го Вэйпэн, Го Вэйхэ, Карпеченкова Ю.Г. – Популярное направление онлайн-общения среди российских подростков
Guo Weipeng, Guo Weihe, Karpechenkova Yu. – A popular area of online communication among Russian teenagers. 76

Елизарова М.А. – Английские лексемы "sweet" / "sugar" / "honey" и их перевод на русский язык: попытка семасиологического анализа
Elizarova M. – English lexemes "sweet" / "sugar" / "honey" and their translation into Russian: an attempt at semasiological analysis 80

Исянгулова Г.А., Акилова М.Ф., Мухаметшина А.Р. – Лексика пчеловодства и бортничества в башкирском языке: лексико-семантический анализ (на примере романов Н. Мусина)
Isyangulova G., Akilova M., Mukhametshina A. – Vocabulary of beekeeping and bee-keeping in the Bashkir language: lexico-semantic analysis (on the example of N. Musin's novels). 86

Крнета Н., Бахматова А.Д. – Нормирование иероглифической письменности в Китае и Японии во второй половине XX века – начале XXI
Krnet N., Bakhmatova A. – Standardization of logographic writing in China and Japan from the second half of the 20th century to the early 21st century 92

Лакомов А.Р. – К вопросу о семасиологической природе так называемых «языков программирования»: методология и опыт филологического анализа
Lakomov A. – On the semasiological status of so-called "programming languages": a philological inquiry 98

Лакомов А.Р. – Прозвище как модель идентификатора: ономастический анализ практик именования в программном коде
Lakomov A. – The nickname model: an onomastic approach to code naming conventions 111

Ли Хунцзюань – Исследование путей цифровой защиты национального языка китайско-российских трансграничных народов на примере эвенкийского языка
Li Hongjuan – A study of ways to digitally protect the national language of Chinese-Russian cross-border peoples using the example of the Evenki language 117

Тянь Хаожань – Исследование механизмов и стратегий распространения рекламы на платформе TikTok
Tian Haoran – Studying the mechanisms and strategies of advertising distribution on the TikTok platform 121

Информация

Наши авторы. Our Authors. 127

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 129

БЕЛОРЕЧЕНСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1970-Е ГГ.: ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

BELORECHENSKY DISTRICT OF KRASNODAR KRAI IN THE 1970S: THE PARADOXES OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

K. Gusev

Summary: The article examines the contradictions in the development of the Soviet village in the 1970s using the Belorechensky District of Krasnodar Krai as an example. Unprecedented measures of government support during the IX and X Five-Year Plans ensured the growth of indicators of the agro-industrial complex and improved the material and technical infrastructure of the village. However, the quantitative growth of crop and livestock products was not accompanied by an improvement in their quality. At the same time, the pace of development did not correspond to the expanding needs of the country's population in the context of the completed industrial transition. Attempts by party organs to rectify the situation did not have a qualitative result. The aim of this article is to explain the contradiction between the growth of quantitative indicators and the intensification of crisis phenomena in the Soviet village in the 1970s using the Belorechensky District of Krasnodar Krai as an example. Disclosure of this paradox explains the increase in problems in the social development of the village and the exodus of people from the village. The growth crisis led to an economic "slowdown" rather than to the "stagnation" of the era of "developed socialism".

Keywords: Belorechensky District, agro-industrial complex, Soviet village, crop farming, party organization.

Гусев Константин Дмитриевич

старший преподаватель, кандидат исторических наук,
Кубанский государственный университет
gusev-konstantin-2013@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются противоречия в развитии советской деревни в 1970-е гг. на примере Белореченского района Краснодарского края. Беспрецедентные меры государственной поддержки обеспечивали рост показателей агропромышленного комплекса и модернизировали материально-техническую инфраструктуру села. Однако количественное увеличение продукции земледелия и животноводства не сопровождалось ее качественным улучшением. При этом темпы социально-бытового развития села не отвечали потребностям жителей в условиях завершившегося индустриального перехода. Попытки партийных органов исправить ситуацию не имели качественного результата. Цель статьи – объяснить противоречие между ростом количественных показателей и усилением кризисных явлений в советской деревне в 1970-е гг. на примере Белореченского района Краснодарского края. Раскрытие данного парадокса объясняет исход людей из села и экономическое «торможение» эпохи «развитого социализма».

Ключевые слова: Белореченский район, агропромышленный комплекс, советская деревня, земледелие, партийная организация.

1970-е гг. долгое время определялись как эпоха «застоя» – период экономической и политической стабильности, спровоцировавший кризис советского общества [1]. В новых исследованиях происходит ревизия критических оценок правления Л.И. Брежнева [2; 3]. Если со стабильностью в политической сфере можно согласиться, то экономические показатели на протяжении IX и X пятилеток (1971–1980 гг.) отражают динамику роста. Наиболее ярко это проявилось в развитии советской деревни, где в результате «косыгинской реформы» осуществлялись меры беспрецедентной экономической поддержки. Именно тогда государство предпринимало самые масштабные попытки модерни-

зировать сельское хозяйство за всю историю страны [4, с. 412]. Приоритетом политики КПСС являлось укрепление материально-технической базы сельского хозяйства СССР [5, с. 22-23]. В то же время неразрешенность многочисленных социально-бытовых вопросов оставалась главной проблемой советского села [6, с. 31].

Цель данной статьи – объяснить противоречие между ростом показателей и усилением кризисных явлений советской деревни в

1970-е гг. на примере Белореченского района Краснодарского края.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научно-го фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>

В центре внимания партийной организации района находилось развитие местного агропромышленного комплекса. Партийное руководство ставило задачи по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, повышению культуры земледелия, активному внедрению минеральных удобрений и снижению себестоимости продукции. Осуществлялись дополнительные меры по комплексной механизации полеводства, внедрению науки и передового опыта.

За время IX пятилетки (1971–1975 гг.) абсолютные показатели постоянно увеличивались: рост производства валовой продукции составил 23%, из них зерна – 12%, мяса – 16%, яиц – 20%, молока – 12%, плодов – 12%, овощей – 7%, табака – 14% [7, с. 12]. поголовье крупного рогатого скота расширилось на 2485 голов, коров – на 1008 голов. Число коллективов высокой культуры земледелия и животноводства выросло с 8 до 18. Увеличилось число внесенных в почву удобрений – органических на 44% и минеральных на 40%. В ходе X пятилетки (1976–1980 гг.) среднегодовое производство зерна по сравнению с IX пятилеткой выросло на 7,8 тыс. тонн, сахарной свеклы – на 7,6 тыс. тонн, плодов и ягод – почти на 700 тонн, мяса – более чем на 1000 тонн, молока – на 2,8 тыс. тонн [8, с. 13].

Несмотря на рост ключевых показателей в 1970-е гг., его темпы были невысокими: большими оставались затраты труда, медленно улучшалось качество продукции. Сдерживали рост сельскохозяйственного производства недостаток минеральных удобрений, небольшой вес мелиоративных земель, низкая культура земледелия и слабая обеспеченность животноводческими кормами. Огромный вред хозяйству наносила сильная засоренность полей – полностью ликвидировать сорняки на землях района так и не удалось.

В ряде колхозов и совхозов Белореченского района экономические показатели оставались низкими, при этом некоторые хозяйства были убыточными. Здесь слабо велась борьба за высокую культуру земледелия и медленно внедрялась научная организация труда [7, с. 89]. Кроме того, осуществлялась недостаточная работа по концентрации и специализации на основе агропромышленной кооперации. Вызывала озабоченность высокая себестоимость сельскохозяйственной продукции. Из-за неэффективного руководства нерентабельным оставалось животноводство района. В ряде хозяйств не принимались меры по сохранению поголовья, низкими были среднесуточные привесы поголовья на откорме, что стало следствием неэффективной зоотехнической и ветеринарной работы. Большинство хозяйств Белореченского района не выполняли пятилетние планы по производству мяса. Кроме того, качественно не решался принципиальный вопрос по укреплению кормовой базы. Имелись многочисленные нарушения в агротех-

нике семеноводства и выращивании кормовых культур, сохранялись недостатки в их хранении. Кормопроизводство требовалось выделить в хорошо организованную и обеспеченную всем необходимым отрасль.

Эффективным инструментом усиления агропромышленного комплекса являлась его механизация. В Белореченском районе в

1970-е гг. расширился парк сельскохозяйственной техники: количество тракторов увеличилось на 23%, зерноуборочных комбайнов – на 34% [7, с. 17]. Однако их технические возможности использовались не в полной мере. Тракторы и автомобили работали в основном в одну смену. Для решения проблемы были организованы курсы по подготовке механизаторов. Однако деятельность ремонтного депо требовала улучшения обслуживания, в то же время дефицитным оставалось обеспечение хозяйств горюче-смазочными материалами, запасными частями, узлами и агрегатами в необходимом количестве. Кроме того, не велась систематическая работа по повышению квалификации кадров, из-за чего ощущался острый недостаток механизаторов [8, с. 26]. Проводником технического прогресса на селе должна была стать инженерная служба. Тем не менее, активность во внедрении и распространении передового опыта оставалась на низком уровне, что объясняет ограниченный рост качества сельскохозяйственной продукции.

В фокусе внимания Белореченской партийной организации находилось развитие местной промышленности. За время IX пятилетки выпуск промышленной продукции в районе вырос на 180%. Были введены в эксплуатацию 10 новых цехов, реконструированы 39 цехов и 37 участков, внедрены более 400 единиц нового оборудования, усовершенствованы 69 технологических процессов, реализованы

42 комплексных плана по научной организации труда с экономическим эффектом более 760 тыс. руб., освоен выпуск 36 новых видов наименований изделий, продуктов и материалов, внедрены 3400 рационализаторских предложения [7, с. 6].

В то же время партийная организация Белореченского района ставила задачу по увеличению производительности труда на промышленных предприятиях. Для этого требовалось техническое совершенствование и интенсификация производства, повышение квалификации кадров, улучшение организации и рационализация рабочего времени [9, с. 70]. Однако на вспомогательных и подсобных работах все еще сохранялся тяжелый ручной труд. Имели место неустановленное оборудование, агрегаты и машины, которые длительное время не вводились в эксплуатацию.

На ряде предприятий оставались недостатки в области нормирования, оплаты труда, сохранялись высокие потери рабочего времени. Слабо повышалось качество – только

25% промышленной продукции имело первую категорию, 45% изделий аттестовались по второй категории [7, с. 9]. В Белореченском районе требовалось коренным образом увеличить производительность труда. Для этого партийная организация призывала внедрять в производство достижения науки и техники, распространять опыт передовиков и новаторов производства, улучшать работу научно-технических организаций. На каждом предприятии планировалось создать благоприятные условия для высокопроизводительного труда. Однако на деле опыт передовиков производства распространялся медленно. Так и не удалось наладить работу по повышению технического уровня специалистов и обучению молодежи техническим профессиям. Имелись недостатки в организации соревнования за высокую культуру производства. Эти факторы объясняют снижение качества и темпов роста промышленного производства в Белореченском районе.

В 1970-е гг. Белореченская партийная организация ставила задачу по улучшению условий жизни трудящихся и удовлетворению их растущих потребностей. В связи с этим в районе активно развивалась сеть торгового и бытового обслуживания населения. За годы IX пятилетки были сформированы 41 новое торговое предприятие на 147 рабочих мест, в 92 магазинах внедрены прогрессивные формы торговли [7, с. 20]. Однако культура обслуживания не в полной мере отвечала современным требованиям – допускались перебои в торговле отдельными товарами и факты невнимательного отношения к покупателям. Низкими темпами улучшалась материально-техническая база службы быта, особенно на селе. Оставались нерешенные вопросы в общественном питании, среди них – низкое качество блюд, нехватка посадочных мест в столовых и буфетных предприятиях, неудовлетворительная организация питания учащихся ряда школ. Сохранялась слабая техническая оснащенность объектов торговли, отсутствовали прогрессивные формы охраны, из-за чего росли кражи. Эти факторы тормозили качественное развитие сферы торговли.

Партийная организация Белореченского района уделяла большое внимание модернизации местной системы транспорта [8, с. 11]. В

1970-е гг. увеличились объемы грузоперевозок, была введена в эксплуатацию железнодорожная станция Дружная и расширена станция Белореченская. Планы по перевозкам пассажиров железнодорожным и автомобильным транспортом в целом выполнялись. Простой вагонов удалось снизить на 35%, однако они подавались

неритмично и не всегда своевременно. Имелись случаи формирования неполновесных и неполносоставных поездов. Автотранспортные предприятия из-за низкого коэффициента технической готовности не всегда выполняли годовые задания по перевозкам грузов. Таким образом, работа транспортной отрасли нуждалась в дальнейшем совершенствовании.

Серьезной проблемой оставались низкие темпы капитального строительства и слабая обеспеченность населения жильем. Общий объем вложений в Белореченском районе за годы IX пятилетки составил 96 млн руб. Тем не менее, план строительно-монтажных работ выполнялся не полностью, подрядными организациями были недоосвоены 28 млн руб. Не получил широкого распространения метод бригадного подряда – с его помощью осуществлялись только 15% объемов строительно-монтажных работ в промышленности и 28% в жилищном строительстве. Из-за несвоевременного обеспечения строительными материалами происходили потери рабочего времени

[8, с. 9]. Кроме того, имело место распыление материальных и людских ресурсов на десятки объектов, не обеспечивалась их концентрация на пусковых стройках [7, с. 10]. При этом велась малопродуктивная работа по воспитанию бережливого отношения к строительным материалам, сохранялись большие убытки из-за порчи, хищений и перерасхода. Отсутствовала проектная документация некоторых предприятий, часть из них не могла решить проблему кадров. Серьезного улучшения требовало качество монтажных работ, поскольку жилые площади сдавались с большими замечаниями. Данные факторы вызывали серьезные нарекания со стороны партийных органов и местных жителей.

Партийное руководство стремилось сформировать единого заказчика для централизации жилищного и культурно-бытового строительства. За счет этого планировалось ускорить возведение жилья, культурно-бытовых объектов, в сжатые сроки завершить сооружение водонапорных и канализационных коммуникаций. В то же время оставались многочисленные недостатки в работе коммунальных предприятий, особенно в обеспечении населения водой и отоплением. Таким образом, несмотря на улучшение социальной и бытовой инфраструктуры, формальный рост показателей не носил качественного характера и не соответствовал расширяющимся потребностям местных жителей.

Ключевым административным механизмом модернизации Белореченского района оставалось совершенствование работы местных партийных организаций. Однако в 1970-е гг. наблюдалось ослабление партийного влияния в важнейших отраслях экономики и быта. На предприятиях снижалась производственная и техноло-

гическая дисциплина. В связи с этим требовалось усилить работу по выдвижению умелых организаторов на руководящие посты [8, с. 13]. Однако добиться положительных изменений в составе кадров среднего звена не удалось. Несмотря на формальную сменяемость руководителей отделений, бригад и ферм, их качественный состав почти не улучшался.

Кроме того, ставилась задача модернизировать роль партийных собраний как высшего органа первичных организаций. Были выявлены многочисленные проблемы в их проведении: нарушались сроки созывов, многие собрания проходили при низкой явке, случались факты опозданий без уважительных причин [9, с. 31]. Во время обсуждений в стороне оставались важные вопросы внутрипартийной жизни, рассматривались малозначительные аспекты, касающиеся текущей производственной деятельности. Принимаемые решения зачастую носили неконкретный и декларативный характер. Отмечалась пассивность выступлений коммунистов, при этом критические замечания кочевали из одного протокола в другой, но не исправлялись [9, с. 34]. В то же время часть руководителей нетерпимо относилась к критике. Таким образом, большинство собраний партийных организаций носили формально-ритуальный характер и имели слабое влияние на решение серьезных проблем.

В 1970-е гг. на производственных предприятиях Белореченского района проводились регулярные чтения лекторов общества «Знание», работали 8 народных университетов, 870 лекторов и докладчиков. Однако качество многих мероприятий оставалось низким – занятия проводились сухо и неинтересно без связи с реальными делами. В районе росли частнособственнические тенденции, иждивенческие настроения и религиозность населения.

На предприятиях, в колхозах и совхозах действовали 47 советов профилактики, 18 товарищеских судов, 104 добровольные народные дружины. Партийные органы требовали усилить работу пунктов охраны порядка, товарищеских судов, добровольных народных дружин и женских советов. Однако влияние общественности и закона на борьбу с нарушениями трудовой дисциплины оставалось ограниченным. В ряде партийных организаций проявляли беспринципность к тем, кто попирали законы и мораль, формально относился к возложенным на него обязанностям. В некоторых трудовых коллективах не использовалась сила общественного мнения против пьяниц, дебоширов и хулиганов, о чем свидетельствовали сведения из медицинского вытрезвителя.

Районная партийная организация отмечала многочисленные проблемы в работе с местной молодежью [9, с. 155]. Почти не росли ряды комсомольских организаций, не осуществлялся отбор в партию лучших ком-

сомольцев. Собрания и заседания комитетов ВЛКСМ проводились нерегулярно, рассматриваемые на них вопросы не вызывали интереса и активности, а принятые решения зачастую не выполнялись. Молодые передовики производства не получали направлений на учебу за счет предприятий. В связи с этим выдвигалась задача повысить авторитет секретарей комсомольских организаций, сделав комсомольцев участниками партийных собраний. Однако уровень занятий в системе комсомольского политического просвещения требовал коренного улучшения. Отдельные пропагандисты не обладали опытом и умением вести работу с молодежью. Комсомольские организации Белореченского района слабо поддерживали связь с учащимися общеобразовательных школ, не прививая им любовь к сельскохозяйственному труду. Руководители и специалисты колхозов редко бывали в школах, не вели систематической работы по закреплению выпускников в колхозах. При этом половина преступлений в районе совершалась молодыми людьми. В то же время из-за низких заработков молодежь уезжала из села. Несмотря на многочисленные призывы повысить эффективность работы, проблема оттока из деревни молодых людей оставалась одной из самых острых в 1970-е гг.

Главным печатным органом Белореченского района являлась газета «Огни Кавказа». Партийная организация района указывала, что уровень статей о передовом опыте в промышленности и сельском хозяйстве оставался в ней невысоким. Тем не менее, анализ материалов газеты позволяет выявить проблемы, которые волновали местных жителей. В 1970 г. 86 жалоб были посвящены вопросам укрепления правопорядка,

84 – благоустройства города Белореченска, 65 – работе торговых организаций, 35 – снабжению электроэнергией, 25 – развитию коммунальных услуг, 22 – сфере здравоохранения, 16 – обслуживанию городским транспортом [9, с. 162]. Кроме того, отмечались недостатки в работе строительных организаций, железнодорожного транспорта, предприятий торговли, общественного питания и службы быта.

Противоречиво развивалась сфера образования Белореченского района. С одной стороны, наблюдался рост успеваемости учеников и улучшение качества их знаний [7, с. 32]. Педагогические коллективы смогли добиться широкого охвата молодежи всеми видами среднего образования (99,5%) [8, с. 32]. С другой стороны, велась слабая работа по подбору и расстановке педагогических кадров, неудовлетворительной оставалась производственная база школ. Кроме того, медленно снижался процент второгодничества, не в полной мере проводилась профориентация школьников. Часть выпускников вступала во взрослую жизнь без должной трудовой подготовки и нравственной зрелости. В конечном

счете справиться со всеми проблемами в образовании так и не удалось.

За годы IX пятилетки в Белореченском районе возросла материальная база лечебных заведений и улучшилась медицинская помощь населению. Были введены в эксплуатацию 2 больницы, 3 аптеки, 6 отделений и 8 медицинских кабинетов. В то же время в сфере здравоохранения оставались трудности: сохранялась нехватка врачей, не на должном уровне находилась санитарная культура, имелись случаи невнимательного отношения к больным [9, с. 33]. Кроме того, затягивались сроки строительства центральной больницы, аптек и ряда фельдшерских пунктов. Таким образом, несмотря на улучшение инфраструктуры, состояние отрасли здравоохранения продолжало вызывать нарекания со стороны партийного руководства и местных жителей.

В 1970-е гг. в Белореченском районе постепенно улучшалась материально-техническая база сферы культуры. За годы IX пятилетки здесь открылись 6 народных библиотек и 2 дома культуры, был реконструирован Парк Победы с возведением мемориала памяти погибшим в Гражданскую и Великую Отечественную войны [8, с. 32]. Также увеличилось число коллективов художественной самодеятельности. В то же время культурно-массовым мероприятиям часто не доставало яркости и художественного вкуса. Партийное руководство требовало устранить ведомственную разобщенность, активно

используя для мероприятий площадки дворцов культуры, клубов и библиотек.

Таким образом, развитие советской деревни в 1970-е гг. на примере Белореченского района Краснодарского края носило крайне противоречивый характер. Беспрецедентные меры государственной поддержки обеспечивали постоянный рост показателей агропромышленного комплекса и улучшали материально-техническую инфраструктуру села. Однако это развитие сопровождалось сохранением традиционных проблем: формальным характером многочисленных партийных собраний, увеличением количественных, но не качественных показателей производства. Кроме того, рост социально-бытовых услуг не удовлетворял увеличившимся потребностям жителей в условиях завершившегося индустриального перехода. Так при расширении работы строительного комплекса новые жилые площади вводились в эксплуатацию в недостаточном количестве. При улучшении инфраструктуры образования и здравоохранения оставался дефицит учителей и врачей. Работа комсомольских организаций носила формально-ритуальный характер, не способствуя выдвижению на руководящие посты молодых и активных людей. Комплекс данных проблем провоцировал исход людей из села, в первую очередь молодежи. Кризис роста привел к экономическому «торможению» советской деревни в эпоху «развитого социализма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Млечин Л.М. Брежнев. М., 2008.
2. Вдовин А.И. СССР. История великой державы. М., 2025.
3. Спицын Е.Ю. Брежневская партия. М., 2024.
4. Романченко В.Я. Государственные сельские хозяйства России: Исторический опыт, проблемы, уроки развития. На материалах регионов Европейской части РФ, 1965–1985 годы: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000.
5. Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: проблемы разработки и реализации: дис. ... д-ра ист. наук. Зерноград, 1997.
6. Серогодский Н.А. Социально-экономическое развитие села: опыт, проблемы, тенденции. 1980–2000 гг.: На материалах Дона, Кубани и Ставрополя: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2004.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1550. Оп. 18. Д. 1.
8. ЦДНИКК. Ф. 13366. Оп. 1. Д. 1.
9. ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 13. Д. 1.

© Гусев Константин Дмитриевич (gusev-konstantin-2013@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕРЕВНЯ ПРИАНГАРЬЯ В ОСВЕЩЕНИИ ИРКУТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1920-Х ГГ.

Иванов Вячеслав Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный аграрный университет
имени А.А. Ежевского
vyachivan@mail.ru

VILLAGE OF PRIANGARYE IN THE COVERAGE OF IRKUTSK PERIODICAL PRESS OF THE 1920S

V. Ivanov

Summary: The article is devoted to the study of the coverage of the problems of the agrarian sphere of the Angara region in the local periodical press of the 1920s. It is shown that despite the ideological nature of the local press, the newspapers of the 1920s contain useful information about the life of the peasantry. The newspapers published statistical materials on the development of agriculture, and there were also disputes between authors on the ways of further development of peasant farms. In addition, the newspapers covered the main events of the village and were engaged in the education of the peasantry. The study of newspaper materials allows us to determine the direction of state policy in the agrarian sphere of the 1920s. However, in the second half of the 1920s, only materials of a class nature began to prevail in periodical publications, as well as the progress of grain procurements, which meant the beginning of the preparation of public opinion for total collectivization.

Keywords: agrarian sphere, newspapers, class struggle, peasantry, NEP, periodicals, press, Angara region.

Аннотация: Статья посвящена изучению вопроса освещения проблем аграрной сферы Приангарья в местной периодической печати 1920-х годов. Показано, что несмотря на идеологизированный характер Иркутской прессы, газеты 1920-х годов содержат полезные сведения о жизни крестьянства. В газетах публиковались статистические материалы о развитии сельского хозяйства, а также велись споры между авторами о путях дальнейшего развития крестьянских хозяйств. Кроме того, газеты освещали основные события деревни и занимались просвещением крестьянства. Изучение материалов газет позволяет определить направление государственной политики в аграрной сфере 1920-х годов. Однако во второй половине 1920-х годов в публикациях периодической печати стали преобладать лишь материалы классового характера, а также хода хлебозаготовок, что означало начало подготовки общественного мнения к сплошной коллективизации.

Ключевые слова: аграрная сфера, газеты, классовая борьба, крестьянство, НЭП, периодическая печать, пресса, Приангарье.

Введение

1920-е годы в истории нашей страны и территории Приангарья были непростыми годами. В этот период восстанавливалась большевистская власть после свержения режима Колчака. Перед советским руководством стояли задачи восстановления сельского хозяйства от последствий Гражданской войны, а также реализация советской государственной политики в аграрной сфере. Одним из источников изучения аграрного вопроса описываемого периода является периодическая печать. Периодическая печать во многом была инструментом такой политики, так как с ее помощью советские руководители пытались сформировать у крестьян положительное общественное мнение к правящей партии и господствующей идеологии. Отношения власти и крестьянства в этот период были сложными. Столкнувшись с проблемами в хозяйственной сфере, большевики перешли к НЭПу, однако вопросы продолжения или свертывания НЭПа, отношения к зажиточным слоям населения и другие вопросы вызвали жаркие дискуссии внутри правящей партии, в том числе и на местном уровне. Эти проблемы нашли свое отражение в местной

прессе.

В исторической науке отмечается критическое отношение к периодической печати как к источнику изучения того или иного периода. Исследователи отмечают, что характер публикаций прессы носит субъективный, конъюнктурный и неполный характер. В то же время ученые историки признают, что газеты, несмотря на обилие недостоверной информации, содержат массу полезных сведений, с помощью которых можно дать анализ происходящих в ту или иную эпоху исторических процессов. Изучение периодической печати Приангарья 1920-х годов позволяет историку изучить форму агитации и пропаганды, которую использовала Советская власть, динамику советской аграрной политики, рассмотреть партийные дискуссии в аграрной сфере эпохи НЭПа, а также отчасти проследить динамику развития сельскохозяйственного производства.

Цель данной работы в изучении освещения аграрного вопроса в деревне Приангарья в 1920-е годы на страницах местной периодической печати.

В процессе работы нам следует решить следующие задачи:

- Изучить формы агитации и пропаганды, которая использовала местная власть в прессе.
- Рассмотреть характер публикуемых материалов, а также специфику проблем аграрной сферы Приангарья, которые обсуждались в местных газетах.
- Исследовать динамику изменений отношения местной прессы к проблемам крестьянства Приангарья на протяжении 1920-х годов.

Результаты

В 1920 году была свергнута власть Колчака и восстановлена власть большевиков на территории Приангарья. Новому руководству региона необходимо было донести до местного населения основные принципы государственной политики правящей партии, а также мотивировать все слои общества, прежде всего крестьянство, к выполнению поставленных государственных заданий. Значительную часть этих функций взяла на себя местная периодическая печать, главным органом которой стала газета «Власть труда». Эта газета возникла в Иркутске еще в 1918 г. Затем после перерыва ее работа возобновилась 9 апреля 1920 г. Первым редактором «Власти труда» стал А.И. Плотников, затем в течение года руководство этого печатного органа постоянно менялось. С 1921 г. у газеты не было постоянного редактора, в течение 1921 года номера в печать подписывали 4 человека: Г.А. Ржанов, Н.Л. Янчевский, Я.Б. Шумяцкий и Н.Н. Троицкий [11]. В 1920-1921 годах тираж газеты был довольно внушительным и составлял 12000 экземпляров в сутки. На протяжении первых полутора лет своего существования «Власть труда» распространялась бесплатно: ее расклеивали по городу, рабочим кварталам, железной дороге. Значительная часть публикаций 1920-1921 гг. в газете были посвящены аграрному вопросу [11].

Однако «Власть труда» по характеру статей, уровню подаче материала предназначалась в первую очередь для партийных работников, чиновников, городской интеллигенции и рабочих. Поэтому, чтобы доносить более понятным и доступным языком официальную позицию властей до широких слоев крестьянства с 9 мая 1920 г. при «Власти труда» два раза в неделю в течение пяти лет выходило бесплатное приложение "Красный пахарь", которое было предназначено в основном для крестьянской аудитории [11]. Стилистика «Красного пахаря» была простой и лаконичной, публикации краткими, газета доступным и понятным языком доносила для сельских обывателей политику партии, агитировала крестьян выполнять государственные задания. Помимо официальной информации на страницах «Красного пахаря» содержались материалы практически полезного характера (Как отмораживать картофель) [18, с. 1].

В 1920-1921 гг. публикации Иркутской прессы целиком полностью были посвящены реализации советской государственной политики, которая заключалась в формировании новых органов власти советов, выборы в которые состоялись в сентябре 1920 г., восстановлении народного хозяйства от разрухи в результате Гражданской войны, а также в осуществлении чрезвычайных мер военно-коммунистического характера, выражающихся в отмене свободной торговли и проведении продразверстки. Кроме того, газеты этого времени настойчиво призывали крестьянство вступать в ряды РККА для борьбы с Врангелем и Польшей.

Газеты активно освещали мероприятия, направленные на восстановление народного хозяйства. Так в мае 1920г. все органы периодической печати Иркутска призывали местное население активно принять участие в «неделе труда», в ходе которой осуществлялся ремонт дорог. В августе-сентябре 1920 г. была организована «неделя крестьянина», ход ее осуществления освещался в газетах «Известия губревкома», «Набат», «Красный пахарь». Впоследствии эта акция превратилась в месячник помощи города деревне и прошла под знаком упрочнения союза рабочих и крестьян. Всего с 15 августа по 20 сентября 1920 г. в 8 уездах Приангарья работало 34 отряда – более 3 тыс человек. Ими было посажено 4172 десятины зерновых, было намолото 11 тыс пудов зерна, скошено сена с площади 856 десятин, отремонтировано более 800 штук хозяйственного инвентаря, открыто более 200 библиотек и 21 изба читальня [29, с. 23]. Конечно, такие акции в условиях разрухи после войны не закрывали всех потребностей крестьянства, но их активное освещение газетами давала крестьянам возможность понять, что Советская власть заботится о них.

Однако главной проблемой для крестьян Иркутской губернии первого года правления большевиков - было осуществление продовольственной политики. Уже зимой 1920 г. газета «Дело» отмечала, что рост цен, который происходит на территории губернии вызван системой свободной торговли и спекуляцией. Первой мерой, для борьбы с инфляцией – по мнению авторов газеты – должна стать отмена свободной торговли и переход к прямому товарообмену между городом и деревней. Авторы материала правда отмечали, что насильственное изъятие продовольствия может встретить вооруженное сопротивление в крестьянской среде, поэтому авторы статьи предлагали передать вопрос товарообмена органам кооперации, которой деревня доверяет [13, с. 1].

Позднее газеты стали настойчиво призывать крестьян сдавать продукты продотрядам и на ссыпные в результате продразверстки. Основная тяжесть разверстки легла на зажиточную часть крестьянства. Газета «Набат» разъясняла цель советской продовольственной политики следующим образом: «Ограбь кулака, не обидь се-

редняка, дай бедняку – вот основа, на которой строится продполитика Советской власти [28, с. 1].

Газеты активно освещали ход выполнения продразверстки, крестьян, а также целые селения, которые сумели выполнить задания по разверстке заносили на красную доску на страницах газет. За выполнения разверстки Губпродком распорядился выдать таким людям мануфактуры вне очереди [2, с. 2].

Но газеты также сообщали и многочисленные случаи невыполнения разверстки со стороны крестьян, а также факты саботажа, халатности, нераспорядительности со стороны советских работников, осуществляющих продразверстку. К ним принимались репрессивные меры. Эти случаи публиковались под рубрикой «На черную доску». Например, в августе 1920 г. за сокрытие хлеба Черемховский Райпродком постановил конфисковать имущество у крестьян Шубинской заимки Идинской волости Шубина С.Я. и Шубина И.Я. За неисполнение разверстку был подвергнут аресту на одни сутки председатель Масляногорского продрайона Федоренко Т. О. [1, с. 2].

Судя по всему, периодическая печать этого периода оказывала большое влияние на сознание крестьянского населения. В июле 1920 г. в газете «Красный пахарь» было опубликовано письмо крестьянина Иннокентия Чупанова, в котором автор утверждал, что он, как и его односельчане до недавнего времени склонны были осуждать Советскую власть и считать, что она не заботится о селянах. Но как в руки крестьян попала газета «Красный пахарь», то стали они многое понимать. «Узнали мы, что не рабочие виноваты в нехватке товаров, а война и буржуи, узнали мы о помощи города деревне, теперь мы понимаем, что крестьяне рабочим многим обязаны, так как они помогли освободиться им от власти Колчака» [17, с. 1].

Однако далеко не все крестьяне губернии доверяли Советским органам массовой информации. Одна из сводок Губревкома за август 1920 г. отмечала, что крестьянство по-прежнему является пассивно сочувствующим Советской власти и с недоверчивым отношением к коммунистам. Разверстка вызывает классовое расслоение среди крестьян и требует усиленной и энергичной агитации. Отмечаются случаи недовольства и сопротивления разверстке [12, л. 1].

В октябре 1920 г. в Балаганском и Черемховском уездах Иркутской губернии произойдут массовые крестьянские восстания, которая советская печать назовет «кулацкими мятежами». Восстания приведут к появлению антисоветского бандитизма. Советские работники отмечали в этот период, что одной из причин вспыхнувших мятежей является недостаток разъяснительной агитационно-пропагандистской работы [2, с. 3].

В марте 1921 г. Советская власть перешла к НЭПу. В связи с этим Иркутским губком принял решение провести активную агитационно-разъяснительную работу среди крестьянства, призванную объяснить сущность НЭПа. В деревне коммунисты читали доклады, проводили беседы о продналоге. В газетах «Власть труда», «Красный пахарь» были опубликованы статьи «Натурналог», «Продовольственный вопрос», «Рабочий класс и товарообмен». Газеты публиковали отклики крестьян на введение продналога, решения беспартийных крестьянских конференций, на которых активно обсуждались мероприятия партии и государства в связи с введением продналога. В газете «Красный пахарь» была опубликована статья «Я за налог», в котором крестьянин Черемховского уезда Осип Чернов отстаивает свою позицию в пользу продналога. С заявлениями в пользу продналога выступили крестьяне Алкинского участка Нижнеудинского уезда, а также ряд участников собраний беспартийных крестьянских конференций [29, с. 47].

Летом 1921 г. в газете «Красный пахарь» были подробно расписаны принципы налогообложения, перечислены налоговые ставки, согласно которым с хозяйств, имеющих посевную площадь до 1 десятины, взимается налог 175 пудов хлеба, а с хозяйств, имеющих 3 и более десятин – 250 пудов. Этим фактом отмечалось, что налогообложение носит прогрессивный и классовый характер [20, с. 4].

Однако газетная и партийная агитация не могла погасить у значительной части селян недовольство властями, а также скептическое отношение к новой политике. На протяжении всего года активную деятельность продолжали осуществлять антисоветские банды, которые распространяли слухи о том, что продналог — это обман, банды также призывали крестьян не увеличивать посевные площади, уверяя в том, что Советская власть все равно отберет [29, с. 50].

С конца 1921 г. главный орган Иркутской периодической печати стал переживать тяжелый кризис. Произошло это в связи с тем, что СНК принял в ноябре 1921 г. постановление о взимании платы за выпуску газет с 1 января 1922 г., кроме того, в ноябре 1921 г. по решению Иркутского Губисполкома «Власть труда» была переведена частично на хозрасчет, ГИК брал на себя расходы, а редакция газеты обязана была распространять бесплатно номера по советским учреждениям. Проблемы с финансированием, дефицит кадров, недостаток бумаги привел к тому, что в мае 1922 г. резко упал тираж до 3500 экземпляров, к лету газета оказалась на грани закрытия. В связи с этим качество подачи материалов о положении деревни также снизилось. Очевидно, что кризис центральной губернской газеты негативно сказался на политико-просветительской работе в регионе [11].

Ситуация начала улучшаться в 1923 г., когда в Иркутске был проведен двухнедельник помощи газете «Власть труда», это позволило закупить бумагу и увеличить тираж, в этом же году увеличился и штат газеты, появились рабкоры, парткоры и селькоры. В 1924 г. тираж газеты составил 9000 экземпляров в сутки, а в 1925 г. – 11000, а к началу 1926 г. – 17000 экземпляров [11].

В 1923 г. вместо продналога был введен единый сельскохозяйственный налог, полностью облагаемый в денежной форме. Налоговое бремя для крестьян было существенно снижено. Иркутские газеты активно расписывали преимущества этого налога, также сообщалась информация о льготах и скидках. В то же время в печати публиковалась информация о штрафах, пенях и прочих наказаниях для неплательщиков, кроме того, крестьян предупреждали о возможном конфискации имущества в случае злостной неуплаты налога и за сокрытие объектов обложения [25, с. 4]. При этом в некоторых публикациях все же авторы признавали, что платить налоги крестьянину по-прежнему тяжело. Так в номере 1 за 1923 г. газеты «Красный пахарь», автор Ф. Казанский отмечает, что помимо законных налогов крестьяне вынуждены выплачивать разного рода местные сборы в губернский доход, а также сборы для нужд деревни. Кроме того, отмечает автор, крестьянство обеднело из-за войны и разрухи, а следовательно, платить налоги государству стало обременительней. «Но ничего не поделаешь – надо платить» – продолжает Ф. Казанский. По мнению автора статьи, без налогов не восстановишь народное хозяйство и не укрепишь свое рабоче-крестьянское государство [21, с. 2].

На протяжении 1920–1923 гг. газеты активно сообщали о случаях антисоветского бандитизма, а также контрреволюционных актах местного кулачества. На страницах газет регулярно публиковались распоряжения местных властей об амнистиях по отношению к участникам банд, а также призывы к несознательным крестьянам сложить оружие. Амнистированным участникам банд власти обещали свободу и сохранение жизни, а также отсутствие всяких репрессий [3 с. 2]. Публиковались сообщения о ликвидации банд и судебных процессах над их вожаками. В ноябре 1923 г. газета «Власть труда» сообщала об уничтожении одного из видных предводителей бандитизма Дмитрия Донского отрядом Ивана Строда у села Усть-Балей [5 с. 3].

Несмотря на переход к НЭПу советская печать в своей риторике продолжала активно изобличать классовых врагов и оказывать всяческую моральную и идеологическую поддержку беднейшим слоям крестьянства. В июле 1923 г. в газете «Красный пахарь» вышла передовица под заголовком «Деревенская беднота сплавивай свои ряды против засилья кулачья». Автор статьи отмечал, что Советская власть делает все для того, чтобы облегчить

положение бедноты, предоставляя ей льготы, ссуды и налоговые послабления. Автор призывал беднейшие слои крестьянства к самоорганизации для противостояния деревенским богатым, а также агитировал бедняков всеми силами стараться не допускать кулаков в волостные и сельские советы, правления потребительских обществ, кооперации, комитетов взаимопомощи, РКП(б), ОГПУ и ряды РККА. По всей видимости эта пропаганда во многом имела успех. Значительная часть бедноты пыталась противостоять зажиточным, иногда это приводило к случаям насилия, которое в сводках ОГПУ фигурировало под термином «красный бандитизм». Например, «в 1926 г. в Зиминском уезде Заларинской волости, сочувствующий власти бывший партизан Выборов среди бедняков агитировал за необходимость физического истребления всех пособников зажиточных. Группа Выборова приезжала в Иркутск с ходатайством о выдаче оружия» [15, с. 207].

В 1920-е годы советские газеты убеждали крестьян в прогрессивности новых форм ведения хозяйствования таких как паротравополье, многополье, очистка семенного зерна, ранние пары и др. меры. Однако все эти нововведения сталкивались с темнотой и неграмотностью крестьян, привыкших вести хозяйство по-старому. Автор одной из передовиц отмечал, что многие новшества приходилось вводить принудительно. «Такое принуждение делается в интересах деревни, жаловаться на него не следует» – подчеркивал журналист. Автор призывал крестьян «прислушиваться к советам ученых агрономов, бросить жить и работать по старинке и вводить везде, где только можно, новые усовершенствованные приемы» [22, с. 1].

С самого начала своего установления и на протяжении всего периода НЭП большевистская власть утверждала, что коллективные формы крестьянского хозяйствования являются более прогрессивными нежели индивидуальное крестьянское хозяйство. В течение 1920-х годов на территории всей губернии развернулось массовое кооперативное движение, когда создавались коммуны, колхозы, ТОЗы, сельхозартели. Работа коллективных хозяйств в советской прессе расписывалась исключительно в позитивных тонах, селькоры сообщали об успешном развитии коммун и сельхозартелей. В реальности коллективные хозяйства весь период НЭПа оставались убыточными и быстро распадались, их число постоянно сокращалось. «ОГПУ констатировало, что «к 1925 г. в Иркутской губернии существовало всего 18 коммун и артелей, из которых 8 было организовано накануне, в том же 1925 г., и почти все они были слабыми из-за отсутствия компетентных руководителей. Наиболее мощными были артели “Молодые всходы” (Иркутск) и “Егорова” (Усольская волость)». Как правило после того, как наиболее предприимчивые крестьяне покидали коммуну и открывали собственное дело, то коллек-

тивное хозяйство распадалось. Отмечались постоянные случаи роста задолженности коллективных хозяйств, многие из которых в итоге полностью разорялись» [16, с. 105].

Корреспонденты советских газет считали, что причинами медленного развития кооперативного движения и распада коллективных хозяйств является несознательность, темнота, неграмотность крестьян, а также неизжитые собственнические инстинкты у земледельцев, кроме того, по мнению советских авторов, развитию колхозов препятствует послевоенная разруха. Один из авторов газеты «Красный пахарь» считал, что после Гражданской войны создалась благоприятная обстановка для перехода от единоличного хозяйства к общественному. По мнению корреспондента «необходимо проталкивать идею коллективных хозяйств в массы и тем самым делать деревню более богатой и культурной, необходимо всюду, где только возможно показать деревне все преимущества коллективных хозяйств. Это единственный путь к социализму» – отмечал селькор [23, с. 1]. Однако последующие усилия Советской власти в этом направлении вплоть до конца 1920-х годов оказались тщетными. Крестьяне не желали в основной своей массе добровольно вступить в колхозы.

Углубление НЭП привело к активному развитию частной торговли. Частные торговцы потребительскими товарами пользовались у крестьян большей популярностью нежели советские государственные и кооперативные органы, так как в их работе отмечались массовые недостатки. В Иркутских газетах уже с 1924 г. появляются статьи с призывами ограничить рост частного капитала. Например, в 1924 г. газете «Власть труда» вышла статья Л. Трелина, в которой автор подробно проанализировал положение государственной, кооперативной и частной торговли в губернии. В этой публикации Л. Трелин указал на многочисленные недостатки работы органов государственной и кооперативной торговли, которая главным образом выражается в отсутствии нормального взаимодействия между ними. Автор призвал улучшить деловую связь между Хлебопродуктом, Сибторгом и потребительскими обществами в вопросе торговли с населением, чтобы обеспечить здоровые взаимоотношения между городом и деревней. Л. Трелин подчеркнул необходимость «указать частному капиталу его место, рост которого в ущерб государству недопустим» [6, с.2].

В публикациях 1925 г. стали звучать уже более строгие ноты. В ноябре этого года одна из заметок газеты «Красный пахарь» содержала призыв «Ни фунта хлеба частному скупщику обдирале, все излишки необходимо направлять на государственные ссыпные пункты» [26, с. 1]. Это как бы символизировало начало укрепления государственной монополии на торговлю в деревне.

В газетах также встречалась и антирелигиозная пропаганда, правда в большинстве случаев она носила весьма примитивный характер. Авторы антирелигиозных заметок не критиковали церковные догматы, а как правило ограничивались призывами не верить попам, а также публиковали многочисленные случаи безнравственного поведения духовенства такие как пьянство, взимание платы за обряды. Авторы заметок чаще всего возмущали поборы с населения, которыми занимались священники. Например, в селе Усть-Балей священнослужитель заявил крестьянам, что за каждую требу нужно платить маслом, яйцами, хлебом, а за венчание необходимо заплатить 5 пудов муки. В селе Брод Неужнеудинского уезда крестьяне заплатили священнослужителю продуктами, но при этом не выполнили разверстку. Тем самым как бы авторы заметок пытались обвинить духовенство в жадности, лицемерии и мошенничестве [19, с. 4].

В последующие годы в период утверждения НЭПа в 1923-1925 годах газеты активно описывали бытовую, хозяйственную и культурную жизнь деревни. Газеты сообщали об открытии школ, изб читален, драмкружков, постановках спектаклей, партийно-агитационной работе на селе и других событиях. Отдельным пунктом шли хозяйственные советы для земледельцев и рекомендации какие читать книги. Существовал и раздел для жалобных писем со стороны крестьян. Крестьяне сообщали о случаях бесхозяйственности. Например, крестьяне села Када Братской волости Тулуновского уезда в 1925 г. жаловались на грязь и отсутствие отопления в местном сельсовете. Крестьяне села Шаманово Братской волости выражали недовольство неработающей мельницей. Жители села Голуметь просили через газеты власти открыть базар. Некоторые беднейшие крестьяне жаловались на притеснения со стороны кулаков. Поступали жалобы и на нерадивую работу советских учреждений, в частности, коопераций, например «член правления потребительского общества Рябинин растратил 140 рублей мужицких денег» [25, с. 2].

Следует отметить, что во многих случаях жалобы со стороны крестьян позволяли через прессу вести борьбу с нерадивыми советскими работниками. За 1927 год иркутской окружной прокуратурой было произведено расследование по 533 корреспонденциям в газету «Власть Труда» [11].

В 1920-е годы в газетах регулярно публикуются аналитические статьи о положении сельского хозяйства Приангарья, публикуются статистические сведения Иркутского Губстатбюро по основным показателям развития аграрного сектора. Авторы подобных публикаций оценивали ущерб, который Гражданская война нанесла аграрной сфере и описывали ход ее восстановления. Например, в статье «Кто и чем живет в нашей губернии» ав-

тор анализирует род занятий жителей Прибайкальской деревни [8, с. 2].

На страницах газеты «Власть труда» шли также активные научные и политические дискуссии о дальнейших путях развития сельского хозяйства и о политике партии в деревне. Все это отчасти было связано с внутривнутрипартийной борьбой и партийными дискуссиями по вопросу продолжения или свертывания НЭП.

Например, в начале 1920-х годов в результате налоговой политики государства, а также разорения хозяйств земледельцев в ходе Гражданской войны произошло осереднячивание крестьянских хозяйств или «нивелировка». Ученые экономисты и советские партийные работники по-разному оценивали осереднячивание. В августе 1922 г. на страницах газеты «Власть труда» была опубликована статья неизвестного автора, в которой утверждалось, что «нивелировка крестьянского двора привела к падению производительности сельского хозяйства». Автор полагал, что прочное улучшение сельского хозяйства возможно только «если Советское государство откажется от чрезмерного индустриального увлечения, которое не имеет никаких оснований в общем хозяйственном укладе» [4, с.2].

В 1924 г. в той же газете вышел материал К. Чернядьева, который утверждал, что процесс осереднячивания свидетельствует о росте и восстановлении крестьянского хозяйства. По мнению автора, усиление середняцких хозяйств означает переход сельского хозяйства от упадка к развитию. К. Чернядьев полагал, что «ставка на середняка дала положительные результаты и советскому руководству необходимо поддерживать выбранный курс» [7, с. 3].

Учитывая тот факт, что в 1925-1926 годах началась реализация политики партии «Лицом к деревне», газеты активно освещали кредитную, агрономическую и иную помощь крестьянству со стороны государства. Газета «Красный пахарь» опубликовала в 1925 г. письмо крестьянина села Грановщина Егора Аверьянского, который благодарил врачей, вылечивших его от паховой грыжи. «Я убедился на своем примере, что город стал теперь лицом к деревне и что при власти советов каждому трудящемуся СССР – рабочему и крестьянину стала доступна медицина» [27, с. 4].

В этот же период смягчилась политика партии в отношении органов местной власти. В январе 1925 г. были смягчены правила участия на выборах в советы. Избирательные права получили кулаки, ремесленники, у которых работал один наемный рабочий, и крестьяне, использовавшие в своем хозяйстве батраков, если их труд носил подсобный характер и т. д. Число лиц, лишенных избирательных прав, сократилось до 1 %. В результате

крестьяне стали проявлять активность на выборах, на которых зачастую стали побеждать представители зажиточного крестьянства [14, с. 304]. Газеты активно освещали тему выборов и призывали земледельцев принять в них участие, без каких-либо призывов классового характера. «Выбирайте тех, кто по-вашему хорошо и правильно поведет работу сельсовета. Если мы будем вплотную участвовать в выборах, лучше и счастливее станет наша страна» - писала газета «Красный пахарь» в феврале 1925 г. [24, с. 1].

В 1926 и в последующие годы возрастает качество и характер иркутских периодических изданий, тираж газеты «Власть труда» возрос до 23000 экземпляров, теперь газету стали печатать в типографии на ротационной машине, возросло и число корреспондентов издания, а следовательно, и количество публикуемых сообщений с мест [11].

Однако в этом же году изменился и характер политики государства по отношению к крестьянству, которая приобретала все больше классовый характер. Налогообложение становится прогрессивным и ложится в первую очередь на зажиточные слои деревни, государство все больше оказывает помощь беднейшим слоям крестьянства, поддерживая классовую борьбу. Ужесточается и избирательное законодательство, многие категории населения вновь лишены права участвовать в выборах в советы. Позднее в 1927-1928 годах хлебозаготовки начинают приобретать принудительный характер, был также взят курс на сплошную коллективизацию.

В связи с переходом государства к классовой политике постепенно со второй половины 1927 г. меняется и характер публикаций иркутских печатных периодических изданий. На страницах газет исчезают научно-дискуссионные статьи о путях развития сельского хозяйства, сокращается число заметок практически полезного характера для земледельцев. Вместо этого газеты переполнены партийными резолюциями, решениями и руководящими указаниями главным образом командно-административного – характера. И хотя жизнь деревни продолжает освещаться корреспондентами, но главный упор сделан на освещение хода хлебозаготовок, поддержки бедноты, преимуществах коллективных форм собственности.

В газетах все больше и больше появляется статей с призывами организовать бедноту и дать отпор кулачеству, а также заметок с сообщениями о злоупотреблениях зажиточных крестьян в отношении бедняков, сообщения о хлебозаготовках стали напоминать военные сводки [9, с. 4]. В частности, газета «Власть труда» в 1928 г. сообщала о собрании бедноты Полосковского сельсовета, на котором обсуждалось двойное обложение кулацких хозяйств, собрание сопровождалось горячими

спорами и руганью, в итоге после тщательного обсуждения каждой кандидатуры постановили обложить двойным налогом 17 человек. Также на собрании обсуждали поведение кулака Зуева, срывавшего комсомольские собрания. Народный суд приговорил Зуева к полугоду ареста за злостное хулиганство и к высылке за пределы Иркутского округа сроком на год [9, с. 2]. В ноябре 1928 г. передовица газеты «Власть труда» призывала на выборах в советы проводить настойчиво бедноту. «Организовать бедноту, дать отпор кулачеству» - агитировал автор [10, с. 1, с. 3]

Фактически в конце 1920-х годов периодическая печать Приангарья вела борьбу с кулацкими элементами и готовила тем самым крестьянство к предстоящей коллективизации.

Выводы. Периодическая печать 1920-х годов Приангарья, несмотря на свою односторонность и идеологическую направленность является важнейшим источником изучения состояния аграрной сферы данного региона и положения крестьянства. Газеты содержат аналитические сведения в виде статистических материалов и статей ученых, которые позволяют частично увидеть картины развития аграрного сектора в эти годы,

а также проанализировать основные направления государственной политики в отношении аграрной сферы на протяжении всего описываемого периода. С помощью изучения газет мы можем понять как государство доносило до населения свои идеи и намерения.

В 1920-е в связи с утверждением НЭПа периодическая печать Приангарья, помимо агитационно-пропагандистской функции занималась просвещением крестьянства, вела борьбу с темнотой и невежеством, освещала выборы в советы и помощь государства в пользу крестьян. С помощью прессы крестьянство пыталось бороться с злоупотреблениями местных властей. В середине 1920-х годов в газетах еще существовала свободная дискуссия о дальнейших путях развития сельского хозяйства.

Однако в 1920-е годы на просторах периодической печати стали преобладать материалы идеологически классового характера и началась подготовка общественного мнения к предстоящей коллективизации. Последующие драматические события были непростым испытанием для деревни, но без них вряд ли в нашей стране удалось бы осуществить форсированную индустриализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть труда № 276, 12 октября 1920 г.
2. Власть труда № 296, 4 ноября 1920 г.
3. Власть труда № 168, 26 июля 1922 г.
4. Власть труда № 176, 5 августа 1922 г.
5. Власть труда № 270, 29 ноября 1923 г.
6. Власть труда № 2, 3 января 1924 г.
7. Власть труда № 1384, 5 августа 1924 г.
8. Власть труда № 175, 5 августа 1926 г.
9. Власть труда № 183, 9 августа 1928 г.
10. Власть труда № 267, 17 ноября 1928 г.
11. Газета «Власть труда». Хроника первых лет // Восточно-Сибирская правда, 23 января. 2018 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.vsp.ru/2018/01/23/gazeta-vlast-truda-hronika-pervyh-let/>
12. Государственный архив Иркутской области, Ф. Р-42, оп. 1, д. 452.
13. Дело, № 399, 25 января 1920 г.
14. Иванов В.В. Избирательная активность крестьян Приангарья в 1920-е годы // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии. Материалы IX международной научно-практической конференции. п. Молодежный, 2020. С. 301-307.
15. Иванов В.В. Политические настроения крестьян Приангарья в 1920-е годы // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1 (30). С. 200-210.
16. Иванов В.В. Политика Советского государства в отношении аграрной сферы Приангарья в 1920-е годы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4 (38). С. 101-107.
17. Красный пахарь № 22, 21 июля 1920 г.
18. Красный пахарь, № 63, 13 декабря 1920 г.
19. Красный пахарь № 99, 22 мая 1921 г.
20. Красный пахарь № 109, 30 июня 1921 г.
21. Красный пахарь № 1, 13 мая 1923 г.
22. Красный пахарь № 2, 26 мая 1923 г.
23. Красный пахарь № 8, 14 июля 1923 г.

24. Красный пахарь № 6, 14 февраля 1925 г.
25. Красный пахарь № 35, 12 ноября 1925 г.
26. Красный пахарь № 37, 28 ноября 1925 г.
27. Красный пахарь № 38, 5 декабря 1925 г.
28. Набат № 218, 5 октября 1920 г.
29. Очерки истории Иркутской организации КПСС. Ч. 2, кн.1. 1920 - 1945 / Б.С. Санжиев, И.Г. Чижов, И.С. Степичев / ред.-сост. С.А. Меркурьев, А.Я. Шапранова. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1976. - 398 с.

© Иванов Вячеслав Владимирович (vyachivan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

FEATURES OF THE FORMATION OF THE UNIVERSAL PRIMARY EDUCATION SYSTEM IN UFA PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

**A. Suvorova
I. Semenchenco**

Summary: Based on the analysis of archival sources, as well as the results of scientific research, the article identifies the features of the formation of the universal primary education system in Russia using the example of the Ufa province. The authors conclude that in this territory at the beginning of the 20th century, the development of a network of primary educational institutions was very active and there was a high level of literacy of the population, which was associated with both the implementation of state policy and the socio-economic characteristics of the Ufa province itself, as well as the active role of local governments represented by zemstvos.

Keywords: universal free primary education, Ufa province, Orenburg educational district, primary schools, Russian-foreign schools, parish schools, literacy schools, Zlatoust Zemstvo, Ufa Zemstvo.

Суворова Анна Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,
филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский
университет)», г. Златоуст
suvorovaav@susu.ru

Семенченко Ирина Васильевна

доктор исторических наук,
филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский
университет)», г. Златоуст
semenchenkoiv@susu.ru

Аннотация: В статье на основе анализа архивных источников, а также результатов научных исследований выявляются особенности становления системы всеобщего начального образования в России на примере Уфимской губернии. Авторы приходят к выводу о том, что на данной территории в начале XX века очень активно происходило развитие сети начальных образовательных учреждений и наблюдался высокий уровень грамотности населения, что было связано как с реализацией государственной политики, так и с социально-экономическими особенностями самой Уфимской губернии, а также активной ролью органов местного самоуправления в лице земств.

Ключевые слова: всеобщее бесплатное начальное образование, Уфимская губерния, Оренбургский учебный округ, начальные училища, русско-иностранные школы, церковно-приходские школы, школы грамоты, Златоустовское земство, Уфимское земство.

В настоящий период времени происходит пересмотр подходов к организации системы образования в России на всех уровнях в связи с отказом от Болонской системы и потребностей практики образования с целью повышения его качества. Но даже то, что мы имеем сейчас – это результат труда многих поколений и огромного количества людей, которые стояли у самых истоков системы всеобщего образования в нашей стране. И в этом становлении, в прочем, как и всегда, были объединены силы как самого государства, так и народа, в их стремлении сформировать просвещенную нацию, способную жить и работать на благо Отечества.

Развитие всеобщего, в том числе начального, образования на территории нынешней Челябинской области началось не в период советского времени, как это принято считать, а несколько раньше, в конце XIX – начале XX веков, еще в царской России. Задали темп преобразования процессы, происходящие в столице, а именно в Государственном совете и Государственной Думе, чьи деятели стали идейными вдохновителями происходя-

щих реформ.

И уже на этом этапе можно отметить несколько особенностей существовавшей тогда системы образования и системы управления этим образованием.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание – это то, что на начало XX века единственным специальным исполнительным органом управления образованием являлось Министерство народного просвещения (далее – Министерство), в структуре которого отсутствовали какие-либо структурные подразделения и подведомственные организации, поэтому в масштабах огромного государства для управления образованием использовалась система учебных округов, имевших свои Управления и канцелярии.

Ю.В. Ергин справедливо отмечает, что изначально учебные округа были огромные по площади, в связи с этим было сложно эффективно управлять всеми расположенными на их территории образовательными уч-

реждениями. Особенно ситуация осложнилась в связи с экономическим развитием государства и ростом населения, и соответственно – ростом количества учебных заведений, поэтому учебные округа начали разукрупняться [1, с. 148].

Так, например, из Казанского учебного округа, в который изначально входили Казанская, Вятская, Пермская, Кавказская, Оренбургская, Уфимская, Симбирская, Тобольская и Иркутская губернии (свыше 16 млн. чел. населения), в 1875 году был выделен самостоятельный Оренбургский учебный округ в составе Пермской, Оренбургской, Уфимской губерний и двух областей (Уральской и Тургайской). Изначально канцелярия нового учебного округа находилась в Оренбурге, а с 1907 года была перенесена в Уфу и размещалась в здании Уфимского реального училища [2, с. 5].

В качестве следующей особенности отметим, что в начале XX века в России не было единства и системы в организации начального образования: существовало большое количество начальных учебных заведений разного типа, с разными программами, разным уровнем профессиональной подготовки учителей и разной ведомственной принадлежностью.

Существовавшие в то время начальные учебные заведения можно было разделить условно на три типа: церковно-приходские школы, так называемые «министерские» училища, т.е. основанные государством или земствами, но подведомственные Министерству, а также частные школы (учрежденные частными лицами). Первые имели как значительную поддержку среди законодателей в лице правых партий и националистов, так и жестко критиковались за низкий уровень качества обучения и излишнюю независимость в деле образования от органов власти.

Особенной свободой обладали частные школы, учредителям которых предоставлялось право самостоятельно осуществлять выбор учебных предметов, однако их учебные планы и программы утверждались попечителями учебных округов. За частными училищами осуществлялся надзор инспекторами в учебных округах, а также дирекциями и инспекциями народных училищ [3, с. 462].

В отношении земских школ можно отметить более высокий уровень квалификации учителей, лучшее материальное оснащение, что выражалось в том числе, в обеспечении учащихся бесплатными учебными пособиями. Часто в земских училищах организовывались ремесленные классы, разводились питомники, пчельники, практиковалось земледелие, т.е. земства заботились о развитии в школе прикладных знаний.

Все школы ведомства Святейшего Синода разделя-

лись на 2 разряда: школы церковно-приходские и школы грамоты. Первые открывались приходскими священниками с утверждения епархиального архиерея и могли быть одноклассные (2 года обучения) и двухклассные (4 года обучения). Они давали более серьезные знания в письме, чтении и исчислении, чем школы грамоты, а те, что имели более длительный срок обучения еще и давали знания по истории страны и церкви. Однако доминирующее значение в образовательной программе играл Закон Божий, церковное пение и чтение старославянских церковных текстов. Преподавание велось только по книгам, указанным Святейшим Синодом [4, с. 199]. В школах обоего типа допускалось создание ученических и учительских библиотек, но книги в них были исключительно духовного содержания [5, с. 87]. Кроме того, обязательной частью обучения было участие учеников в богослужениях [6, с. 19]. В роли учителей выступали местные священники, а также учителя, получившие образование в духовных учебных заведениях. Выпускники школ грамоты получали свидетельства на льготу по отбыванию воинской повинности.

Несмотря на практическое отсутствие «базы», мысль о необходимости введения всеобщего начального школьного образования уже витала в умах и словах лидеров так называемого общественно-педагогического движения, активную роль в котором играли представители Министерства, Лиги образования (из представителей упраздненных комитетов грамотности), а также городских и уездных земств. В среде указанных деятелей не было общего представления по поводу того, какой должна быть программа начального образования, какой продолжительности оно должно быть, кем обеспечиваться финансово (из государственного бюджета или земствами самостоятельно) и т.д.

В отсутствии единства участники общественно-педагогического движения самостоятельно принимали решения. Так, например, в Уфимское губернское земство в 1905 г. инициировало открытие четвертого отделения в начальных училищах и профинансировало его работу.

Еще одной особенностью являлось практическое отсутствие правового регулирования в сфере всеобщего начального образования и нерешенность вопросов его финансирования и управления.

Первый значимый закон, касающийся учреждения системы всеобщего начального образования, был издан в России в 1908 году: вводилось 4-хлетнее бесплатное начальное образование, предъявлялись требования к уровню квалификации учителей, которые могли работать в данных учебных заведениях; учреждались педагогические совещания и учительские советы в уездах. Органы местного самоуправления должны были в течение двух лет разработать план открытия начальных школ,

представить его на согласование в Министерство народного просвещения для получения финансирования.

В 1909 году вышел еще один закон, который предполагал создание специального фонда для финансирования строительства начальных училищ.

Закон 1911 года предполагал расширение школьной сети, изменение состава училищных советов и ограничение инспектуры. Также проект закона изначально содержал положение о передаче управления начальными школами органам местного самоуправления (земствам и городским управам), оставляя за Министерством лишь функции общего руководства и контроля (чего не произошло), и одновременную передачу церковно-приходских школ в ведение Министерства (что также не было осуществлено) [7, с. 3]. Фактически последнее было реализовано только в октябре 1917 года, в период Временного правительства. До этого момента все школы данной категории оставались под управлением Святейшего Синода.

Принятые законы стимулировали строительство начальных училищ на местах по всей стране, в том числе на территории современной Челябинской области. Тогда часть территории относилась к Оренбургской губернии, часть – к Уфимской губернии. Предметом нашего исследования является Уфимская губерния, в том числе потому, что именно на ее территории находился г. Златоуст.

Так, например, в 1909 г. в Уфимской губернии в министерскую сеть всеобщего обучения было принято Златоустовское земство, в 1910 г. всеобщее обучение стало осуществляться в Мензелинском, Бирском, а в 1911 г. – Уфимском, Белебеевском, Стерлитамакском уездах.

Реализация закона 1909 года привела к тому, что правительство стало выдавать земствам на основе поданных ходатайств на определенных условиях пособия на усиление средств начального образования, а главным образом на введение всеобщего обучения. К 1914 г. количество земств, вступивших в соглашение с Министерством по данному вопросу достигло 414 (из 426), а городов – 334 [8, с. 49].

Таковы были общегосударственные факторы, которые повлияли на становление и развитие всеобщего начального образования в Уфимской губернии.

Также можно выделить и факторы, которые действовали «на местах», и к ним отнесем следующие.

Во-первых, следует сказать об экономическом росте в Уфимской губернии начала XX века, который создавал потребность общества в грамотных и образованных людях. По грамотности лидировали промышленно раз-

витый Златоустовский (19,0 %), Мензелинский (18,5 %) и Уфимский (18,4 %) уезды. В целом количество грамотного населения в губернии составляло 367 744 чел. или 16,7 %, что было достаточно высоким уровнем, с учетом того, что общероссийский показатель грамотности населения составлял 21,1 % [9].

Во-вторых, значимым фактором явилась пестрота этнического состава Уфимской губернии, что обусловило развитие национального образования. Еще в конце XIX века на территории появились так называемые русско-инородческие школы. В период с 1896 г. до 1915 г. их количество в Уфимской губернии увеличилось со 133 до 605. На 1911 г. в школах Уфимской губернии нерусских учащихся было 48,4%. Для малых народов, таких как мари, чуваша, черемисы, удмурты и т.д. русско-инородческие школы стали основным типом учебных заведений. Широкое распространение среди башкир и татар получили национальные школы – мектебе (начальные) и медресе (средние), содержавшиеся на средства населения. Они организовывались при мечетях, обучение в них носило религиозный характер и было отдельным для мальчиков и девочек. Первые реформированные мектебе основал в 1895 г. в Уфе оренбургский купец Гани Хусаинов. С его благотворительной помощью в 1906 г. для этих целей на средства губернской земской управы было построено новое каменное трехэтажное здание. Накануне Первой мировой войны в Уфе насчитывалось 4 мужских и 9 женских мектебе [10, с. 45].

В-третьих, можно сказать о значительной роли органов местного самоуправления (земств), и отдельных должностных лиц в органах управления учебными округами и учебными заведениями (инспекторов, директоров училищ и даже отдельных педагогов) в развитии системы всеобщего начального образования.

Так, например, в одном из постановлений Златоустовского уездного земского собрания по вопросам всеобщего обучения, подчеркивалось, что «путь, которым возможно достигнуть высокого развития духовных материальных сил, есть организация просвещения народной массы». Также показателен пример настойчивой инициативы С.И. Иванова, учителя, который на протяжении двух лет добивался открытия Мелеузовского начального училища, что произошло в 1913 году, когда было построено собственное здание для этих целей. Для этого было написано множество ходатайств, проведена лично автором инициативы масштабная разъяснительная работа о необходимости открытия училища (на уровне органов управления уезда и волости). На затянутость данного процесса повлияло также то, что существовало общегосударственное требование, что каждая школа должна была находиться в радиусе трех верст, которое лишь в 1914 году было изменено на более адекватное – в радиусе двух верст, что позволило избежать перегруженности

классов в начальных школах.

О том, что организационные усилия по становлению всеобщего начального образования предпринимались, прежде всего, «снизу», на местах, свидетельствует и то, что на Съезде директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в Уфе в июне 1912 г. была выработана «Инструкция для начальных народных училищ Оренбургского учебного округа», которая содержала точные сроки начала и окончания учебного года, порядок прибытия учителей на место работы, порядок приема учащихся в школы, а также содержание образовательной программы. Общая направленность определялась тем, что образование должно было способствовать улучшению жизни местного населения в гигиеническом, санитарном, сельскохозяйственном и экономическом отношениях. Поэтому в образовательную программу был включен русский язык (чтение, письмо, декламация, каллиграфия), арифметика, русская история вкупе с патриотическим воспитанием и военная гимнастика (строевая ходьба, военные игры, общефизическое развитие) [11, с. 48].

Кроме того, на этом же Съезде было принято решение об изменении содержания образовательной программы в русско-инородческих школах, а именно преподавание русского языка должно было вестись с первого года обучения, а не с третьего как было ранее и программа стала 4-хлетней. Данное решение было вызвано изменением государственной политики в отношении инородческих школ, которые были с 1911 года (по итогам работы Межведомственного совещания) признаны частью сети всеобщего образования, но при условии, что преподавание будет вестись на русском языке.

Динамика развития начального народного образования в Уфимской губернии была следующей. В 1897 г. насчитывалось около 500 начальных школ, в которых обучалось почти 20 тыс. учеников, в 1911 г. количество школ приблизилось уже почти к 1,5 тыс., с общим числом учащихся около 78 тыс. чел., в 1914 г. школ насчитывалось уже 1930, в которых обучалось более 100 тыс. учеников.

Таким образом, в результате проведенного исследования особенностей и проблем становления всеобщего начального образования в Уфимской губернии, мы можем сделать вывод о значительной положительной динамике в развитии сети начальных учебных заведений на данной территории в начале XX века. Данному процессу содействовала государственная политика частичного финансирования строительства начальных училищ из средств специального фонда и посредством кредитования, а также становление правового регулирования в этой сфере, которое позволило появиться системе бесплатного начального образования в российском государстве. Большую роль играли также органы местного самоуправления (городские управы и земства), а также инициативные должностные лица в органах управления образованием в учебных округах (инспекторы, директора училищ и отдельные педагоги), взявшие на себя ряд реализацию ряда вопросов в развитии сети начальных учебных заведений.

Среди особенностей развития системы всеобщего начального образования в России можно отметить разницу в программах обучения и качестве образования, что было связано с порядком учреждения школ (церковно-приходские, «министерские» и частные), отсутствие системы управления образованием в привычном нам виде (существовал один специальный орган управления – Министерство народного просвещения и Управление по учебным округам, на которые была разделена вся территория страны, во главе с попечителями), большая роль в организации образования органов местного самоуправления (прежде всего, земств).

Среди особенностей, характерных именно для Уфимской губернии, можно назвать, что стимулом для развития системы начальных учебных учреждений стал экономический рост территории, и настоятельной потребностью стали грамотные люди. Кроме того, специфику развития вызвал национальный состав территории, благодаря которому появились так называемые русско-инородческие школы, а также религиозные мусульманские школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ергин Ю.В. История оренбургского учебного округа (1875–1919) // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. №2(33). С. 144–159.
2. Учебные заведения всех ведомств и наименований, находящиеся на территории Оренбургского учебного округа по переписи на 31 декабря 1894 года. Оренбург: Типолит. Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1896.
3. Сборник законоположений и распоряжений по Министерству народного просвещения. Оренбургский учебный округ. Уфа, 1911.
4. Программа для преподавания Закона Божия в церковно-приходской школе // Сборник программ по Закону Божию для церковно-приходских воскресных школ. М., 1999.
5. Комаров А.Ф. Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах. СПб., 1906.
6. Бюллетень отдела народного образования Уфимской Губернской земской управы. Уфа, 1916.
7. Иоффе М.С. Важнейшие законодательные акты с алфавитным, предметным, хронологическими указателями (1908–1911 гг.). СПб., 1913.

8. Абрамов В.Ф. Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 49-56.
9. Составлено по: Первая всеобщая перепись населения. Т. XXVIII. Табл. IX; Т. XLV(тетрадь 2). Таблица IX.
10. Суворова А.В. Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.). Челябинск, 2015.

© Суворова Анна Викторовна (suvorovaav@susu.ru), Семенченко Ирина Васильевна (semenchenkoiv@susu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ И ГЛУБИННЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Багрецов Дмитрий Николаевич

канд. филол. наук, старший преподаватель, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург
i@dbagretsov.ru

TEACHING RUSSIAN IN A MODERN UNIVERSITY: MODERN TASKS AND DEEP FOUNDATIONS OF NATIONAL CULTURE

D. Bagretsov

Summary: Teaching Russian in modern universities is at the crossroads of current educational trends and centuries-old traditions. In the context of globalization and digitalization of the educational process, it is important not only to convey grammatical norms and lexical nuances to students, but also to form their understanding of the cultural and historical context of the language. The main task of a modern university is to develop competencies that will allow graduates to successfully integrate into the professional and public space. In the context of teaching Russian, this means not only working with text, but also an in-depth study of the national culture, which contributes to the formation of a conscious and respectful attitude to the linguistic heritage.

Keywords: teaching Russian, innovative methods, cultural context, modern challenges and prospects.

Аннотация: Преподавание русского языка в современных вузах стоит на перекрестке актуальных образовательных трендов и вековых традиций. В условиях глобализации и цифровизации образовательного процесса важно не только передавать студентам грамматические нормы и лексические нюансы, но и формировать у них понимание культурного и исторического контекста языка. Основная задача современного вуза — развитие компетенций, которые позволят выпускникам успешно интегрироваться в профессиональное и общественное пространство. В контексте преподавания русского языка это означает не только работу с текстом, но и глубинное изучение национальной культуры, что способствует формированию осознанного и уважительного отношения к языковому наследию.

Ключевые слова: преподавание русского языка, инновационные методы, культурный контекст, современные вызовы и перспективы.

Преподавание русского языка в современном вузе стоит на стыке различных научных дисциплин и педагогических подходов, призванных не только обучать, но и воспитывать студентов, что и составляет **актуальность** статьи. Основная задача – передача знаний в контексте широкой культурной и исторической традиции, что подразумевает не только изучение грамматики и словарного запаса, но и погружение в глубины национальной культуры. Преподавание русского языка в вузе преобразуется по мере того, как меняется образовательная среда и студенческая аудитория – исследование данного аспекта составляет **новизну** работы. Современные технологии предоставляют широкие возможности для инноваций **в методах** обучения, однако вызывают и новые проблемы, связанные с переосмыслением традиционных подходов в свете цифровизации образования. Ответственность преподавателя простирается далеко за пределы простой передачи информации и включает в себя формирование критического мышления, умения анализировать и синтезировать информацию, что особенно значимо в условиях глобализации и многоязычия. Интеграция культурных аспектов в программы по русскому языку позволяет студентам лучше понимать не только лингвистические аспекты материала, но также менталитет и специфику российского обще-

ства. Таким образом, основная цель – не только обучение языку, но и формирование у студентов глубокого понимания российской культуры. В современном высшем образовании преподавание русского языка становится особо значимой задачей, связанной не только с изучением грамматики и лексики, но и с глубоким пониманием культурных, философских и исторических аспектов России [1]. Это требует от преподавателей вузов не только профессиональных знаний, но и способности адаптировать обучение к меняющимся условиям, интересам и потребностям студентов.

Интеграция национальной культуры в процесс обучения русскому языку помогает студентам лучше понять и ценить уникальное культурное наследие России. Это, в свою очередь, способствует формированию более глубокого и осмысленного отношения к языку, что является краеугольным камнем в образовании любого специалиста, связанного с русской культурой и обществом.

Современные требования к преподаванию русского языка

В современном вузе преподавание русского языка ориентировано на интеграцию языковых навыков с

культурно-историческими знаниями, что подразумевает не только владение грамматикой и словарём, но и понимание духовных и культурных основ нации. Преподаватели сталкиваются с задачей формирования у студентов способности анализировать и интерпретировать тексты, отражающие национальное самосознание и культурные особенности. Это требует от них не только филологической, но и культурологической компетентности.

Для реализации этих задач важно внедрение междисциплинарного подхода, когда курс русского языка включает элементы литературной критики, истории, философии и искусствоведения. Такой подход помогает студентам лучше понять тексты, видеть связь языка с историческим и культурным контекстом, что, в свою очередь, способствует более глубокому осмыслению материала.

Современные информационные технологии также играют значительную роль в обучении русскому языку. Использование мультимедийных ресурсов, онлайн-курсов и виртуальных платформ для общения на русском языке позволяет создать интерактивную среду, где учебный процесс становится более динамичным и вовлекающим. Это способствует повышению мотивации студентов, делая процесс обучения более привлекательным и доступным.

Кроме технологического аспекта, важен и методический. Современные методы обучения предполагают активное применение проектных и исследовательских заданий, которые стимулируют критическое мышление и самостоятельную работу студентов. Работа над проектами, связанными с анализом культурных и литературных произведений, позволяет глубже понять язык как средство выражения национальной идентичности и духовных ценностей.

Таким образом, преподавание русского языка в вузе требует комплексного подхода, учета как языковых, так и культурных аспектов, что в конечном итоге направлено на формирование не только языковой, но и культурной компетенции студентов. Это важно для сохранения и развития русской культурной традиции и национальной идентичности в современном мире.

Инновационные подходы к преподаванию русского языка: проектное обучение, интерактивные методы, индивидуализация обучения

В современных условиях преподавания русского языка в вузе особое внимание уделяется инновационным образовательным технологиям [2]. Проектное обучение, интерактивные методы и индивидуализация обучения выступают важными составляющими процесса

овладения языком и культурой.

Проектное обучение представляет собой метод, который позволяет студентам развивать исследовательские и аналитические навыки через работу над конкретными проектами. Этот подход способствует глубокому пониманию изучаемого материала, так как студенты имеют возможность применить теоретические знания в практической деятельности [3]. В контексте русского языка проекты могут быть направлены на изучение литературных произведений, культурных явлений, исторических периодов России, а также современных медиатекстов.

Интерактивные методы обучения также занимают ключевое место. Они включают в себя использование мультимедийных презентаций, образовательных игр, электронных и интернет-ресурсов, что делает процесс обучения более динамичным и привлекательным. Интерактивность способствует повышению мотивации студентов, улучшает усвоение языкового материала и помогает в развитии навыков коммуникативной компетенции.

Индивидуализация обучения — это подход, при котором учитываются особенности каждого студента: его знания, способности, интересы и стиль обучения. Это позволяет более эффективно работать с разными категориями обучающихся, адаптировать программы и методы под их индивидуальные потребности. Через индивидуальные подходы, например, через наставничество или кураторство проектов, обеспечивается более глубокая и осмысленная работа со студентами, что способствует их профессиональному и личностному росту.

Таким образом, современное преподавание русского языка в вузе требует интеграции новых образовательных подходов, которые способны обеспечить не только приобретение знаний, но и развитие компетенций, необходимых студенту в современном многообразном мире.

Проблемы и перспективы развития преподавания русского языка в вузах современной России

Преподавание русского языка в вузах современной России остаётся актуальным и многогранным вопросом, связанным как с сохранением культурного наследия, так и с адаптацией к быстро меняющимся реалиям образовательного процесса и технологий. С одной стороны, русский язык как фундамент национальной идентичности требует акцентирования на классической литературе, этимологии и стилистике [4]. С другой стороны, современные технологии и методики диктуют необходимость внедрения новых подходов к обучению, включая цифровые ресурсы и интерактивные форматы обучения [5].

Среди основных проблем, стоящих перед преподавателями русского языка в вузах, стоит выделить уменьшение интереса студентов к изучению родного языка на фоне глобализации и усиления англоязычной среды. Это требует разработки новых мотивационных программ, способных привлечь внимание молодёжи. Ещё одна значительная задача связана с преподаванием и пониманием сложных аспектов языка, таких как синтаксис и морфология, которые часто воспринимаются студентами как абстрактные и непригодные для практического применения.

Перспективы развития преподавания русского языка в высших учебных заведениях, несомненно, связаны с интеграцией образовательных технологий. Использование онлайн платформ для обучения и самоконтроля, мобильных приложений для изучения грамматики и лексики, виртуальных и дополненных реальностей для иммерсивного изучения литературных произведений могут существенно повысить интерес и эффективность обучения. Кроме того, важность имеет привлечение студентов к участию в научных исследованиях, конференциях и проектах, связанных с русским языком, что способствует их глубокому пониманию значимости языка в современном мире.

Таким образом, преподавание русского языка в вузах требует не только сохранения традиционных подходов, но и применения инновационных методов и технологий, что поможет гармонично сочетать глубинные традиции русского языкового наследия с современными образовательными трендами [6].

Национальная культура и русский язык: национальная идентичность и проекты будущего России

Преподавание русского языка в современных вузах тесно связано с осмыслением и передачей национальной культуры, что является ключевым аспектом в фор-

мировании национальной идентичности студентов. Русский язык не просто является средством общения, он несет в себе коды культуры, историческую память и ценности нации.

В современном образовании внимание уделяется не только лингвистическим аспектам языка, но и его культурологическим функциям. Изучение русского языка через призму литературы, истории, философии и искусства позволяет студентам глубже понимать российскую идентичность, видеть связь прошлого с настоящим и строить проекты будущего страны.

Многие учебные программы включают анализ текстов, которые отображают основные этапы развития российской культуры. Студенты изучают не только язык, но и ключевые культурные понятия, что позволяет им ощутить связь времен и поколений. Такой подход способствует не только академическому, но и личностному росту, развивая чувство ответственности перед культурным наследием [7].

Также важная задача преподавания русского языка – помочь студентам осмыслить и принять роль России в глобальном контексте. В условиях глобализации особенно актуален вопрос о сохранении национальной уникальности, при этом продвигая диалог между культурами [8]. Русский язык как носитель культурных значений играет здесь ключевую роль, способствуя пониманию и уважению между народами.

Развитие проектов, направленных на исследование и популяризацию русской культуры через изучение языка, становится одним из приоритетных направлений в образовательной среде [9, 10]. Создание интерактивных платформ, организация международных конференций, разработка новых учебных курсов – все это способствует более глубокому пониманию и распространению русской культурной идентичности, открывая новые горизонты для будущего России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердиева А.Д., Расулова М. ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ // Инновационная наука. 2024. №11-2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-russkogo-yazyka-v-vuze-sovremennye-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 29.07.2025).
2. Акатов, А.В. Современные технологии в обучении русскому языку. – М.: Просвещение, 2022. 2. Иванова, Е.С. Русский язык как средство межкультурной коммуникации. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2021. 3. Петрова, Н.М., и др. Интерактивные методы обучения в вузе. – Казань: Казанский университет, 2020.
3. Варганова О.В. Особенности курсового обучения русскому языку за рубежом на современном этапе : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Варганова Ольга Владимировна; [Место защиты: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина]. – Москва, 2010. – 223 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-13/514
4. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: «Весь Мир», 2015. 432 с.
5. Первова Г.М., Чеботарева Т.А. Родной язык как ценность и средство духовно-нравственного воспитания детей и молодежи // Гражданское и духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи: современные подходы: материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 121-124.

6. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России: Стандарты второго поколения. М.: Просвещение, 2010.
7. Тишков В.А., Степанов В.В. Русский язык – язык гражданской нации // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 21–32.
8. Мельникова А.А., Куц В.А. Педагогика русского языка и глубинные основания культуры // Народное образование. 2014. №6 (1439). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogika-russkogo-yazyka-i-glubinnye-osnovaniya-kultury> (дата обращения: 29.07.2025).
9. Милославский И. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. – 2006. – № 3. – С. 151-164.
10. Русская речь в СМИ 2007: Русская речь в средствах массовой информации: Стилистический аспект / Под ред. В.И. Конькова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

© Багрецов Дмитрий Николаевич (i@dbagretsov.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОНТОГЕНЕЗ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

ONTOGENESIS OF SPEECH ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE GENERAL MENTAL DEVELOPMENT OF THE CHILD

M. Zhuravleva

Summary: The article examines the ontogenesis of speech activity as a process of formation and development of speech from birth to adulthood, emphasizing its relationship with the physical, cognitive, emotional and social development of the child. The main approaches to the interpretation of speech ontogenesis in Russian science are analyzed, key trends and contradictions in the presented concepts are highlighted, with an emphasis on the main stages, factors and mechanisms of development. Examples of theoretical approaches illustrating the contribution of various schools to understanding the patterns of speech development are given. Special attention is paid to improving speech activity at school age, including the development of speech skills, the development of speech styles, the formation of critical thinking and communicative competence. Attention is focused on the importance of speech as the most important mental function in the formation of a child's personality and the contribution of Soviet and Russian researchers to the study of the ontogenesis of speech development.

Keywords: speech ontogenesis, cognitive development, speech activity, speech development, child development, speech skills, speech formation, social environment.

Журавлёва Мария Сергеевна

аспирант, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Мелитопольский
Государственный Университет»
mzhuravlmaria@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается онтогенез речевой деятельности как процесс формирования и развития речи человека – от первых его речевых актов до того совершенного состояния, при котором родной язык становится полноценным орудием обучения и мышления. Подчеркивается его взаимосвязь с физическим, когнитивным, эмоциональным и социальным развитием ребенка. Анализируются основные подходы к трактовке онтогенеза речи в отечественной науке, выделяются ключевые тенденции и противоречия в представленных концепциях с акцентом на основные этапы, факторы и механизмы развития. Приведены примеры теоретических подходов, иллюстрирующие вклад различных школ в понимание закономерности развития речи. Особое внимание уделяется совершенствованию речевой деятельности в школьном возрасте, включающему развитие речевых навыков, освоение стилей речи, формирование критического мышления и коммуникативной компетентности. Акцентируется внимание на значимости речи как важнейшей психической функции в становлении личности ребёнка и вклад советских и российских исследователей в изучение онтогенеза речевого развития ребенка.

Ключевые слова: онтогенез речи, когнитивное развитие, речевая деятельность, речевое развитие, развитие ребенка, речевые навыки, формирования речи, социальная среда.

Введение

В современном мире, где коммуникация играет ключевую роль в социализации и успешной адаптации человека, вопросы развития речи приобретают особую актуальность. Онтогенез речи охватывает весь период формирования речи человека – от первых его речевых актов до того совершенного состояния, при котором родной язык становится полноценным орудием обучения и мышления (Л.С. Выготский, А.Н. Гвоздев и др.). Речь не возникает изолированно, а является продуктом сложного взаимодействия различных систем организма и факторов окружающей среды. Понимание закономерностей и этапов этого сложного и многогранного процесса позволяет специалистам (логопедам, педагогам, психологам) эффективно оказывать помощь детям с речевыми нарушениями, создавать оптимальные условия для развития их речевых способностей.

Каждый ребенок в норме проходит своеобразные степени овладения разными сторонами речевого раз-

вития. Ученые выделяют значительное количество классификаций, этапов, степеней каждой из сторон речевого развития ребенка дошкольного возраста (В.И. Бельтюков, А.Н. Гвоздев, А.Н. Корнев, А.А. Леонтьев и др.). Эти ступени условны, потому что развитие каждого ребенка – индивидуально и зависит от различных факторов, однако подчиняется общим закономерностям, характерным для всех детей. Так, В.И. Бельтюков (1977) указывает на то, что формирование речевой функции в онтогенезе происходит по определенным закономерностям, определяющим последовательное и взаимосвязанное развитие всех сторон речевой системы (фонетической стороны, лексического запаса и грамматического строения). По мнению ученого, в своем развитии речевой функции объединяет ряд физиологических этапов, а в окончательном сформированном виде является физиологическим стереотипом, сложной уравновешенной системой связей, которые возникают и укрепляются с развитием организма вследствие его взаимодействия с окружающей средой. Рассматривая речевой онтогенез, Л.С. Выготский и А.Р. Лурия отмечали, что развитие речи

движется от диффузности и дифферентности по всем компонентам (словарь, грамматический строй, фонетика) и является социально обусловленным.

Таким образом, речевое развитие неразрывно связано с общим развитием ребенка, и этот процесс затрагивает различные аспекты: физический, когнитивный, эмоциональный и социальный. Физическое развитие, в частности, развитие речевого аппарата, включающего дыхательную, голосовую и артикуляционную системы, служит фундаментом для формирования речи. Координация движений языка, губ и мягкого неба напрямую влияет на качество звукопроизношения. Важно отметить, что и общее моторное развитие, охватывающее крупную и мелкую моторику, играет значимую роль, так как стимулирует развитие мозговых структур, ответственных за речь.

Материалы и методы

Развитие когнитивных функций, таких как внимание, память, мышление и восприятие, является необходимым условием для формирования речи. Речь, в свою очередь, выступает как средство познания окружающего мира, организации и выражения мысли. Развитие мышления оказывает непосредственное влияние на формирование грамматического строя речи и связного высказывания.

Эмоциональное развитие также тесно связано с речевым. Эмоциональный контакт с окружающими, особенно с матерью, играет ключевую роль в развитии речи. Эмоционально значимые ситуации стимулируют речевую активность и способствуют появлению первых слов и фраз. Развитие эмоционального интеллекта помогает ребенку понимать и выражать свои эмоции посредством речи.

Подчеркнем значимость социального развития, которое является неотъемлемой частью процесса. Речь служит средством коммуникации и социального взаимодействия. Общение с окружающими, участие в играх и совместной деятельности способствуют расширению словарного запаса и формированию навыков диалогической и монологической речи.

На онтогенез речевой деятельности оказывают влияние различные факторы, включая биологические (наследственность, состояние здоровья ребенка, особенности развития нервной системы), социальные (семейное окружение, уровень образования родителей, речевая среда, наличие речевого общения) и психологические (эмоциональное благополучие ребенка, уровень познавательной активности, мотивация к общению).

В связи с этим, нарушения речевого развития, об-

условленные различными факторами, которые могут оказать негативное влияние на общее развитие ребенка и его социальную адаптацию.

Онтогенез речевой деятельности представляет собой одну из фундаментальных тем психолингвистики и детской психологии. Изучение развития речи позволяет не только понять, как ребенок овладевает сложной системой языка, но и раскрыть механизмы познавательного и социального развития. Отечественная наука внесла значительный вклад в исследование онтогенеза речи, предложив разнообразные теоретические модели и эмпирические данные, которые до сих пор остаются актуальными.

Несмотря на общие черты, в трактовках онтогенеза речевой деятельности, предложенных отечественными исследователями, существуют и существенные различия. Так, например, Н.И. Жинкин акцентировал внимание на роли биологических факторов, таких как созревание нервной системы и развитие сенсорных и моторных функций. В свою очередь, Л.С. Выготский подчеркивали определяющую роль социальной среды и обучения в развитии речи [2; 5].

Следует отметить, что разные точки зрения существуют и на механизмы овладения языком. А.Н. Гвоздев рассматривал этот процесс как постепенное усвоение правил грамматики. В то время как, С.Л. Рубинштейн акцентировал внимание на роль активной деятельности ребенка в процессе освоения языка, подчеркивая значимость его взаимодействия с окружающим миром [3; 9].

Особое значение в отечественной психологии придается роли внутренней речи. Л.С. Выготский рассматривал внутреннюю речь как инструмент мышления и регуляции поведения. А.Р. Лурия подчеркивал роль внутренней речи в планировании и контроле деятельности [2; 8].

Литературный обзор

В рамках настоящего анализа научной литературы рассмотрим основные подходы к трактовке онтогенеза речевой деятельности, разработанные отечественными исследователями, уделяя внимание выявлению ключевых тенденций и противоречий в представленных концепциях с акцентом на ключевые этапы, факторы и механизмы развития; разберём примеры теоретических подходов и практических исследований, иллюстрирующие вклад различных школ и ученых в понимание закономерностей развития речи.

Практически все отечественные исследователи в становлении речи ребенка выделяют несколько последовательных этапов, каждый из которых характеризу-

ется определенными специфическими особенностями развития фонетической, лексической и грамматической сторон речи. Этапы речевого развития связаны с формированием конкретных показателей речевого развития: появление первых слов, усвоение их значения, появление однословных, а затем двусловных предложений, усвоение частей речи, изменение формы слова, овладение важнейшими видами сложных предложений. При переходе от предыдущего к следующему этапу происходит перестройка речевой системы. Однако, несмотря на общий консенсус относительно структуры этих этапов, их конкретное содержание и хронологические рамки могут значительно варьироваться в зависимости от теоретической парадигмы, которой придерживается тот или иной исследователь.

Так, например, довербальный период, охватывающий время от рождения до года, характеризуется развитием предпосылок речевой деятельности. Л.С. Выготский акцентировал внимание на роли довербальной коммуникации, подчеркивая важность эмоционального общения матери и ребенка, развития зрительного и слухового внимания, а также формировании голосовых реакций. Н.И. Жинкин в своей теории внутренних схем отмечал, что в этот период происходит формирование первичных слуховых и двигательных образов, которые являются основой для будущего овладения звуковой стороной речи, ребенок, в возрасте 6 месяцев, начинает активно лепетать, что является проявлением развития артикуляционного аппарата и слухового восприятия [5, с 128].

Переходя к следующему этапу, а именно периоду начала формирования речи (1-3 года), отечественные исследователи отмечают активное развитие лексики и грамматики. А.Н. Гвоздев в своем фундаментальном исследовании «Вопросы изучения детской речи» подробно описал этапы формирования грамматического строя речи, выделив периоды усвоения отдельных частей речи, образования словоформ и построения предложений. С.Л. Рубинштейн, рассматривая речь как деятельность, подчеркивал роль предметно-практической деятельности в развитии речи ребенка. Ребёнок, в возрасте 2 лет, начинает строить простые предложения, используя 2-3 слова демонстрируя первые шаги в овладении грамматическими структурами [3; 9].

В дальнейшем, в период развития связной речи и грамматической правильности (3-7 лет), процесс развития речевой деятельности приобретает новые особенности, так как характеризуется совершенствованием грамматического строя речи, расширением словарного запаса и развитием умения строить связные рассказы.

Различия в имеющихся периодизациях детской речи определяются разными позициями исследователей.

В более ранних исследованиях в процессе формирования речи выделены преимущественно три периода (А.Н. Гвоздев, 1981; Г.И. Розенгарт-Пупко, 1963; А.А. Лен-тьев, 2007). Выделение первых трех этапов становления речи в норме является в известной степени традиционным и подробно освещенным в научной литературе, поскольку дошкольный возраст можно считать ведущим в становлении речевых навыков. Четвертый период выделяют довольно редко, поскольку считается, что к началу школьного обучения все стороны речи у ребенка должны быть практически полностью сформированы.

На современном этапе развития науки более обоснованным, по нашему мнению, является выделение четырех этапов в речевом развитии, интенсивное формирование которого продолжается и в школьном возрасте, совпадающем с периодом начального школьного обучения.

Одна из последних периодизаций принадлежит А.Н. Корневу (2006), который в речевом онтогенезе выделил четыре этапа: инициальный (10-18 месяцев), ранний (18-30 месяцев), средний (30 месяцев - 6 лет) и поздний (6-12 лет).

В культурно-исторической теории развития подчеркивается роль обучения и социальной среды в развитии речи ребенка. Общение со взрослыми, чтение книг, участие в играх, рассказывание историй – все это способствует развитию речи. Поскольку зона ближайшего развития, где ребенок может научиться новому с помощью взрослого, играет ключевую роль (Л.С. Выготский, 1999).

Выдающийся исследователь в области нейропсихологии А.Р. Лурия рассматривал речь как высшую психическую функцию, участвующую в регуляции психической деятельности и формировании мышления. Учёный акцентировал внимание на роли речи в планировании и регуляции действий. Сначала ребенок называет свои действия вслух, а затем начинает планировать и контролировать их внутренне, посредством внутренней речи. [8, с 201]. В возрасте 5 лет, дошкольник пересказывает содержание сказки, используя сложные предложения и применяя различные средства выразительности сохраняя последовательность рассказа.

Школьный возраст знаменует переход к новому этапу речевого развития, характеризующемуся совершенствованием речевой деятельности. На этом этапе происходит дальнейшее развитие речевых навыков, овладение письменной речью и формирование различных функциональных стилей речи. В своей теории учебной деятельности Д.Б. Эльконин подчеркивал роль осознанного усвоения правил языка и развития умения контролировать свою речь [12, с 89].

Обсуждение

Школьный возраст представляет собой качественно новый этап в развитии речевой деятельности, характеризующийся углублением и расширением функциональных возможностей речи. В этот период происходит не просто наращивание лексического запаса и грамматической сложности, но и освоение принципиально новых способов использования языка для решения разнообразных коммуникативных и познавательных задач.

Дальнейшее развитие речевых навыков характеризуется тем, что школьники совершенствуют умение точно и эффективно выражать свои мысли, адаптировать речь к различным ситуациям и целевым аудиториям. Это включает в себя умение выбирать наиболее подходящие языковые средства для достижения конкретной коммуникативной цели. Если в начальной школе ребенок может описать предмет или событие, используя простой и понятный язык, то в старших классах он должен уметь представить аргументированное мнение, используя терминологию, логические связки и другие средства убеждения.

Развитие речи в школьном возрасте связано с переходом от спонтанного к произвольному владению языком, с формированием сознательного отношения к языковым средствам (Т.В. Ахутина, 2012).

От простого пересказа текста в начальной школе ученик переходит к написанию аналитических работ, требующих глубокого понимания темы, умения выделять ключевые моменты и формулировать собственные выводы.

Письменная речь становится не просто средством фиксации устной речи, но и мощным инструментом обучения, самовыражения и познания мира. Дети овладевают навыками грамотного письма, учатся составлять различные типы текстов (сочинения, изложения, доклады, рефераты, эссе и т.д.), формируют индивидуальный письменный стиль.

По мнению Л.С. Цветковой, «письменная речь является более сложной формой речевой деятельности, требующей высокого уровня произвольности и контроля» [11, с 138].

В дальнейшем дети знакомятся с различными функциональными стилями речи (разговорным, научным, художественным, публицистическим, официально-деловым) и учатся использовать их в зависимости от цели и ситуации общения. Это обеспечивает им возможность успешно адаптироваться к различным сферам жизни и деятельности. Умение использовать разговорный стиль

в неформальной обстановке и научный стиль при написании реферата или подготовке доклада демонстрирует гибкость и адаптивность речевой деятельности. Следует отметить, что владение функциональными стилями речи является необходимым условием успешной коммуникации в различных сферах деятельности (Н.И. Формановская, 2015).

Необходимо подчеркнуть, что школьное обучение так же способствует развитию критического мышления, которое тесно связано с речевыми навыками (Д.Б. Эльконин, 1962; В.В. Давыдов, 1996). Дети учатся анализировать тексты, выделять главную мысль, оценивать достоверность информации, формулировать собственные аргументы и контраргументы. Развитие таких речевых навыков является необходимым условием для формирования критического мышления у школьников.

Не менее значимым в дошкольном и младшем школьном возрасте является развитие коммуникативной компетентности. Умение эффективно общаться, понимать других людей, аргументировать свою точку зрения и находить компромиссы становится важным фактором успешной социальной адаптации. По мнению И.А. Зимней, «коммуникативная компетентность включает в себя не только владение языковыми средствами, но и умение эффективно взаимодействовать с другими людьми, учитывать их точку зрения и находить общий язык» [6, с 25].

Заключение

В целом, анализ литературы показал, совершенствование речевой деятельности как в дошкольном, так и в младшем школьном возрасте представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий развитие разнообразных речевых навыков, формирование критического мышления и развитие коммуникативной компетентности. Успешное развитие этих компонентов является необходимым условием для успешного обучения, социальной адаптации и личностного развития детей. Необходимо отметить значительный вклад отечественной науки в изучение онтогенеза речевой деятельности. Разнообразие теоретических подходов и эмпирических данных, предложенных отечественными и современными исследователями, позволяет глубже понять закономерности и механизмы развития речи у ребенка. Несмотря на различия в интерпретациях, все ученые сходятся во мнении о том, что речь – важнейшая психическая функция, играющая ключевую роль в познавательном, социальном и личностном становлении человека. Развитие связной речи и грамматической правильности – это непрерывный процесс, который начинается в раннем детстве и продолжается на протяжении всей жизни, требуя постоянного внимания и поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. О механизмах построения высказывания. М., Изд-во Теревинф, 2012. – 144 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 471 с.
4. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996 г. – 544 с.
5. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 370 с.
6. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. М.: «Высшее образование сегодня», 2009 – 42 с.
7. Лаврова Е.В. Логопедия. Основы фонопедии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М: В. Секачев, 2013. – 183 с.
8. Лурия, А.Р. Язык и сознание. [2. изд.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 335 с.
9. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. – 705 с.
10. Формановская, Н.И. Стилистика сложного предложения. 3-е издание М., Изд-во Ленанд 2015. – 240 с.
11. Цветкова Л.С. Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление. - М.: «Юрист», 1997. – 256 с.
12. Эльконин, Д.Б. Детская психология: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования; ред.-сост. Б. Д. Эльконин. - 6-е изд., стер. - М: Академия, 2011. – 383 с.

© Журавлёва Мария Сергеевна (mzhuravlmaria@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИАСПЕКТНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

MULTI-ASPECT MODEL FOR TEACHING THE LEXICAL SIDE OF FOREIGN LANGUAGE SPEECH TO SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION STUDENTS

**N. Moskovskaya
O. Shcheglova**

Summary: The article presents a multi-aspect model of teaching the lexical side of foreign language speech to students of secondary vocational education, the development of which is due to the achievements of linguacultural studies, linguaconceptology, the theory of linguistic personality and, as a consequence, an updated view of the volume of the meaning of a lexical unit. The model is based on a systemic combination of six interconnected component blocks, while the organizational and activity block is implemented on the basis of the following modules: semantic-functional, paradigmatic, syntagmatic, functional-stylistic and linguaconceptual. The passage of lexical units through these modules ensures the implementation of the principle of gradual increase in the meaning of the word and the ascent from its elementary knowledge to the conceptual component as a carrier of culture. The methodological basis is formed by competence, communicative-cognitive, personal-activity, lexical, sociolinguistic, linguacultural, axiological and linguaconceptual-didactic approaches. The article also presents and discloses special principles, key strategies, tactics and teaching methods aimed at developing a holistic lexical competence in the aspect of intercultural communication. All elements of the multi-aspect model are described in detail and confirmed by theoretical analysis and empirical material.

Keywords: multi-aspect model, lexical side of speech, lexical unit, vocabulary, teaching principles, teaching methods, module, linguistic and cultural concept.

Московская Наталия Леонидовна,

доктор педагогических наук, профессор,

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

mosknl@mail.ru

Щеглова Ольга Геннадьевна

старший преподаватель ГБОУ ВО СГПИ «Ставропольский

государственный педагогический институт»

shchegl0va8998@yandex.ru

Аннотация: В статье представлена полиаспектная модель обучения лексической стороне иноязычной речи обучающихся среднего профессионального образования, разработка которой обусловлена достижениями лингвокультурологии, лингвоконцептологии, теории языковой личности и как следствие, обновленным взглядом на объем значения лексической единицы. Модель строится на системном сочетании шести взаимосвязанных компонентов-блоков, при этом организационно-деятельностный блок реализуется на основе следующих модулей: семантико-функциональный, парадигматический, синтагматический, функционально-стилистический и лингвоконцептологический. Прохождение лексических единиц через указанные модули обеспечивает реализацию принципа постепенного наращивания значения слова и восхождение от его элементарного знания до концептологической составляющей как носителя культуры. Методологическую основу составляют компетентностный, коммуникативно-когнитивный, личностно-деятельностный, лексический, социолингвистический, лингвокультурологический, аксиологический и лингвоконцептодидактический подходы. В статье также представлены и раскрыты специальные принципы, ключевые стратегии, тактики и методы обучения, направленные на формирование целостной лексической компетенции в аспекте межкультурной коммуникации. Все элементы полиаспектной модели подробно описаны и подтверждены теоретическим анализом и эмпирическим материалом.

Ключевые слова: полиаспектная модель, лексическая сторона речи, лексическая единица, лексика, принципы обучения, методы обучения, модуль, лингвокультурный концепт.

Введение

Актуальность обращения к вопросам обучения лексической стороне иноязычной речи (далее ЛСИР) во многом обусловлена достижениями в области лингвоконцептологии, лингвокультурологии, лингвоконцептодидактики и появлением новых идей о содержании и глубине лексической единицы (далее ЛЕ). В современной педагогической науке широкое распространение получил метод методического моделирования, который предполагает построение последовательной и систем-

ной структуры всех этапов образовательного процесса с целью повышения его эффективности. В рамках этого метода нами была разработана и апробирована полиаспектная модель (далее ПМ), которая обеспечивает целостность, системность, эффективность формирования и развития у обучающихся лексической компетенции на уровне знаний, навыков, умений и способностей языковой личности в аспекте постижения иноязычной картины мира. Именно применение методического моделирования предоставляет возможность оперативно корректировать структурные элементы обучающей модели.

Литературный обзор

В исследованиях В.А. Штоффа, И.И. Ревзина, Н.Л. Московской, А.Н. Шукина и др. подчеркивается, что метод моделирования в обучении имеет широкий функциональный потенциал. Использование данного метода позволяет нам создать определенную модель, отражающую все основные черты учебного процесса с одной стороны, и специфические черты, позволяющие оценить уникальность данной модели и ее преимущества внутри системы обучения ИЯ в рамках общего образования, с другой стороны.

В нашем исследовании мы руководствуемся определением, предложенным А.Н. Шукиным, который под моделью понимает «систему организации учебного процесса, при которой прослеживается четкая последовательность учебных действий, а совокупность ее компонентов (методов, средств, приемов обучения и т.д.) направлена на достижение поставленных учебных целей» [17, с. 70].

При этом модель отвечает следующим требованиям: 1) субъективность; 2) двойственная природа; 3) трансформируемость; 4) компактность; 5) специфическая информативность как средства познания [2, с.148]. Данные параметры были учтены при проектировании ПМ обучения студентов среднего профессионального образования (далее СПО).

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью поиска и внедрения новых методических подходов, способствующих эффективному формированию лексической компетенции студентов СПО. Научная новизна исследования состоит в обосновании идеи о более сложном характере практического владения ЛСИР и предложении методической модели, обеспечивающей не только овладение семантико-функциональным уровнем лексики, но и проникновение в культурно-обусловленные, ценностные аспекты изучаемой культуры. Цель исследования – разработка и апробация ПМ обучения ЛСИР обучающихся СПО, интегрирующей современные лингводидактические концепции и ориентированной на формирование умений оперировать ЛЕ в многоуровневых коммуникативных и культурных контекстах. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении методологических основ обучения лексической стороне иноязычной речи на основе междисциплинарного синтеза лингвоконцептодидактики, лингоконцептологии, лингвокультурологии и лексического подхода, обосновании идеи о необходимости включения лингвоконцептологического компонента ЛЕ в содержание обучения. Практическая значимость проявляется в разработке конкретных стратегий, тактик и методических рекомендаций, позволяющих педагогам системно и последовательно формировать лексическую компетенцию сту-

дентов СПО в условиях современной образовательной среды.

Материалы и методы

В ходе исследования была использована широкая база источников, охватывающая как теоретические разработки в сфере лингводидактики, так и практические методики обучения ИЯ. Теоретическая основа опирается на труды в области педагогики, лингвистики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии и лингвоконцептодидактики. В процессе подготовки статьи применялись такие теоретические методы, как анализ, синтез, обобщение, моделирование, сравнение и аналогия, а также практические – наблюдение, анкетирование, опытное обучение и тестирование. Анализ научно-методической литературы и систематизация концептуальных подходов исследователей позволили нам разработать ПМ обучения студентов СПО ЛСИР. Предлагаемая ПМ представляет собой целостную систему, включающую в себя шесть блоков: 1) предпосылки; 2) целевой; 3) концептуально-методологический; 4) содержательный; 5) организационно-деятельностный и 6) оценочно-результативный.

Результаты

Основанием для разработки той или иной методической модели обучения могут служить положения нормативных документов, особенности контингента обучающихся, уровень материально-технического обеспечения, кадровый состав и другие факторы. Применительно к предпосылкам к созданию ПМ стоит отнести: а) требования в соответствии с п. 1.3 ФГОС СПО освоения ОП, основанные на требованиях ФГОС СОО к предметным результатам освоения дисциплины «Иностранный (английский) язык (базовый уровень)» в рамках тематического содержания СПО [15]; б) противоречия, объединив которые, можно выделить главное: между возрастающим интересом ученых и практиков иноязычного образования к проблеме обучения лексической стороне речи на фоне достижений лингвокультурного, лингвоконцептологического, словоцентрированных, зарождающегося лингвоконцептодидактического подходов и теории языковой личности, подтверждающих понимание того, что межкультурная коммуникация становится полноценной не на уровне значений, а на уровне смыслов, заложенных в единицах лингво-когнитивного уровня – лингвокультурных концептах, с одной стороны, и неудовлетворенностью как учителей ИЯ, так и самих обучающихся объемом словарного запаса и глубиной его усвоения по итогам обучения, с другой стороны.

Целевой блок отражает цель моделируемого процесса, а именно – комплексное овладение ЛСИР обучающихся СПО с учетом объема, плотности и глубины ЛЕ как компонента готовности к межкультурной коммуни-

кации. При этом лексическая компетенция, включающая знания, навыки и умения ЛЕ входит в состав лексической стороны речи.

Концептуально-методологический блок отражает совокупность подходов и принципов, закладывающих теоретико-методологические основы организации процесса обучения.

Разработанная модель основывается на реализации ряда *подходов*. В Таблице 1 ниже дадим краткую характеристику каждого из них.

Построение ПМ предполагает опору на весь комплекс общедидактических, общеметодических и частных методических **принципов обучения**.

Принцип обучения культуре через язык и языку через культуру играет важную роль в нашем исследовании. По мнению ученых: «изучение культуры через язык – единственно правильный методологически и единственно возможный практически путь формирования представлений о языковой картине мира носителей изучаемого языка, культуры страны изучаемого языка» [5, с.89]. На современном этапе обучения ИЯ данная парадигма может быть расширена таким компонентом как «обучение через язык и культуру к постижению ценностей, ментальных установок и убеждений изучаемого лингвосообщества» и выражена формулой: «овладение языком ↔ овладение фактами иной культуры ↔ овладение ментальными установками и ценностями изучаемой лингвокультуры».

Практический опыт работы в школе и вузе показывает, что ни в одном учебнике английского языка, входящем в УМК школы/вуза, не представлены толкования лексического состава или грамматических явлений, которые бы проливали свет на характер и дух народа, на его мироощущения, его ценностные ориентиры.

При обучении ИЯ с учетом данного принципа особую значимость приобретают умения обучающихся в области правильного прочтения языкового материала, правильного видения культурного пласта, отраженного в нем, и верной его интерпретации с целью использования аспектов ЛЕ (формально-смысловую связь, концептуальную значимость, ассоциативные связи, колокации, ограничения по стилистической и жанровой принадлежности, ограничение по этическому и контекстуальному принципу, регистровые особенности) в обучении языку. Такой подход должен быть реализован не только по отношению к лексическому составу языка, но и ко всем языковым уровням.

ПМ также опирается на следующие *частнометодические* принципы: 1) модульной структуры построения

учебного материала; 2) постепенного наращивания объема и глубины ЛЕ (принцип *инкрементальности* от англ. *incremental* – поспепенный, поэтапный, возрастающий) 3) нелинейного процесса обучения; 4) полиаспектного характера ЛЕ; 5) учета концептологической составляющей. Дадим краткую характеристику каждого из принципов.

Принцип *модульной структуры* построения учебного материала предполагает комплексное усвоение ЛСИР как целостной системы, модули которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Нами предложено выделить пять модулей: семантико-функциональный, парадигматический, синтагматический, функционально-стилистический и лингвоконцептологический, ориентированные на овладение всеми компонентами полиаспектной структуры ЛЕ. Мы склонны утверждать, что последовательность этапов усвоения, наряду с обязательностью реализации инвариантного семантико-функционального модуля носит нелинейный характер и может варьироваться в зависимости от частотности, типа лексики, тематической специфики, коммуникативной и учебной ситуаций. Следует также отметить, что разграничение указанных модулей проводится только в теоретическом плане с целью многоаспектного анализа рассматриваемого научного конструкта. Строгая граница между модулями в освоении ЛЕ отсутствует, упражнения и коммуникативные задания могут относиться к нескольким модулям [6, Журнал Вестник пед.наук (ВЫХОД сент-окт)].

Принцип постепенного наращивания и глубины ЛЕ от семантико-функционального до лингвоконцептологического уровня обосновывает идею о значительном увеличении количества контекстов употребления ЛЕ и приводит к ее более прочному усвоению. Поэтапное формирование лексических действий и операций создает систему по отработке материала, способствует прочному усвоению лексики, создает операционную основу для включения программных ЛЕ в разные виды и формы иноязычной речи.

Одни и те же ЛЕ включаются в учебный модуль повторно (в разных темах, заданиях и упражнениях), при этом каждое повторение предполагает усложнение и расширение знаний обучаемого о возможностях и вариантах применения данной ЛЕ, например, о вариантах перевода многозначных слов в зависимости от контекста или вхождения во фразеологические обороты и т.п. Каждый раздел учебника предполагает помодульную работу с ЛЕ, при этом необходимо предусмотреть нарастание сложности материала. Кроме того, в процессе освоения учащимися материала им необходимо предлагать все более сложные упражнения для формирования и закрепления лексических навыков и умений. Восхождение от

Таблица 1.

Ключевые положения подходов, закладывающих теоретико-методологические основы организации процесса обучения.

Подход	Ключевые положения
Компетентностный подход (Н. В. Языкова, И.Л. Бим, И.А. Зимняя, Е.Г. Тарева, Джон Локк, Н.Л. Московская и др.)	– Основан на формировании системы компетенций, соответствующих современным требованиям к качеству образования. – Компетентностная парадигма задаёт методологическую основу как для общей дидактики, так и для методики преподавания ИЯ. – Является основой для формирования целевых и результативных компонентов образовательной системы. – Призван обеспечить практико-ориентированный и результативный характер обучения [12 с. 268].
Коммуникативно-когнитивный подход (Н.В. Барышников., И.Л. Бим, Е.И. Пассов и др.)	– Необходим баланс между знанием языковой системы и способностью к речевым действиям. – Включает две парадигмы: коммуникативную (язык как средство коммуникации) и когнитивную (язык как инструмент мышления). – Коммуникативная парадигма – акцент на взаимодействии и коммуникации [7, с.146]. – Когнитивная парадигма – акцент на развитии логики, памяти, критического мышления. – Учебный процесс направлен на приобретение, обработку, структурирование и практическое применение знаний.
Личностно-деятельностный подход (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, С.Л. Рубинштейн и др.)	– Основная идея – развитие личности через активную речевую деятельность. – Учитываются индивидуальные особенности учащихся. – Педагог создает условия для раскрытия личностного потенциала и самореализации каждого обучающегося. – Организация субъект-субъектных отношений (рост активности и самостоятельности). – Обучение строится на основе личной включенности и активного участия.
Лексический подход (Nattinger, Peters, Lewis и др.)	– Язык рассматривается как совокупность устойчивых лексико-грамматических «чанков», а не отдельных слов и правил. – Основная единица обучения — готовые лексические блоки (chunk), а не изолированные слова или грамматические структуры [19, с.78]. – Обеспечивает одновременное внимание к форме и содержанию [9, с.11]. – Язык – «грамматикализованная лексика», важнее лексические средства выражения.
Социолингвистический подход (Е.Г. Тарева, В.В. Сафонова, Н.Д. Гальскова, А.А. Миролюбов и др.)	– Ориентация на овладение социально обусловленными особенностями вербального и невербального общения. – Выбор языковых средств определяется социальным контекстом, целями коммуникации, ситуацией. – Важно формировать умения для адекватного выбора языковых и невербальных средств в зависимости от коммуникативной ситуации. – Учитывается расширение межкультурной коммуникации (цифровизация, формальные и неформальные форматы общения). – Обучающийся становится полноправным участником межкультурного общения.
Лингвокультурологический подход (Ф.П. Фурманова, В.В. Воробьев, В.И. Красных, Е.Г. Тарева и др.)	– Языковая семантика рассматривается как результат культурного опыта и «культурная память народа» [4, с. 36]. – Задача – формировать умение анализировать языковые явления с учетом культурологических особенностей. – Задаёт параметры для особой обучающей стратегии, выражаемой в формуле «овладение языком ↔ овладение фактами иной культуры» [11, с. 308]. Опираясь на данное утверждение, мы можем расширить данную формулу, включив ценности, убеждения изучаемого лингвообщества. Формула обретает более широкий контекст: «овладение языком ↔ овладение фактами иной культуры ↔ овладение ментальными установками и ценностями изучаемой лингвокультуры».
Аксиологический подход (Н. В. Языкова, Т. Ж. Кхан, Ф.К. Малик и др.)	– Главная категория – «ценность» (традиционные и общечеловеческие ценности: семья, труд, патриотизм, гражданственность и др.) [13]. – Приоритет в формировании национальной идентичности и эффективного диалога культур. – Миссия – развитие у обучающихся традиционных ценностей для диалога культур в меняющемся мире [18, с.25]. – Система упражнений должна способствовать осмыслению и принятию ценностей изучаемой культуры.
Лингвоконцептодидактический подход (И.А. Стернин, Т.М. Никифорова, С.В. Чернышов., Н.В. Машканцева и др.)	– Цель – формировать умение использовать языковые единицы (в т.ч. фразеологизмы) адекватно коммуникативной ситуации и с учетом культурной специфики. – Обучение строится вокруг овладения концептами, отражающими национально-культурные смыслы. – Формирует способность различать общее и различное в языковых картинах мира. – Позволяет выстроить образовательную траекторию, учитывающую глубинные различия в восприятии и интерпретации языковых единиц.

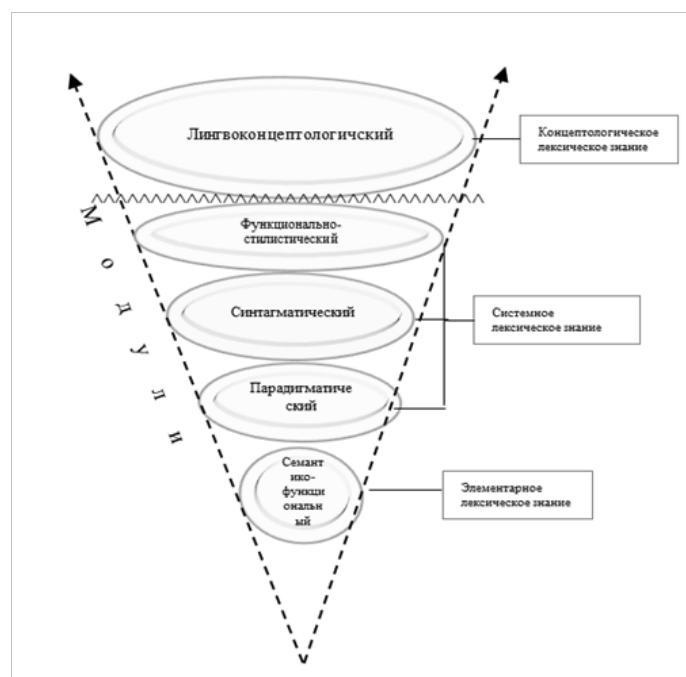

Рис. 1. Структура лексического знания в аспекте его направленности на комплексное овладение лексической стороной иноязычной речи

функционирование в языке и культуре. В этом контексте речь идет о таких аспектах, как: 1) коллокационная сочетаемость (*natural combinations: make a decision, heavy rain*); 2) коннотация (положительная/отрицательная оценка: *slim vs skinny*); 3) когнитивный и культурный контекст (связь с концептом: *privacy* в западной культуре); 4) формальность/регистр (напр.: *kid vs child vs offspring*); 5) синонимия и антонимия, гипонимия и гиперонимия (*semantic networks*); 6) полисемия и омонимия (многозначность и омонимы: *bank* как учреждение и как берег); 7) метафорические и идиоматические значения (*break the ice, cold war*); 8) жанровая специфика и частотность употребления (слово может быть характерно для новостного, художественного или академического текста); 9) ассоциативные связи и ментальные образы (лексема *mother* ассоциируется с заботой, теплом, домом – отражает концепт *семья*); 10) словосочетаемость в определенном со-тексте (контекстуальные ограничения и стилистические маркировки).

Принцип учета концептологической составляющей. Современная методика преподавания ИЯ основывается на интеграции когнитивно-дискурсивных и социокультурных подходов, в рамках которых язык рассматривается не только как средство общения, но и как инструмент концептуализации мира. В связи с этим особое значение приобретает принцип учёта концептологической составляющей, предполагающий включение в учебный процесс работы с культурно-значимыми концептами, отражающими мировоззренческие особенности носителей языка.

С методологической точки зрения данный принцип опирается на идеи когнитивной лингвистики, культурологии, лингвокультурологии, лингвокогнитивного подхода, психолингвистики, социолингвистики и др. Реализация данного принципа предполагает:

1. Обеспечить семантическую глубину обучения, выходя за пределы формального усвоения лексики и грамматики, способствуя формированию у учащихся способности к межкультурной интерпретации;
2. Активизировать когнитивные процессы, формируя у обучающихся умения концептуализировать, интерпретировать и обсуждать абстрактные категории (например, *freedom, success, challenge, family* и др.);
3. Формировать языковую личность, способную не только коммуникативно действовать, но и осмысленно участвовать в межкультурном диалоге, что особенно актуально в условиях цифровизации образования;
4. Углубить работу с лексико-семантическими связями, включая синонимию, антонимию, коллокации, метафорические переносы, что особенно важно в рамках лексического подхода.

Содержательный блок обучения ЛСИР опирается на знания в области лингвистики, психологии и дидактики. В рамках *лингвистического компонента* выделяется отбор языкового (лексического, грамматического, фонетического), речевого и социокультурного материала. Так, лингвистический компонент содержания обучения лексике на конкретном этапе обучения представляет

собой необходимый набор ЛЕ, предназначенный для решения речевых задач, обусловленных контекстом деятельности определенной возрастной группы обучающихся. *Психологический компонент* подразумевает изучение мотивов и интересов учащихся к иностранному языку, лексические навыки и умения, лингвистические способности (догадка, прогнозирование, обобщение, категоризация, концептуализация).

Организационно-деятельностный блок разработанной ПМ представлен набором *стратегий, тактик, приемов, типов упражнений, форм работы и методов работы*. Представим развернутую характеристику каждого модуля.

Модуль 1 (семантико-функциональный). Модуль фокусируется на взаимосвязи между формой, значением и функцией слов и является инвариантным поскольку служит основой для дальнейшего углубления в более специфические аспекты лексики. Он создает структурный каркас для освоения синонимов, антонимов, коллокаций, культурных концептов и др. На первом этапе целесообразно обеспечить учащимся опору на базовые характеристики лексемы: произношение, грамматическую категорию, основное значение и коммуникативную функцию.

К модулю 2 (парадигматический) относятся: антонимы, синонимы, омонимы, полисемия, гипонимия, гиперонимия, ассоциативные связи. Данный модуль реализуется как инкрементальность (наращивания значений) и направлен на осознание системных связей в языке и развитие способности использовать лексику в вариативных контекстах. Он опирается на принципы лексической системности и способствует развитию когнитивных операций сравнения, категоризации и обобщения. Основываясь на концепции «Спектра порождающей силы» (по выражению М. Льюиса), позволяющей дифференцировать ЛЕ на основе их потенциала к формированию новых высказываний и использовать эту дифференциацию для оптимизации процесса обучения языку, в нашем исследовании в качестве практического материала мы традиционно берем за основу ЛЕ, характеризующиеся высокой способностью к словообразованию, степенью сочетаемости и являющиеся ключевыми элементами структурной организации языка (например, *care – careful – caring; respect – respectful – respected; support – supportive – supported*) [19 с.54].

К модулю 3 (синтагматический) относятся: коллокации, со-текст, словосочетаемость. Фокус на коллокациях и словосочетаемости подчеркивает важность контекстуального употребления слов. Исследования, проведенные В.В. Ключихиным показывают, что знания о коллокациях значительно улучшают беглость и естественность речи [3, с.110] Это также согласуется с концепцией

«язычной среды» Л.С. Выготского, в которой язык рассматривается как инструмент взаимодействия [1, с. 65]. Модуль направлен на сочетание слов, что является необходимым для грамматически и семантически точных высказываний.

К модулю 4 (функционально-стилистический) относятся: формальность, жанр, регистр, частотность. Изучение формальности, жанра и регистра помогает учащимся адаптировать свою речь к различным коммуникативным ситуациям. Исследования Е.Л. Черниковой показывают, что осознание стилистических различий способствует более эффективному общению и уменьшает вероятность недопонимания [16, с. 81].

К модулю 5 (лингвоконцептологический) относятся: лингвокультурный концепт, метафорическое значение, коннотации, культурная специфика. Основу лингвокультурного концепта в содержании обучения составляет понятие во всей его семантической экстенсии, включая ассоциации, импликации и коннотации, связанные с данным понятием и известные носителям языка. Концептуальность в отношении обучения ЛСИР предполагает направленность на всесторонность и глубину охвата национально-культурных ценностей и смыслов и, более широко, коммуникативного аспекта иноязычной культуры. При этом она способна обеспечить обучающимся широту и глубину взглядов на те или иные факты иноязычной действительности. Таким образом, обучающийся приобретает к определенной национальной культуре через усвоение основных национально-детерминированных лингвокультурных концептов.

Примеры культуросодержащих ЛЕ: *freedom* (свобода) – концепт, связанный с правами человека и политическими системами; *justice* (справедливость) – культурно значимый концепт в дискуссиях о правосудии; *privacy* (приватность) – концепт, который часто обсуждается в контексте социальных сетей и права на личную жизнь, *home* – не просто «дом», а пространство уюта и семейных традиций в английской культуре), метафорическое значение (например, *“to break the ice”* – «растопить лёд», то есть начать разговор и снять напряжение) и др.

В Таблице 2 представлены примеры *стратегий и тактик* формирования иноязычных навыков в структуре ЛСИР.

Предложенные стратегии и тактики находят свое отражение в системе *приемов* обучения и в *упражнениях*.

Вслед за Е.И. Пассовым, И.В. Рахмановым мы выделили *языковые, условно-речевые и речевые виды упражнений*.

Неотъемлемыми компонентами полиаспектного ов-

Таблица 2.

Стратегии и тактики формирования иноязычных лексических навыков с структуре ЛСИР.

Стратегия	Тактики
Введение ЛЕ	• Подбор антонима, синонима • Игровые методы (например, лексические викторины, словесные игры) и др.
Запоминание фонетической, графической формы и денотативного значения ЛЕ	• Озвучивание ЛЕ • Визуальная презентация (карточки, рисунки) • Осязательные и игровые приёмы (например, написание пальцем в воздухе, составление пазлов) и др.
Тренировка иноязыческой лексики	• Группировка • Ассоциативные ряды • Создание опор (фреймов) и др.
Формирование коллокационных связей между ЛЕ	• Визуальная презентация лексических сочетаний и др.
Контроль уровня сформированности лексических навыков	• Подсчет освоенных ЛЕ • Обращение к словарю • Тестовые задания для контроля и др.
Применение ЛЕ в коммуникации	• Описание незнакомого слова • Невербальные компоненты (жесты, мимика) • Переспрос и др.
Преодоление страха ошибки и снижение количества ошибок	• Подготовка плана ответа • Запись ответа на диктофон • Выбор варианта выполнения задания и др.
Создание когнитивного образа слова	• Активизация когнитивных способностей (ассоциативные карты, визуализация) и др.
Формирование понятий о языковых категориях	• Анализ языковых категорий (части речи, грамматические особенности) • Примеры построения предложений и др.
Создание лексического концепта	• Работа с ЛЕ, несущей лингвострановедческую информацию (толкование культурных реалий, сравнение культур) и др.
Игровое взаимодействие	• Включение игр, командных заданий, ролевых ситуаций, сотрудничества с партнером/учителем и др.
Овладение учебным стилем	• Самостоятельный выбор стратегий, планирование, рефлексия над процессом изучения и др.

ладения иноязычной лексикой являются специальные *методы*, предусмотренные в каждом модуле. В данном исследовании основной упор мы делаем на коммуникативный метод, в его расширенном понимании, предполагающий выполнение таких упражнений, как составление ассоциативных полей с выделением ядра и периферии лингвокультурного концепта, построение концепт-карты с включением синонимов, метафор, фразеологических и культурно маркированных ЛЕ, мозговые штурмы с последующей кластеризацией понятий, направленных на целенаправленное использование изучаемых ЛЕ в условиях приближенных к реальному общению. Преподаватель берет на себя функции организатора общения, задает наводящие вопросы, выступает арбитром в обсуждении спорных моментов. При этом обучающийся имеет возможность проявить свою речевую самостоятельность.

Перечисленные компоненты предложенной нами ПМ тесно взаимосвязаны и способствуют комплексному овладению ЛСИР обучающимися СПО. Важным этапом работы является этап оценки результатов проделанной

работы. Именно поэтому последним компонентом ПМ обучения лексической стороне иноязычной речи является *оценочно-результативный*.

ПМ обучения лексической стороне иноязычной речи представлена ниже на Рисунке 2. Указанная ПМ была апробирована во время опытно-экспериментального обучения, которое осуществлялось на базе ГБОУ ВО Ставропольского государственного педагогического института, факультет СПО, первого года обучения в соответствии с п. 1.3 ФГОС СПО при освоении ОП на требованиях ФГОС СОО [12].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы, связанные с применением ПМ:

1. Итоговое тестирование подтвердило эффективность предложенной модели. В экспериментальных группах был зафиксирован существенный прирост по всем аспектам: от +5% до +12%. Особо выражен рост наблюдался по синтаг-

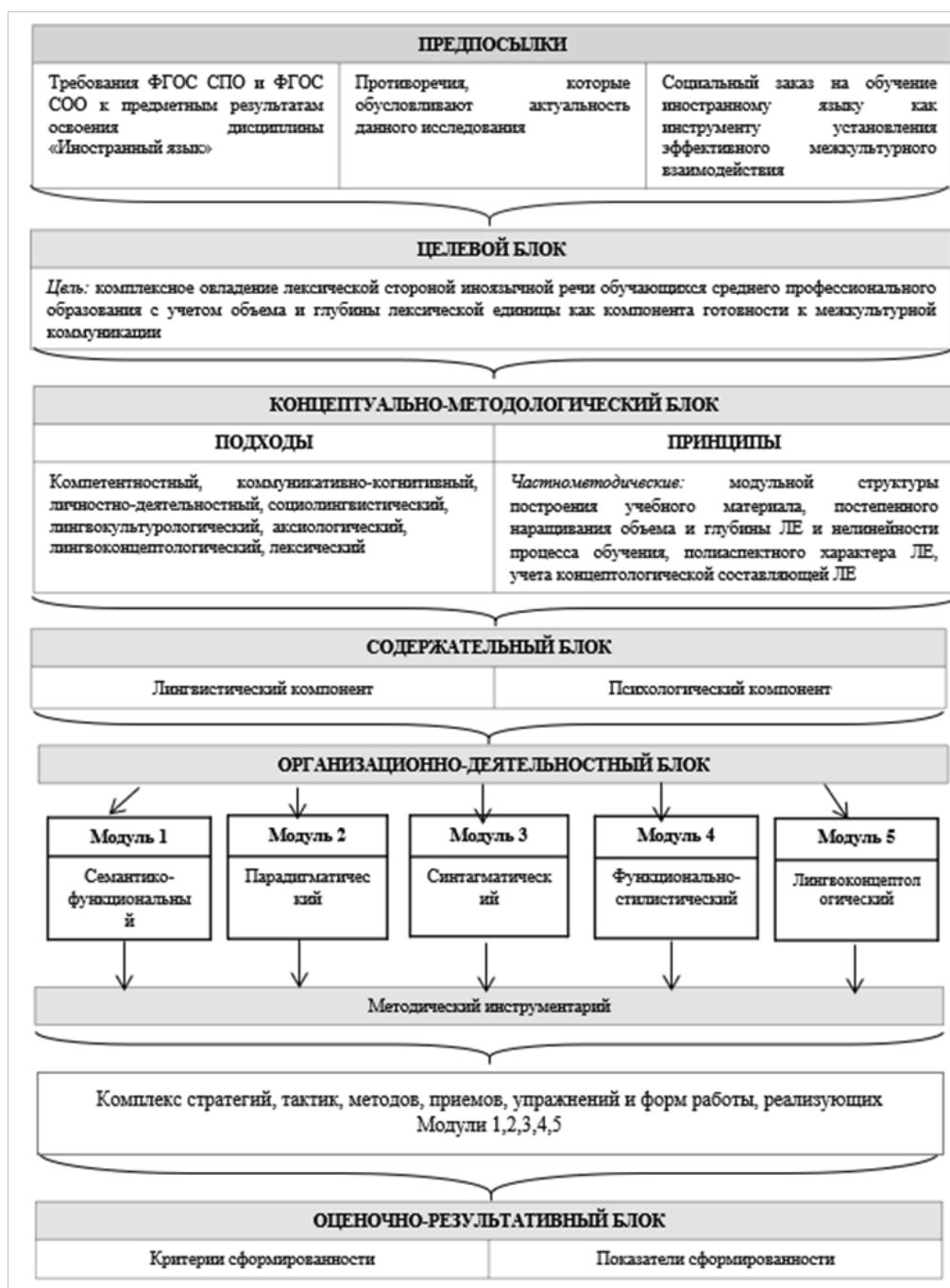

Рис. 2. Полиаспектная модель обучения ЛСИР

матическому (+10%), функционально-стилистическому (+12%) и лингвоконцептологическому (+10%) аспектам, что указывает на развитие не только памяти и узнавания слов, но и способности оперировать ими в сложных речевых и культурных контекстах.

- Прирост в навыках продуктивного говорения в экспериментальных группах составил +8%, что является значимым показателем для такого сложного вида речевой деятельности, как спонтанная устная речь. В то время как в контрольных груп-

пах показатели по говорению не изменились (остались на уровне 40%), обучающиеся экспериментальных групп продемонстрировали большее разнообразие лексических средств, устойчивость речевых стратегий и более глубокое осмысление концептов в высказываниях.

- В контрольных группах, обучавшихся по традиционной методике, изменения были минимальны: прирост составил лишь 0–2% по большинству аспектов, а по говорению – прирост отсутствует. Это подтвердило недостаточную эффективность

одностороннего подхода к освоению лексики, не учитывающего её концептуальную, стилистическую и коллокационную глубину.

4. Проведённый количественный и качественный анализ показал, что ПМ обучения ЛСИР обеспечи-

вает более прочное, гибкое и осмысленное овладение лексическим материалом, формирует речевую активность и способствует интериоризации языковых средств на уровне смыслов, образов и культурных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка [Текст] / Выготский Л.С. - СПб.: Питер, 2021. 224 с.
2. Доброва В.В. Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов // [Электронный ресурс] // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-kak-metod-poznaniya-nenablyudaemyh-obektov/viewer> (Дата обращения: 20.06.2025)
3. Ключихин В.В. Методика обучения студентов коллокациям на основе корпусных технологий искусственного интеллекта: дис. ... канд-та пед.наук. - Тамбов, 2024. - 153 с.
4. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ / Центр междунар. образования. - 2012. - № 3. - С. 67-73. - Электронная копия доступна на сайте системы Истина. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/ed4/1a0/3179765/Krasnyih-Kultura_KP_i_LK_-_kult.ident-ya.pdf (дата обращения: 07.07.2025).
5. Московская Н.Л. Формирование профессиональной компетентности лингвиста-преподавателя: дис. ... д-ра пед. наук. - Сходня, 2004. - 436 с.
6. Московская Н.Л., Щеглова О.Г. Обучение лексической стороне речи в свете обновленного взгляда на значение лексической единицы // Вестник педагогических наук, -2025, №6
7. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного [Текст] / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. - М.: Русский язык. Курсы, 2010. - 568 с / Рахмановым И. В.
8. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 12.08.2022 № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413» [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209120008> (Дата обращения: 28.06.2025)
9. Сысоев П.В. Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях "диалога культур" и "не-диалога культур" [Электронный ресурс] // Язык и культура. 2018. №43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peresmatrivayakonstruktmezhkulturnoy-kompetentsii-obuchenie-mezhkulturnomu-vzaimodeystviyu-v-usloviyah-dialoga-kultur-i-ne-dialoga/viewer> (Дата обращения: 25.06.2025)
10. Сысоев П.В. Языковое поликультурное образование: что это такое? [Текст] / П.В. Сысоев // Иностранные языки в школе. - 2006. - № 4. - С. 2-14.
11. Тарева Е.Г. Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку / Е.Г. Тарева. - Текст: непосредственный // Язык и Культура. - 2017. - №40 - С. 302-320 (а).
12. Тарева Е.Г. Сущность лингводидактических компетенций в структуре профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка / Е.Г. Тарева, Б.В. Тарев. - Текст: непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. - 2007. - № 10. - С. 268-276.
13. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 [сайт]. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 29.06.25).
14. ФГОС среднего общего образования (10-11 кл.). [Электронный ресурс]. - URL: <https://fgos.ru/> (Дата обращения: 29.06.2025)
15. Федеральные государственные образовательные стандарты [сайт]. - URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 29.06.2025).
16. Черникова Е.Л. Методика обучения школьников стилистическому аспекту иноязычного общения на уровне среднего общего образования: дис. ... канд-та пед.наук. - Курск, 2023. - 159 с.
17. Шукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов / А.Н. Шукин. - Москва: Издательство ИКАР, 2011. - 454 с.
18. Языкова Н.В. Методика формирования компенсаторных умений говорения в общеобразовательной школе / Н.В. Языкова // Иностранные языки в школе. - 2013. - № 9. - С. 26-32.
19. Lewis M. (2018) The lexical approach: The state of ELT and the way forward. Hove, England: Language Teaching Publications - P. 54-86.

© Московская Наталья Леонидовна (mosknl@mail.ru), Щеглова Ольга Геннадьевна (shcheglova8998@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ РОССИИ И КИТАЯ

Мэй Цитун

Аспирант, Московский педагогический
государственный университет
meiqitong7@gmail.com

GENERAL AND SPECIFIC DIRECTIONS OF ART EDUCATION IN SCHOOLS IN RUSSIA AND CHINA

Mei Qitong

Summary: The article presents a comparative analysis of art education in general schools of Russia and China, identifying common development trends and specific characteristics of each country. It is noted that in both countries art education is viewed as an important component of holistic personal development and aesthetic upbringing of youth. The paper examines state initiatives and concepts aimed at supporting arts in schools, as well as the challenges impeding their implementation – lack of instructional time, exam-oriented focus, shortage of teachers, etc. It was found that Russia preserves a rich tradition of academic art instruction and an extensive system of supplementary arts education, whereas in China art subjects were historically overshadowed by core disciplines, although in recent years major reforms have been undertaken to strengthen aesthetic education. A common trend in both Russia and China – the search for a balance between preserving cultural traditions and introducing innovative methods (digital technology, new pedagogical approaches) in art teaching – is emphasized. The findings suggest a mutual enrichment of the two countries' experiences in art education and highlight the importance of international cooperation in this field.

Keywords: art education, aesthetic education, school, Russia, China, cultural traditions, innovation, comparative analysis.

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ художественного образования в общеобразовательных школах России и Китая, выявляются общие тенденции развития и специфические особенности каждой страны. Отмечается, что в обеих странах художественное образование рассматривается как важная составляющая всестороннего развития личности и эстетического воспитания молодежи. Рассмотрены государственные инициативы и концепции, направленные на поддержку искусства в школе, а также проблемы, препятствующие их реализации – недостаток учебного времени, ориентация на экзамены, дефицит преподавателей и др. Выявлено, что в России сохраняется богатая традиция академического художественного воспитания и разветвленная система дополнительного образования в сфере искусств, тогда как в Китае исторически художественные предметы были в тени основных дисциплин, однако в последние годы предпринимаются масштабные реформы для укрепления эстетического воспитания. Подчеркивается общая для России и Китая тенденция поиска баланса между сохранением культурных традиций и внедрением инновационных методов (цифровые технологии, новые педагогические подходы) в преподавание искусства. Предложены выводы о взаимном обогащении опыта двух стран в области художественного образования и значимости международного сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова: художественное образование, эстетическое воспитание, школа, Россия, Китай, культурные традиции, инновации, сравнительный анализ.

Россия обладает длительной историей преподавания искусства в школе и разветвленной инфраструктурой художественного образования. Сформировалась система, условно состоящая из трех уровней: школа – среднее специальное учебное заведение (училище) – вуз, а также параллельная система дополнительного образования (детские художественные школы, школы искусств, кружки и студии). Еще в советский период было разработано научное обоснование художественного воспитания детей (работы Б.М. Неменского, Б.П. Юсова, А.А. Мелик-Пашаева и др.), заложившее прочный фундамент методики преподавания изобразительного искусства и музыки в общеобразовательной школе. Основной целью провозглашалось формирование всесторонне развитой личности, способной воспринимать и создавать художественные ценности – так называемое эстетическое развитие учащихся.

В настоящее время в российских школах предметы

художественно-эстетического цикла включают прежде всего «Изобразительное искусство» (в 1–7 классах), «Музыку» (1–7 классы), а также курс «Мировая художественная культура (МХК)» в старших классах. Однако реальные часы на эти предметы весьма ограничены. По действующим образовательным стандартам на изобразительное искусство и музыку отводится лишь по 1 уроку в неделю в начальной и основной школе. Специалисты отмечают, что это существенно меньше, чем в ряде стран с развитым образованием (почти в 2,5 раза меньше, чем в экономически высокоразвитых государствах). В старшей школе предмет «МХК» часто введен факультативно или интегрирован в курсы истории/литературы, что приводит к разрыву преемственности эстетического воспитания. Таким образом, одна из ключевых проблем российского школьного искусства – недостаточное учебное время, отведенное на художественные дисциплины. Это признается и на уровне экспертного сообщества, и на уровне государственной культурно-образовательной

политики.

Серьезным вызовом остается кадровая и методическая обеспеченность художественного образования. Квалификация учителей изобразительного искусства и музыки не всегда отвечает современным требованиям. Эксперты указывают, что качество подготовки учителей художественно-эстетического цикла оставляет желать лучшего: во многих школах уроки ИЗО ведут педагоги без специального художественного образования либо с устаревшими представлениями о методике. А.А. Мелик-Пашаев подчеркивал, что односторонне традиционная квалификация педагога может дискредитировать саму идею художественного воспитания. Низкий престиж предмета в системе образования влечет и более низкую мотивацию самих учителей к профессиональному росту. Отчасти решению этой проблемы призваны способствовать методические объединения учителей искусства, конкурсы педагогического мастерства, издания вроде журнала «Искусство в школе». Тем не менее, вопрос о повышении уровня подготовки и переподготовки учителей искусства по-прежнему актуален. Необходимо, чтобы педагог владел как традиционными академическими знаниями (основами рисунка, живописи, музыки), так и современными технологиями, мог интегрировать различные виды искусства и стимулировать творческую активность детей. В российской науке отмечается, что недостаток компетентных педагогических кадров – один из факторов, тормозящих реализацию идей художественного образования на практике.

Наряду с проблемами, российское художественное образование располагает и значительными преимуществами. К их числу можно отнести сохранение богатых академических традиций преподавания искусства. Учебные программы по изобразительному искусству в школе традиционно включают освоение практических навыков (рисунк, живопись, композиция, лепка и др.), знакомство с мировым и отечественным художественным наследием, развитие эстетического восприятия. Еще в 1970-е годы под руководством Б.М. Неменского была разработана целостная программа обучения ИЗО в школе, объединяющая искусство как творчество, как язык и как культуру. Эта система доработана и используется по сей день (линия учебников Неменского для 1–8 классов и др. пособия). Благодаря этому у российской школы есть фундаментальная методологическая база в области художественной педагогики. Кроме того, развитая сеть дополнительного образования позволяет одаренным и мотивированным детям заниматься искусством более углубленно. Детские художественные школы (ДХШ) и школы искусств действуют практически во всех городах; существуют художественные студии, дворцы творчества, где дети могут овладевать изобразительными навыками за рамками школьной программы. Многие профессиональные художники и музыканты в России начинали путь именно с ДХШ параллельно с обычной школой – такая

система «триотической» (трехуровневой) подготовки является уникальной чертой российской модели. Также важно отметить высокий уровень государственной поддержки профессионального художественного образования (колледжи, вузы) – это создает в обществе определенный престиж художественных профессий, который опосредованно влияет и на мотивацию школьников. Государство традиционно финансирует художественные школы, конкурсы, выставки детского творчества. Таким образом, в России сложилась богатая художественно-образовательная среда, включающая школу, семью и культурные учреждения, что отмечается зарубежными исследователями как сильная сторона российского опыта. Например, по сравнению с Китаем, в России выше процент населения, имеющего базовые художественные навыки и интерес к искусству, что связывают с длительной историей всеобщего эстетического воспитания и доступностью искусства для широких слоев.

Подводя итог, можно сказать, что художественное образование в российских школах сегодня развивается в условиях противоречия между богатыми традициями и новыми социальными реалиями. Сохраняя фундамент, заложенный десятилетиями практики, система сталкивается с необходимостью модернизации – увеличения учебных часов, повышения качества подготовки учителей, обновления содержания с учетом современных видов искусства и цифровой культуры. В то же время приоритетной остается задача сохранения культурной миссии школы – воспитать у детей вкус, любовь к искусству, понимание национального и мирового культурного наследия. Решение обозначенных проблем во многом зависит от государственной политики и общественного запроса – «быть или не быть искусству в школе?». Позитивным сигналом служат предпринимаемые Министерством просвещения шаги (например, обсуждение внесения изменений в ФГОС в части увеличения часов на предметы искусства, поддержка проектов по культуре для школ). Российские эксперты едины во мнении, что без укрепления художественного образования невозможно обеспечить подрастающему поколению полноценное духовное развитие в современных условиях. В этом контексте интерес представляет изучение опыта других стран, прежде всего Китая, также стремящегося модернизировать систему эстетического воспитания.

Система художественного образования в Китае прошла сложный путь трансформации, особенно в последние десятилетия. Традиционно в китайской культуре высоко ценилось искусство (живопись гохуа, каллиграфия, музыка), однако в системе школьного обучения на протяжении XX века художественные предметы занимали скорее вспомогательное положение. После образования КНР приоритет в образовании был смещен в сторону естественнонаучных и технических дисциплин, соответствующих задачам индустриализации. Как отмечают исследователи, длительное время в Китае существовало

разделение на «главные» учебные предметы (язык, математика, естественные науки, история и др., которые влияют на результаты экзаменов) и «второстепенные» – к последним относились изобразительное искусство, музыка, физкультура. Поскольку общегосударственный экзамен *gaokao* (аналог ЕГЭ) не включал проверку знаний по искусству, ни администрация школ, ни учащиеся с родителями не уделяли этим предметам должного внимания. Уроки рисования и музыки в китайской школе зачастую воспринимались как необязательные развлечения: есть данные, что некоторые учителя и родители позволяли детям использовать это время для подготовки к другим экзаменационным предметам. В итоге многие китайские выпускники практически не получали систематических знаний по искусству и не развивали соответствующих навыков.

Исторически подход к преподаванию изобразительного искусства в Китае строился на копировании образцов. Репродуктивный метод – когда ученик тщательно копирует работы мастеров – считался основой обучения и не воспринимался как что-то негативное (в отличие от западной традиции, где больше поощряется оригинальное творчество). Это обусловлено многовековой практикой преподавания китайской живописи и каллиграфии, где подражание стилю учителя – норма. До настоящего времени в китайских художественных вузах на выпускных выставках можно увидеть множество работ-стилизаций под известных западных художников (Климта, Ван Гога, Модильяни и др.). Отчасти это объясняется тем, что китайскому искусству в XX веке пришлось в сжатые сроки «наверстывать» путь развития западной живописи, усваивая стили и техники прошлого за короткое время. Однако такой подход имеет и оборотную сторону – отмечается недостаток оригинальности и вкуса у части выпускников художественных школ, ориентированных лишь на ремесленное воспроизведение образцов. В целом для традиционного китайского художественного образования (особенно вне школьной системы, например, в студиях при университетах искусств) был характерен акцент на технических навыках, академическом рисунке, работе с натуры в классической манере. Это сходно с русской академической школой, но китайский контекст дополнялся идеологическими установками – в определенные периоды (например, во времена Культурной революции) искусство в образовании рассматривалось преимущественно как средство политической агитации и коллективного воспитания, творчество личности не поощрялось.

С конца XX – начала XXI века ситуация начала меняться. Китай, добившись экономического роста, обратил больше внимания на гуманитарную сферу и качество образования. Появилось понимание, что недостаток творческого мышления и воображения у выпускников – серьезная проблема для инновационного развития страны. Правительство Китая стало постепенно усили-

вать позиции эстетического воспитания. Один из поворотных моментов – введение в некоторых провинциях экзамена по искусству при переходе из основной в старшую школу. Так, с 2020 года в провинции Цзянсу введен обязательный экзамен по искусству (в составе вступительных испытаний в старшую школу), что мгновенно повысило статус предмета: искусство из «неважного» превратилось в экзаменационный предмет, значимый для будущего учащихся. Этот шаг наглядно продемонстрировал приоритетные установки руководства: образование должно быть *качественным* (ориентированным не только на знание фактов, но и на развитие личности), и искусство признано важной составляющей качества образования. Одновременно в 2021 году на национальном уровне был принят так называемый политический курс "двойного сокращения" (*Double Reduction*), направленный на снижение учебной нагрузки и ликвидацию чрезмерного давления экзаменов. В рамках этой политики школам предписано уделять больше внимания разностороннему развитию учащихся, включая занятия искусством, спортом, творческую деятельность. Таким образом, на системном уровне в Китае идет процесс реабилитации художественного образования, вывод его из тени вспомогательных дисциплин.

Помимо количественных мер (введение экзаменов, увеличение часов), предпринимаются и качественные реформы. В 2022 году Министерство образования КНР выпустило новые Стандарты курса искусства для обязательного образования. Эти стандарты существенно пересмотрели содержание школьных программ по искусству. Во-первых, подчеркивается комплексный характер предмета: если ранее изобразительное искусство и музыка преподавались раздельно, то теперь акцент делается на их междисциплинарной взаимосвязи и общей эстетической цели обучения. Учителей ориентируют рассматривать курс искусства шире, включая различные виды художественной деятельности (изо, музыку, танец, театр, дизайн) и связи между ними. Во-вторых, стандарты нацелены на развитие 4С-навыков у учащихся – критического мышления, креативности, коммуникации и кооперации через занятия искусством. Это отражает переход от чисто технико-ремесленного подхода к более деятельностному, личностно-ориентированному обучению искусству. В-третьих, усиливается внимание к оцениванию и компетенциям учителей. Отмечается, что для реализации нового курса нужны педагоги с обновленным мышлением: необходимо преодолеть устаревшие установки части учителей, которые раньше недооценивали эстетическую составляющую искусства, сводя уроки лишь к ремесленным умениям. Учителя должны сами проникнуться ценностью эстетического воспитания, понимать цель курса как развитие личности средствами искусства, а не просто обучение технике рисования. В связи с этим ставится задача повышения квалификации учителей, развития их профессиональных компетенций (умения применять современные методы,

проектировать творческие занятия, оценивать достижения учащихся не только по технике, но и по творческому прогрессу). Иными словами, в Китае сейчас проводится крупномасштабная методическая перестройка системы подготовки учителей искусства под новые стандарты.

Ключевой особенностью китайского подхода становится интеграция традиций и инноваций. С одной стороны, большое внимание уделяется национальной культурной идентичности: школьники обязательно изучают элементы традиционного китайского искусства – живопись гохуа, каллиграфию, народные ремесла, музыку на национальных инструментах. Цель – воспитать уважение к родной культуре и «культурную уверенность» нового поколения. С другой стороны, вводятся современные направления – основы дизайна, цифровое творчество, знакомство с мировым современным искусством. Например, школы оснащаются компьютерными классами для цифрового рисования, некоторые вводят курсы анимации, фотографии. Министерство образования поощряет школы экспериментировать с формами занятий – проводить художественные практикумы вне класса, пленэры, проекты, посещение музеев и галерей. В городах развивается сотрудничество школ с культурными учреждениями: например, действует программа «один музей – одна школа», где крупные музеи закрепляются за школами для регулярных экскурсий и совместных мероприятий, подобно московскому опыту.

Однако наряду с прогрессом есть и трудности на пути реформ. Одна из них – нехватка квалифицированных учителей искусства, особенно в сельских районах и небольших городах. Работа учителя рисования или музыки долгое время считалась непрестижной и низкооплачиваемой, поэтому в школах Китая был дефицит специалистов: нередко уроки вел преподаватель другой дисциплины или приходящий внештатный работник. Текучесть среди учителей искусства высокая, что мешает стабильности программ. Сейчас правительство признает эту проблему и предпринимает меры – повышается зарплата сельским учителям искусства, организуются курсы переквалификации, привлекаются выпускники художественных вузов на работу в школу. Тем не менее, изменение ситуации требует времени. Другая проблема – экзаменационная система. Хотя введение экзамена по искусству (например, арт-компонента в вступительных испытаниях) подняло статус предмета, существует риск, что подготовка станет узко заточенной «под экзамен», в ущерб творческому аспекту. Уже сейчас появилось множество коммерческих студий, которые готовят школьников именно к сдаче художественного экзамена (*И као* – вступительный экзамен в профильные вузы искусств), обучая их шаблонным приемам рисования для получения высокого балла. В результате некоторые учащиеся идут на дополнительные занятия искусством не из интереса, а лишь ради поступления, что может вновь сузить понимание искусства до набора технических на-

выков. Китайские эксперты обсуждают, как выстроить систему оценки, чтобы стимулировать творчество, а не натаскивание. Предлагается, например, включать в экзамен анализ произведений, творческие проекты, портфолио работ учащегося, а не только академический рисунок.

Несмотря на перечисленные сложности, тенденция последних лет однозначно свидетельствует об усилении роли художественного образования в Китае. Уже к 2022 году, как было запланировано, достигнуты первые результаты – по всей стране заметно улучшилась материальная база школ в части искусства (появляются художественные кабинеты, музыкальные классы), разработаны новые учебники, более половины учащихся, по опросам, проявляют интерес к урокам искусства. Продолжается работа над тем, чтобы придать системе эстетического воспитания современный, отвечающий потребностям общества вид к 2035 году. Китай стремится воспитать новое поколение не только с высокими академическими результатами, но и с развитым эстетическим вкусом, творческими способностями, способностями генерировать новые идеи.

Художественное образование в школах России и Китая, пройдя свой уникальный путь, во многом приходит к сходным выводам: без эстетического воспитания невозможно полноценное развитие личности и общества. Общие тенденции – повышение внимания государства к искусству в школе, обновление методик, интеграция традиций и инноваций – свидетельствуют о глобальном понимании роли искусства в XXI веке. Вместе с тем, специфика каждой страны обогащает общую картину: российский опыт демонстрирует ценность исторической преемственности и глубины культурного образования, китайский – важность решительных реформ и всесторонней поддержки на высшем уровне.

Для России приоритетами остаются увеличение часов и ресурсов на предметы искусства, повышение престижа и качества подготовки учителей, укрепление связей школы с миром искусства. Для Китая – преодоление инерции экзаменоцентризма, воспитание педагогических кадров новой формации и привитие молодежи не только умений, но и вкуса к творчеству. Обе страны стремятся воспитать поколения, способные ценить прекрасное, творчески мыслить и сохранять культурные традиции в условиях стремительных изменений.

Сравнительный анализ показывает, что Россия и Китай могут эффективно сотрудничать, дополняя друг друга в достижении этой высокой цели. Международное взаимодействие в сфере художественного образования – обмен лучшими практиками, совместные проекты, исследования – позволит обогатить педагогические подходы и повысить качество эстетического воспитания в школах двух стран. В конечном счете, инвестиции в ху-

дожественное образование сегодня – это вклад в формирование гуманного, творческого и духовно богатого общества завтра. И Россия, и Китай, опираясь на свое великое культурное наследие и активно реформируя об-

разовательные системы, закладывают основы для появления новых талантливых художников, музыкантов, да и просто креативных граждан, способных внести ценный вклад в развитие культуры в мировом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЮНЕСКО, 2006 – Road Map for Arts Education. Всемирная конференция по художественному образованию (Лиссабон, 2006) // UNESCO. – 2006. – 48 с. (Дорожная карта по образованию в сфере искусства).
2. ЮНЕСКО, 2010 – Seoul Agenda: Goals for the Development of Arts Education. Second World Conference on Arts Education (Seoul, 2010) // UNESCO. – 2010. – 8 с. (Сеульская повестка развития художественного образования).
3. Приказ Минкультуры РФ, 2001 – О концепции художественного образования в Российской Федерации: Приказ Министерства культуры РФ от 28.12.2001 № 1403.
4. Аникьева Н.В., 2016 – Аникьева Н. В. Проблемы и перспективы художественного образования // Педагогический имидж. – 2016. – № 2(31). – С. 26–33.
5. Мелик-Пашаев А.А., 2008 – Мелик-Пашаев А.А. Художественное развитие и общее образование // Искусство в школе. – 2008. – № 4. – С. 20–25.
6. Неменский Б.М., 2000 – Неменский Б. М. Искусство, культура, образование (размышления о роли искусства в школе) // Искусство в школе XXI в.: материалы VI Всерос. конф. «Мастерская Б.М. Неменского». – М.: Школьная книга, 2000. – С. 5–11.
7. Ци Цяньин, 2021 – Ци Фэн. Сравнительное исследование художественного образования в целях всестороннего развития личности в Китае и России // Proceedings of the ICADCE 2020. – 2021. – P. 275–277.
8. Чэнь Лилин. 2024 – Current situation and strategy of art teachers' ability improvement under new curriculum standards // Frontiers in Art Research. – 2024. – Vol. 6(5). – P. 24–29.
9. Лю Пэнфэй, 2023 – Лю Пэнфэй. Современное художественное образование в Китае: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 5. – С. 1–8.
10. Лю Игэ, Фомина С.И., 2019 – Лю Игэ, Фомина С. И. Традиции и инновации в дополнительном художественном образовании Китая XXI века (на примере авт. района Нинся) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 4. – С. 107–111.
11. Гу Ифань, 2019 – Гу Ифань. Теория эстетического воспитания в современном Китае: традиции и инновации // Известия ВГПУ. – 2019. – № 9(142). – С. 89–93.
12. Разимбаева И.Э., 2018 – Разимбаева И. Э. Художественное образование в современном мире и перспективы его развития // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 4. – С. 101–109.
13. Акишина Е.М., 2021 – Акишина Е.М. Современные тенденции художественного образования как ответ на социокультурные вызовы // Международный журнал экспериментального образования (МНКО). – 2021. – № 1(86). – С. 29–32.
14. Игнатьев С.Е., Игнатьева А.В., 2021 – Игнатьев С. Е., Игнатьева А. В. К вопросу о современных проблемах художественного образования // Современные проблемы высшего образования. Теория и практика: актуальные проблемы творческого образования в период пандемии. – М.: Перспектива, 2021. – С. 424–430.
15. Цуй Сюэюн, 2022 – У Чао. (Проблемы и стратегии реформирования современного высшего художественного образования) // Журнал Пекинского городского университета. – 2022. – № 2. – С. 39–42.
16. Ли Вэй, Инь Цююн. 2022 – (Проблемы и стратегии художественного образования в цифровую эпоху) // Медиа Форум (КНР). – 2022. – № 5(24). – С. 115–117.
17. Ли Нань. 2022 – (Пути устойчивого развития современного худ. образования) // Красота и время (КНР). – 2022. – № 12. – С. 84–86.
18. Ван Лицзюнь. 2023 – (Проблемы и контрмеры реформы преподавания искусства в университетах) // Красота и время (КНР). – 2023. – № 4. – С. 120–122.
19. Нин Цзекун. 2023 – (Инновационные пути худ. образования на фоне «Интернет+») // Китайская литература и искусство. – 2023. – № 2. – С. 178–180.
20. Чэнь Юйфэн. 2022 – (Размышления о развитии высшего художественного образования после создания кафедры искусств) // Талант (КНР). – 2022. – № 26. – С. 75–78.
21. Савлущинская Н.В., 2021 – Савлущинская Н. В. Инновации в практике художественного образования // Горизонты образования: материалы II Междунар. конф. – Омск, 2021. – С. 123–125.
22. Ду Яли, 2022 – Китайско-российский опыт академического обмена в сфере художественного образования (на примере мастер-классов по русскому искусству) // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 5. – С. 177–182.
23. Li H., Pang X., Li C. 2023 – Review of the Development of Aesthetic Education in Chinese Schools: Policy Perspective // Sustainability. – 2023. – Vol. 15(6). – P. 5275 (1–17).
24. Синьхуа, 2020 – Китай усиливает физическое и эстетическое воспитание в школах // English.gov.cn (официальный портал Правительства КНР). – 16.10.2020.

© Мэй Цитун (meiqitong7@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ: СУЩНОСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Перцова Наталья Николаевна

Аспирант, Азовский государственный
педагогический университет
natik262008@mail.ru

LEGAL LITERACY OF FUTURE EDUCATORS: ESSENCE AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF FORMATION

N. Pertsova

Summary: The article is devoted to the study of the role of legal literacy in the professional training of future teachers as a key element of their competence. The author analyzes the multidimensional nature of the concept of legal literacy, highlighting its cognitive, procedural and value components, and emphasizes the need to integrate them into the educational process. Based on the analysis of the curricula of pedagogical universities, systemic problems have been identified: insufficient connection between theory and practice, limited hours for legal subjects, as well as outdated course content that does not take into account current legislative changes. Special attention is paid to the specifics of legal literacy of teachers, including the protection of students' rights, conflict resolution, compliance with labor standards and ethical principles. The regulatory and legal framework (FGOS, professional standards) is considered, which, despite the consolidation of requirements for legal training, remains overly general. An overview of foreign experience (USA, UK) is presented, where legal training is integrated into educational programs using innovative methods (simulations, online courses). The author argues for the possibility of adapting these approaches in the Russian education system, taking into account national legal specifics. The conclusions emphasize the need to modernize the system of legal training of teachers through strengthening practice-oriented forms of education, updating the content of disciplines and introducing interdisciplinary links. The work contributes to the discussion on improving the quality of teacher education and shaping the legal awareness of future specialists.

Keywords: legal literacy, pedagogical education, professional competence, regulatory framework, educational programs, foreign experience.

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли правовой грамотности в профессиональной подготовке будущих педагогов как ключевого элемента их компетентности. Автор анализирует многомерность понятия правовой грамотности, выделяя её когнитивный, процессуальный и ценностный компоненты, и подчёркивает необходимость их интеграции в образовательный процесс. На основе анализа учебных программ педагогических вузов выявлены системные проблемы: недостаточная связь теории с практикой, ограниченный объём часов на правовые дисциплины, а также устаревшее содержание курсов, не учитывающее актуальные изменения законодательства. Особое внимание уделено специфике правовой грамотности педагогов, включающей защиту прав учащихся, разрешение конфликтов, соблюдение трудовых норм и этических принципов. Рассмотрена нормативно-правовая база (ФГОС, профессиональные стандарты), которая, несмотря на закрепление требований к правовой подготовке, остаётся излишне общей. Представлен обзор зарубежного опыта (США, Великобритания), где правовая подготовка интегрирована в образовательные программы с применением инновационных методов (симуляции, онлайн-курсы). Автор аргументирует возможность адаптации этих подходов в российской системе образования при условии учёта национальной правовой специфики. Выводы подчёркивают необходимость модернизации системы правовой подготовки педагогов через усиление практико-ориентированных форм обучения, обновление содержания дисциплин и внедрение междисциплинарных связей. Работа вносит вклад в дискуссию о повышении качества педагогического образования и формировании правосознания будущих специалистов.

Ключевые слова: правовая грамотность, педагогическое образование, профессиональная компетентность, нормативно-правовая база, учебные программы, зарубежный опыт.

Введение

В современном обществе правовая грамотность становится одним из важнейших факторов успешного функционирования как гражданского общества, так и профессиональных сообществ. В сфере образования эта компетенция особенно значима, поскольку педагоги несут ответственность за формирование правосознания у молодого поколения. Правовая грамотность определяется различными авторами по-разному. Например, А.И. Гусев рассматривает её как комплексное качество личности, объединяющее знания о правовых нормах,

умение их применять на практике и осознанное отношение к закону. В свою очередь, Т.Я. Хабриева подчёркивает социальную составляющую правовой грамотности, отмечая, что она предполагает способность человека адаптироваться к правовым требованиям окружающей среды.

Другие исследователи (например, В.А. Крылова и Л.П. Шевченко) фокусируются на функциональном аспекте правовой грамотности, рассматривая её как инструмент для решения конкретных задач в различных жизненных ситуациях. Для педагогов это означает не-

обходимость владеть как теоретическими знаниями о праве, так и практическими навыками их применения в образовательной практике.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что правовая грамотность это многомерное явление, которое сочетает в себе познавательный, практический и ценностный аспекты. Это позволяет рассматривать её как ключевой элемент профессиональной компетентности педагогов [1].

Специфика правовой грамотности педагогов

Специфика правовой грамотности педагогов обусловлена уникальностью их профессиональной деятельности. Педагог сталкивается с широким спектром правовых вопросов: от защиты прав учащихся до соблюдения трудового законодательства и норм этики. Особое внимание уделяется следующим аспектам:

1. Защита прав учащихся: Педагог должен знать законы, регулирующие права детей, такие как Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации", Конвенция о правах ребёнка и другие нормативные акты.
2. Разрешение конфликтов: В образовательной среде часто возникают ситуации, требующие юридических знаний для их разрешения. Педагог должен быть готов действовать в рамках закона, чтобы защитить интересы всех сторон.
3. Соблюдение трудового законодательства: Педагоги обязаны знать свои права и обязанности, установленные Трудовым кодексом РФ, а также правила внутреннего трудового распорядка.
4. Этика и деонтология: Правовая грамотность педагога должна включать понимание этических норм, которые регулируют его взаимодействие с учениками, коллегами и родителями [2].

Специфика правовой грамотности педагогов заключается в необходимости сочетать теоретические знания с практическими навыками и высоким уровнем моральной ответственности.

Структура правовой грамотности будущих педагогов может быть представлена через три основных компонента:

1. Когнитивный компонент: Включает знание основных правовых норм, законов и нормативных актов, регулирующих образовательную деятельность. Этот компонент формируется через изучение таких дисциплин, как "Основы права", "Правовое регулирование образовательной деятельности" и др.
2. Процессуальный компонент: Предполагает развитие практических навыков применения правовых

знаний в реальных ситуациях. Это достигается через участие в деловых играх, моделировании правовых ситуаций и других формах активного обучения.

3. Ценностный компонент: Определяет отношение педагога к праву как системе норм и ценностей. Этот компонент развивается через воспитательную работу, формирование правосознания и осознание важности соблюдения законов [3].

Таким образом, структура правовой грамотности будущих педагогов является многоаспектной и требует комплексного подхода к её формированию.

Анализ современного состояния правовой подготовки будущих педагогов в системе высшего образования

Обзор учебных планов и программ педагогических вузов

Анализ учебных планов и программ педагогических вузов показывает, что правовая подготовка будущих педагогов занимает важное место в образовательном процессе. Однако степень её реализации различается в зависимости от вуза и направления подготовки. Большинство педагогических программ включают базовые дисциплины, такие как "Основы права", "Правовое регулирование образовательной деятельности" и "Трудовое право". Некоторые вузы предлагают дополнительные курсы, направленные на углублённое изучение правовых аспектов педагогической деятельности.

Однако существуют проблемы, связанные с недостаточной интеграцией правовых дисциплин в общую образовательную программу. Часто правовые предметы рассматриваются как второстепенные, что снижает их эффективность в формировании правовой грамотности студентов [4].

Анализ содержания правовых дисциплин в педагогическом образовании

Содержание правовых дисциплин в педагогическом образовании варьируется в зависимости от целей и задач программы. Как правило, основное внимание уделяется следующим темам:

1. Основы права: Изучаются основные принципы правового государства, виды прав и обязанностей граждан.
2. Правовое регулирование образовательной деятельности: Рассматриваются нормативные акты, регулирующие работу образовательных организаций, права и обязанности участников образовательного процесса.

3. Трудовое право: Фокусируется на правах и обязанностях педагогов, условиях труда и социальных гарантиях.

Несмотря на это, содержание курсов часто оказывается недостаточно актуальным, не учитывая современные изменения в законодательстве и потребности практики [5].

Выявление проблем и противоречий в существующей системе правовой подготовки

Существует ряд проблем и противоречий в системе правовой подготовки будущих педагогов. К основным из них можно отнести:

1. Отрыв теории от практики: Программы часто сосредоточены на теоретических аспектах права, не давая студентам возможности применить полученные знания на практике.
2. Недостаточный объем часов: Правовые дисциплины часто имеют ограниченное количество учебных часов, что ограничивает глубину изучения материала.
3. Необходимость обновления содержания: Многие программы не учитывают последние изменения в законодательстве и новые вызовы в образовательной сфере, система правовой подготовки будущих педагогов нуждается в модернизации для повышения её эффективности.

Нормативно-правовая база формирования правовой грамотности будущих педагогов

Анализ федеральных государственных образовательных стандартов

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) определяют требования к подготовке педагогических кадров, включая формирование правовой грамотности. В соответствии с ФГОС, выпускники педагогических программ должны обладать знаниями о правовых основах образовательной деятельности, уметь применять их на практике и проявлять высокий уровень правосознания.

Однако анализ ФГОС показывает, что требования к правовой грамотности часто формулируются слишком общими положениями, что затрудняет их конкретизацию в учебных программах [6].

Обзор профессиональных стандартов педагога

Профессиональные стандарты педагога также подчеркивают важность правовой грамотности. В частности, стандарт предусматривает, что педагог должен

уметь защищать права учащихся, соблюдать трудовое законодательство и работать в рамках правовых норм.

Однако профессиональные стандарты редко учитывают специфику разных возрастных групп учащихся и различных типов образовательных организаций.

Изучение локальных нормативных актов образовательных организаций

Локальные нормативные акты образовательных организаций (например, правила внутреннего трудового распорядка, положения о педагогическом совете играют важную роль в формировании правовой культуры педагогов. Однако часто эти документы не соответствуют современным правовым требованиям или не учитывают специфику работы конкретных образовательных учреждений [7].

Зарубежный опыт формирования правовой грамотности педагогов

Анализ систем правовой подготовки педагогов в развитых странах

Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы к формированию правовой грамотности педагогов. Например, в США и Великобритании правовая подготовка интегрирована в основные образовательные программы, что позволяет будущим педагогам получить комплексные знания о правовых аспектах своей работы.

Инновационные подходы к формированию правовой грамотности за рубежом

В некоторых странах используются инновационные методы, такие как симуляционные игры, онлайн-курсы и интерактивные семинары. Эти методы позволяют студентам активно участвовать в процессе обучения и развивать практические навыки.

Возможности адаптации зарубежного опыта в российских условиях

Адаптация зарубежного опыта требует учёта специфики российского законодательства и образовательной системы. Однако многие инновационные подходы могут быть успешно внедрены в российские вузы для повышения эффективности правовой подготовки будущих педагогов [8].

Таким образом, формирование правовой грамотности будущих педагогов требует комплексного подхода, учитывающего как теоретические основы, так и практические аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Певцова, Е.А. Правовое образование в России: формирование правовой культуры современного общества: монография / Е.А. Певцова. – Москва: АПК и ППРО, 2002. – 195 с. – ISBN 5-8429-0140-5.
2. Шкатулла, В.И. Образовательное право России: учебник для вузов / В.И. Шкатулла. – 2-е изд., испр. – Москва: Юстицинформ, 2016. – 774 с. – ISBN 978-5-7205-1293-4.
3. Певцова, Е.А. Теория и методика обучения праву: учебник для студентов высших учебных заведений / Е.А. Певцова. – Москва: ВЛАДОС, 2003. – 400 с. – ISBN 5-691-01140-5.
4. Кропанева, Е.М. Теория и методика обучения праву: учебное пособие / Е.М. Кропанева. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. – 166 с. – ISBN 978-5-8050-0408-5.
5. Федорова, М.Ю. Нормативно-правовое обеспечение образования: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / М.Ю. Федорова. – 4-е изд., испр. – Москва: Академия, 2013. – 176 с. – ISBN 978-5-7695-9923-8.
6. Ягофаров, Д.А. Нормативно-правовое обеспечение образования. Правовое регулирование системы образования: учебное пособие для вузов / Д.А. Ягофаров. – Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2008. – 399 с. – ISBN 978-5-305-00199-0.
7. Матвеев, В.Ю. Правовое регулирование образовательной деятельности: учебное пособие для вузов / В.Ю. Матвеев. – Москва: Юрайт, 2020. – 409 с. – ISBN 978-5-534-12288-4.
8. Сырых, В.М. Введение в теорию образовательного права / В.М. Сырых. – Москва: Центр образовательного законодательства Минобразования России, 2002. – 340 с. – ISBN 5-94405-014-4.

© Перцова Наталья Николаевна (natik262008@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

Хань Цзюньи

Аспирант, ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет», г. Ростов-на-Дону
942889018@qq.com

Панькин Аркадий Борисович

доктор педагогических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический
университет», г. Ростов-на-Дону
connotation@mail.ru

DEVELOPING THE MUSICAL ABILITIES OF STUDENTS AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN AN INTERDISCIPLINARY CONTEXT

**Han Junyi
A. Pankin**

Summary: This study conducts an in-depth theoretical analysis of the key concept of "musical talent" and systematically summarizes and synthesizes the findings of Eastern and Western philosophers, educators, and psychologists in their respective fields. Through a careful systematic comparison and critical analysis of representative theories of "talent" formed in different historical periods and in different cultural contexts, this article clearly outlines the trajectory of the evolution of the concept of "talent" and reveals the historical context of its transition from an early mystical and static understanding to a dynamic and evolving one. More importantly, this study focuses on the practical sphere of higher music education and deeply explores the specific applied value of these theoretical ideas in the field of identifying and assessing students' musical potential. The study aims to provide higher education institutions with a more scientifically sound, inclusive, and developmental theoretical framework and practical guidelines for more effectively identifying, guiding, and developing talented students with musical abilities.

Keywords: interdisciplinarity, pedagogy, psychology, talent development, theoretical perspective, talent, constructiveness.

Аннотация: В данном исследовании проводится углубленный теоретический анализ ключевого понятия «музыкальный талант», систематически обобщаются и резюмируются результаты исследований восточных и западных философов, педагогов и психологов в своих областях. Путем тщательного систематического сравнения и критического анализа представительных теорий «таланта», сформированных в разные исторические периоды и в разных культурных контекстах, в данной статье четко очерчивается траектория эволюции понятия «талант» и раскрывается исторический контекст его перехода от раннего мистического и статического понимания к динамичному и развивающемуся. Еще более важно то, что данное исследование фокусируется на практической сфере высшего музыкального образования и глубоко исследует конкретную прикладную ценность этих теоретических идей в области выявления и оценки музыкального потенциала студентов. Исследование направлено на то, чтобы предоставить высшим учебным заведениям более научно обоснованную, инклюзивную и развивающую теоретическую основу и практические ориентиры с целью более эффективного выявления, направления и развития талантливых студентов с музыкальными способностями.

Ключевые слова: междисциплинарность, педагогика, психология, развитие талантов, теоретическая перспектива, таланта, конструктивности.

Введение

Путем интеграции определений таланта из различных дисциплин, таких как педагогика и психология, в данном исследовании было сформировано комплексное понятие «таланта», объединяющее различные теоретические точки зрения, что послужило теоретической основой для модели развития «музыкального таланта» студентов в контексте высшего образования. Исследование показало, что определение таланта изменилось с традиционного «детерминизма» на «взаимодействие среды и воспитания», подчеркивая, что талант является результатом совместного воздействия генов, привычек, образования и среды. Исходя из этого, высшее образование должно в полной мере стимулировать музыкальный потенциал студентов с помощью таких стратегий, как гетерогенные курсы (например, развитие многогранной интеллектуальности), динами-

ческая система оценки (например, модель успешной интеллектуальности) и раннее формирование привычек (например, чтение и тренировка мышления). Кроме того, исследование также указывает на необходимость применения целенаправленных стратегий в различных дисциплинах (например, логическая подготовка в математике, накопление практического опыта в экспериментальных науках), чтобы избежать «универсального» подхода к таланту.

Процесс исследования: рассматривая концепцию «таланта» с точки зрения педагогики, многие ученые перешли от парадигмы «врожденной предрасположенности» к парадигме «последующего развития». Педагогика считает, что талант тесно связан с концепцией «ключевого периода» в процессе развития человека. Определенные способности наиболее легко формируются в период физиологической или психологической чувствительно-

сти, например, освоение языка, восприятие музыки и т. д. [1]. Гербарт основал педагогику на психологии, подчеркивая важность развития «многосторонних интересов» и считая, что учебные программы должны охватывать такие разнообразные области, как опыт, мышление, эстетика и т. д., подразумевая, что талант может быть пробужден с помощью систематического образования [2]. В современной педагогической практике определение таланта изменилось с традиционного «врожденного детерминизма» на «взаимодействие среды и воспитания», подчеркивая, что талант является результатом совместного воздействия генов, привычек, образования и среды [3]. В частности, эстетическая культура включает в себя «музыкальный талант». Современные тенденции в области подготовки высококвалифицированных кадров показывают, что международное образовательное сообщество постепенно переходит от «таланта и IQ» к «успешному интеллекту» (например, модель WICS Стенберга), подчеркивая мудрость (Wisdom), интеллект (Intelligence), креативность (Creativity) и синтетические способности (Synthesized), считая, что талант — это не только врожденные способности, но и практический интеллект, позволяющий планировать цели и достигать их [4].

Исследования в области психологии, посвященные талантам, в основном сосредоточены на многогранной интеллектуальности и когнитивной реконструкции. Согласно теории многогранной интеллектуальности Гарднера, он выделяет восемь видов интеллекта и считает, что у каждого человека есть сильные и слабые стороны в разных измерениях интеллекта, а талант является «многомерным и поддающимся тренировке» [5]. Например, математический талант может зависеть от раннего обучения логике, а не от чисто врожденных способностей. Теория успешного интеллекта Стенберга критикует ограниченность традиционных тестов IQ, предлагая, что успешный интеллект включает в себя аналитические, творческие и практические способности, и подчеркивает роль «мудрости» в достижении целей [6]. Он считает, что талант должен взаимодействовать с окружающей средой, а выдающиеся таланты должны обладать способностью адаптироваться и формировать окружающую среду. Исследования показывают, что проявления, приписываемые «таланту», часто являются результатом приобретенных привычек [7]. Например, люди с плохими учебными привычками из-за отсутствия раннего обучения концентрации внимания более подвержены воздействию высокостимулирующих действий, в то время как люди с хорошими привычками формируют эффективные модели обучения благодаря постоянной положительной обратной связи. Эти различия легко принять за врожденные способности [8].

Если мы сравним представления о таланте в математике, экспериментальных науках и гуманитарных обла-

стях с точки зрения различий между дисциплинами, то обнаружим, что в области математики и теоретических дисциплин. Например, теория «овладения знаниями», предложенная Брумом, предполагает, что при наличии достаточного времени и правильного обучения большинство студентов могут овладеть математическими знаниями. Чжоу Чэнтун отмечает, что математический талант в большей степени является результатом длительного чтения, размышлений и междисциплинарного синтеза, а не просто врожденных способностей [8]. В области экспериментальных наук (таких как биология, химия и т. д.) экспериментальные науки в большей степени зависят от накопленного опыта работы в лаборатории и интуиции. В этих дисциплинах преимущества на раннем этапе относительно невелики, но после прохождения систематического обучения (например, участия в научно-исследовательских проектах в старшей школе) способности значительно улучшаются [9]. Таким образом, «талант» в этих дисциплинах в большей степени проявляется в накопленном опыте и чувствительности к проблемам [10].

Исследования в области философии и социологии, посвященные таланту, в основном сосредоточены на его «конструктивности» и вопросах укоренения классовых различий [11]. Реализм рассматривает талант как объективную сущность, которую можно измерить с помощью стандартизированных тестов; феноменология подчеркивает, что талант является динамическим процессом, связанным с индивидуальным опытом и взаимодействием с окружающей средой [12]. Социальное неравенство и привычка «природной» разницы в талантах часто ошибочно принимаются за разницу в талантах, что приводит к укоренению классовых различий в образовательных возможностях.

Таким образом, мы рассмотрели концепции таланта, предложенные учеными из соответствующих дисциплин, и обнаружили, что определение «таланта» варьируется в зависимости от дисциплины: философия фокусируется на врожденных концепциях и эпистемологических истоках (например, Декарт против Локка); педагогика уделяет внимание социальной конструкции и пластичности таланта (например, распределение ресурсов и классовая критика); психология раскрывает нейронные механизмы таланта и их связь с формированием привычек. Современные исследования склоняются к ослаблению врожденного детерминизма и подчеркивают взаимодействие генов и окружающей среды, что обеспечивает теоретическую поддержку справедливости в образовании и индивидуальному подходу к воспитанию. Результаты анализа соответствующих теорий представлены в таблице 1 (см. таблицу 1).

Исходя из этого, мы рассмотрим стратегии выявления музыкальных талантов студентов вузов в междисци-

Таблица 1.

Теоретический обзор концепции «таланта».

Название теории	Представительные личности	Основные идеи
Концепция таланта	Декарт, Платон	Знание происходит из воспоминаний души или из априори данных Богом представлений.
Белая доска говорит	Лок	Ум подобен чистому листу бумаги, а знания полностью зависят от накопленного опыта.
Априорная формальная теория	Кант	Знания требуют предварительного познания, интеграции опыта и формирования концептуальных рамок.
Социальный договор и естественные права человека	Лок	Прирожденные права человека как моральные права, противостоящие божественной власти
Критическое осмысление классового общества	Лю Ляньцзюнь	Талант рассматривается обществом как инструмент для укрепления классового неравенства.
Теория когнитивных привычек	Исследования в области когнитивной психологии	Талант является результатом нейропластичности.
Модель взаимодействия таланта и трудолюбия	Ли Чжиминь	Талант и усердие дополняют друг друга и определяют индивидуальные достижения.

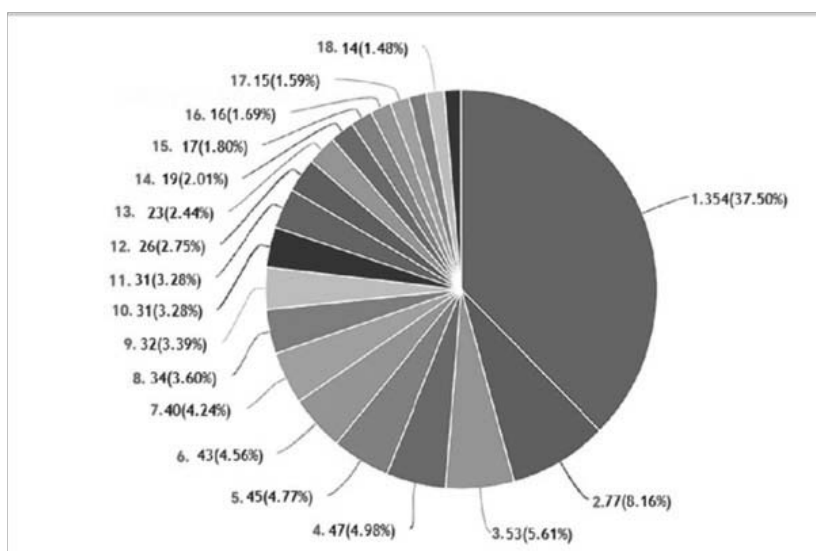

Рис. 1. Диаграмма распределения основных тем поисковых запросов

Источник: Составлено автором на основании [13]

(Пояснения к рисунку: 1. Музыкальная грамотность 2. Музыкальное образование 3. Обучение игре на фортепиано в высших учебных заведениях 4. Дошкольное образование 5. Музыкальное образование в начальной школе 6. Обучение игре на фортепиано 7. Студенты, обучающиеся по специальности «Дошкольное образование» 8. Основные навыки 9. Музыкальное образование 10. Специальность «Дошкольное образование» 11. Музыка в начальной школе 12. Учащиеся средней школы 13. Музыкальное образование в высших учебных заведениях 14. Преподавание музыки 15. Музыкальное образование в средних профессиональных учебных заведениях 16. Качественное образование 17. Стратегии обучения 18. Основные музыкальные навыки)

плинарном контексте. Во-первых, необходимо создать диверсифицированную систему курсов. Вузы должны отказаться от традиционной однообразной системы музыкальных курсов и создать диверсифицированную систему курсов. Путем внедрения знаний и методов из различных дисциплин, таких как история искусства, психология, социология и т.д., студентам будет предоставлен более полный и глубокий опыт изучения музыки. Одновременно с этим следует поощрять студентов выбирать

междисциплинарные курсы, чтобы расширить их кругозор и повысить их общую квалификацию. Во-вторых, необходимо внедрить индивидуальную систему оценки. В зависимости от индивидуальных особенностей и потребностей студентов следует внедрить индивидуальную систему оценки. Помимо традиционной оценки музыкальных навыков, следует уделять внимание результатам студентов в области музыкального творчества, исполнения, восприятия, а также их способностям

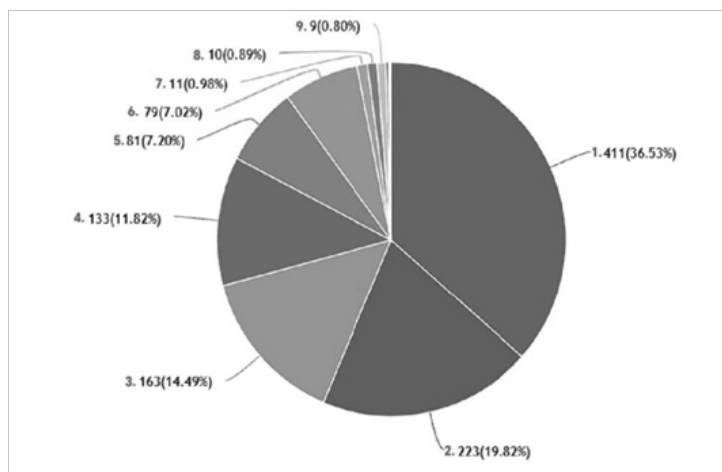

Рис. 2. Диаграмма распределения поисковых запросов по дисциплинам

Источник: Составлено автором на основании [13]

(Пояснения к диаграмме: 1. Музыка и танцы 2. Высшее образование 3. Среднее образование 4. Начальное образование 5. Профессиональное образование 6. Дошкольное образование 7. Теория и управление образованием 8. Образование взрослых и специальное образование 9. Компьютерное программное обеспечение и компьютерные приложения)

в области командной работы и инновационного мышления. С помощью диверсифицированных методов оценки следует проводить всестороннюю оценку музыкальных талантов и потенциала развития студентов. Наконец, необходимо создать благоприятную музыкальную атмосферу. Высшие учебные заведения должны активно создавать благоприятную музыкальную атмосферу, предоставляя студентам больше платформ для самовыражения и обмена опытом. Например, можно проводить концерты, музыкальные фестивали и другие мероприятия, чтобы студенты имели возможность лично ощутить очарование музыки; можно также создать музыкальные студии, музыкальные лаборатории и т. д., чтобы предоставить студентам место для практики и инноваций.

Различные области имеют различные определения таланта, что побуждает нас развивать музыкальный талант учащихся с точки зрения различных дисциплин:

В области педагогики следует уделять особое внимание развитию музыкального восприятия и эстетического вкуса учащихся. Посредством организации курсов по музыкальному искусству и практических занятий по музыке следует помогать учащимся ощутить красоту ритма, мелодии и гармонии музыки, повышая их музыкальную культуру и эстетические способности. Одновременно с этим педагогика должна уделять внимание социальной функции и культурной ценности музыкального образования, способствуя его популяризации и развитию.

В области психологии следует уделять внимание психологическим потребностям и индивидуальным различиям учащихся, предоставляя им индивидуальные программы музыкального образования. С помощью

психологического консультирования и психологической помощи следует помогать учащимся решать проблемы и трудности, возникающие в процессе изучения музыки, стимулировать их интерес к учебе и мотивацию. Кроме того, психология может изучать влияние музыки на психику человека и механизмы ее воздействия, предоставляя научное обоснование и теоретическую поддержку музыкальному образованию.

В области социологии следует уделять внимание взаимосвязи между музыкой и социальной культурой, а также роли музыки в социальном развитии. Посредством проведения социологических опросов, культурных исследований и других методов следует глубоко изучать потребности и предпочтения различных социальных групп в отношении музыки, а также важную роль музыки в социальном взаимодействии, передаче культурного наследия и других сферах. Одновременно с этим социология должна уделять внимание вопросам социальной справедливости и доступности музыкального образования, содействуя его сбалансированному развитию.

В ходе исследования мы сравнили информацию из поисковой системы Google и китайской базы данных научных работ CNKI. Мы обнаружили, что с точки зрения перспективы данные CNKI показывают, что отечественные исследования сосредоточены на построении многоуровневой системы образования и внедрении технологий в практику («музыкальное образование» составляет 37,50 %, «фортепианное образование в вузах» — 19,82 %), в то время как международные исследования углубляются в изучение нейропластичности (42,1 %) и междисциплинарных механизмов интеграции, а доля

междисциплинарных исследований в области психологии и нейробиологии составляет 18,3 % (в CNKI — только 0,98 %). С точки зрения методологии, в Китае используются субъективные данные, полученные с помощью анкетирования (41,7 %), что по сравнению с международными методами нейробиологических исследований, такими как фМРТ-визуализация мозга и продольные когортные исследования, представляет собой явную слабость в цепочке нейрофизиологических доказательств. Что касается своевременности инноваций, CNKI еще не в полной мере отреагировала на такие передовые международные темы, как «генеративная музыкальная ИИ» и «межмодальная пластичность», и по-прежнему уделяет

основное внимание реформе традиционных курсов, в то время как международные исследования уже достигли прорыва в таких междисциплинарных областях, как вычислительная музыковедение и биологическая обратная связь. Эти разрывы отражают глубокие проблемы отечественных исследований в области проследования истоков фундаментальной теории, реагирования на технологическую интеграцию и изучения культурных особенностей, которые требуют неотложного создания трехмерной интегрированной модели нейромониторинга, экологического вмешательства и технологического обеспечения для достижения теоретического прорыва (см. рисунок 1) (см. рисунок 2) [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Макферсон Г.Э., Уильямсон А. Развитие музыкальных талантов // Ребенок как музыкант: справочник по музыкальному развитию, 2015: 340-360.
2. Столлери П., Макфи А. Некоторые взгляды на музыкальный талант и музыкальный интеллект // Британский журнал музыкального образования, 2002, 19(1): 89-102.
3. Лейн Д. Музыкальная терапия: бесценный дар / Форум по онкологическому уходу // Общество онкологических медсестер, 2006, 33(4): 863.
4. Jaar AS. Распознавание и развитие музыкальных способностей и талантов // Университет Глазго, 2011.
5. Ван Вэйхуа. Определение образования и его оценка // Фуданьский образовательный форум, 2019, 17(03):1116. DOI:10.13397/j.cnki.fef.2019.03.003.
6. Xu Wanlin, Lan Mengyue, Niu Mengyang. Исследование путей развития основных компетенций на основе теории множественного интеллекта // Информатика и компьютеры, 2025, 37(04): 206-208.
7. Ван Сяонин. Краткое изложение теории интеллекта Стенберга // Журнал химического института Цзилинь, 2012, 29(12):105-108. DOI:10.16039/j.cnki.cn22-1249.2012.12.029.
8. Huang Renzhi, Li Zexuan, Qu Xiaolan. Механизм адаптации общего интеллекта (фактор g) в конкретных областях // Журнал Хуннаньского первого педагогического университета, 2009, 9(03): 135-137.
9. Ян Кун, У Хань. Международные тенденции в области подготовки высококвалифицированных кадров и их значение для Китая // Исследования в области образования, 2020, 41(06):78-91.
10. Jin Shuyan. Edwin Gordon's Music Learning Theory and Its Application Research // Chinese and Foreign Culture and Literary Theory, 2025, (01): 300-306. DOI: 10.13760/b.cnki.csalt.2025.0019.
11. Cui Yumeng. Research on the Importance of Parents in Children's Piano Education [J]. Contemporary Music, 2023, (10): 30-32.
12. Zhang Lu. Analysis of Style Construction Issues in Music Performance [J]. Art Appreciation, 2022, (29): 189-192.
13. Лю Банци, Хэ Шэн. Создание многоуровневой системы образования в области искусственного интеллекта и пути ее реализации // Современные образовательные технологии, 2021, 31(01): 26-32.

© Хань Цзюньи (942889018@qq.com), Панькин Аркадий Борисович (connotation@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КИТАЙСКАЯ ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ТРУДОУСТРАИВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В НОВУЮ ЭПОХУ¹

THE CHINESE PRACTICE OF DEVELOPING THE EMPLOYABILITY OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE NEW ERA

Zhang Weihong
Xu Jie
Qin Weiwei

Summary: This research is dedicated to developing the employability of Chinese university students in the new era, in response to contemporary economic and technological challenges. The paper summarizes China's practical experience, including curriculum reform, the strengthening of practical training, and cooperation with enterprises. It is emphasized that factors such as the influence of artificial intelligence require higher education to implement personalized educational approaches and develop innovative thinking to increase the competitiveness of graduates in a changing labor market.

Keywords: higher education, employability, development model, chinese practice, university-enterprise cooperation.

Чжан Вэйхун

старший преподаватель,
Синьцзянский педагогический университет
zjh120607@126.com

Сюй Цзе

старший преподаватель,
Синьцзянский педагогический университет
649379523@qq.com

Цинь Вэйвэй

доцент, Чанцзийский университета
13699380103@163.com

Аннотация: Настоящее исследование посвящено развитию трудоустроиваемости студентов китайских вузов в новую эпоху, в ответ на современные экономические и технологические вызовы. В работе обобщен практический опыт Китая, включая реформу учебных программ, усиление практической подготовки и сотрудничество с предприятиями. Подчеркивается, что такие факторы, как влияние искусственного интеллекта, требуют от высшей школы внедрения персонализированных образовательных подходов и развития инновационного мышления для повышения конкурентоспособности выпускников на меняющемся рынке труда.

Ключевые слова: высшее образование, трудоустроиваемость, модель развития, китайская практика, сотрудничество вузов и предприятий.

Введение

Глобальная структурная перестройка экономики с беспрецедентной глубиной и широтой преобразует рынки труда в разных странах и регионах. Сервисно-ориентированное производство и технологически-ориентированные отрасли становятся новыми драйверами роста, а традиционное производство ускоряет переход к «умному производству». Это требует, чтобы структура предложения рабочей силы в нашей стране претерпела переход от «количественного» типа к «качественному». В этом контексте работодатели предъявляют более высокие требования к профессиональным знаниям и общим компетенциям выпускников вузов. Однако в настоящее время подготовка студентов в вузах не может в полной мере удовлетворить многообразные потребности работодателей. Этот дисбаланс между спросом и предложением напрямую ведет к ситуации, когда предприятия сталкиваются с «трудностями в найме», а выпускники — с «трудностями в трудоустройстве», что все более отчетливо выявляет отсталость моделей развития трудоустроиваемости в вузах.

Углубление исследований в области развития трудоустроиваемости студентов в новую эпоху может не только обогатить теоретическую базу взаимодействия высшего

образования и промышленности, но и предоставить вузам воспроизводимые модели подготовки, способствуя качественной и полной занятости выпускников. Наряду со смягчением социальных противоречий и защитой основ народного благосостояния, это также служит ориентиром для правительства, вузов, предприятий и общества в совместной работе по расширению каналов трудоустройства и снижению давления в сфере занятости.

I. Теоретические истоки понятия «трудоустроиваемость»

Что касается определения понятия «трудоустроиваемость», то еще в 1909 году британский экономист Уильям Беверидж (William Beveridge) предложил термин «employability» («возможность быть нанятым»), означающий способность индивида получать и сохранять работу. Китайский ученый Се Чжиюань (2005) считает, что трудоустроиваемость студентов вузов — это способность сохранять работу и продвигаться по службе, приобретенная в период обучения в вузе через освоение теоретических знаний или практическую деятельность [4]. Говоря о влиянии профессиональных навыков на трудоустроиваемость, Джейн Эндрюс и Хелен Хигсон (Jane Andrews, Helen Higson, 2008), проанализировав мнения работодателей из четырех европейских стран (Велико-

британии, Австрии, Словении и Румынии), разделили навыки на «мягкие» (soft skills) и «твердые» (hard skills). Они пришли к выводу, что студенты должны владеть не только «твердыми» навыками, такими как профессиональные знания и умения, но и иметь опыт работы и обладать способностью применять «мягкие» бизнес-навыки [1]. Ши Цюхэн и Вэнь Цзин (2012) утверждают, что формирование ключевых навыков является важной частью трудоустраиваемости, а диверсифицированная система оценки трудоустройства легче приживается в вузах [7]. Адриана Орнеллас, Кайса Фалькнер и Ева Эдман Сталбрандт (Adriana Ornellas, Kajsa Falkner, Eva Edman Stalbrandt, 2019) считают, что практические упражнения в реальных условиях могут стать катализатором учебного процесса и способствовать лучшему развитию трудоустраиваемости выпускников [3]. Нортон и Пеналуна (Norton and Penaluna, 2021) полагают, что в меняющемся ландшафте высшего образования Великобритании нельзя недооценивать важность трудоустраиваемости, предприимчивости и предпринимательства (так называемые «3Es»), которые являются фундаментальными опорами для успеха студентов и общества в целом [2]. Эти исследования в совокупности очерчивают эволюцию понятия «трудоустраиваемость»: от «возможности быть нанятым» к «комплексным компетенциям», от «статичной способности» к «динамичному развитию», от «образования в башне из слоновой кости» к «открытому обучению», что обеспечивает теоретическую поддержку для оптимизации моделей подготовки в вузах.

II. Составляющие элементы трудоустраиваемости студентов

Крупные и средние предприятия, как правило, имеют внутреннюю систему должностных компетенций и при найме предъявляют достаточно четкие требования к трудоустраиваемости студентов, чтобы убедиться, что нанимаемые таланты способны создавать ценность для компании. Основываясь на стандартах должностных компетенций отечественных и зарубежных компаний, а также на текущей ситуации с трудоустройством выпускников, мы считаем, что трудоустраиваемость студентов должна включать следующие четыре базовых элемента.

1. Профессиональные знания

Профессиональные знания, как основополагающий элемент трудоустраиваемости, играют незаменимую роль в карьерном развитии студентов. На сегодняшнем высококонкурентном рынке труда прочные профессиональные знания являются не только «пропуском» в определенную профессиональную сферу, но и фундаментальной гарантией для закрепления на рабочем месте. Требования к знаниям заметно различаются в разных областях: например, технические и естественно-науч-

ные специальности обычно требуют от студентов глубокой теоретической подготовки и уверенных навыков экспериментальной работы, гуманитарные — акцентируют внимание на комплексном анализе и письменной речи, а творческие — на отточенной базовой технике и высоком уровне художественной культуры. Кроме того, с появлением новых отраслей вузы все больше внимания уделяют междисциплинарной подготовке кадров. Это предъявляет повышенные требования к разработке учебных планов и содержания курсов, которые должны идти в ногу со временем, чтобы обеспечивать соответствие учебного материала потребностям отрасли и предоставлять студентам более целенаправленное профессиональное образование.

2. Практические навыки

Практические навыки являются важной частью трудоустраиваемости студентов, напрямую влияя на их адаптивность и конкурентоспособность на рабочем месте. Они охватывают ряд конкретных умений, включая, но не ограничиваясь, навыки проведения экспериментов, реализации проектов, решения проблем и работы в команде. В условиях растущего спроса на прикладных специалистов на рынке труда, развитие практических навыков приобретает особую важность. Вузы могут способствовать этому через создание баз для стажировок, организацию совместных научно-исследовательских и производственных проектов, а также проведение мероприятий в рамках социальной практики. Это позволяет студентам оттачивать свои навыки в реальной рабочей среде и накапливать ценный опыт, что дает им возможность гибко реагировать на вызовы будущего рынка труда.

3. Инновационное мышление

Инновационное мышление имеет ключевое значение на современном, быстро меняющемся рынке труда и стало одним из важнейших признаков трудоустраиваемости студентов. С развитием технологий и модернизацией структуры промышленности традиционные рабочие места постепенно заменяются инновационными, что предъявляет более высокие требования к мыслительным способностям выпускников. Инновационное мышление не только помогает студентам продемонстрировать уникальные конкурентные преимущества при поиске работы, но и открывает больше возможностей для их будущего карьерного роста. Только уделяя внимание развитию критического мышления и междисциплинарного кругозора у студентов и поощряя их выходить за рамки традиционных мыслительных шаблонов, можно лучше подготовить их к требованиям современной рабочей среды.

4. Навыки коммуникации и сотрудничества

Навыки коммуникации и сотрудничества являются неотъемлемым умением для студентов при работе в команде. Традиционный индивидуализм и «героизм одинок» уже не соответствуют современной рабочей среде, где корпоративная культура, основанная на командной работе, ценится руководством все выше. Для предприятий хорошие навыки коммуникации и сотрудничества не только способствуют повышению эффективности работы, но и укрепляют доверие и взаимодействие между членами команды, создавая тем самым большую ценность для компании. Для студентов сильные навыки в этой области означают, что они смогут быстрее интегрироваться в рабочую среду и играть активную роль в команде. Кроме того, навыки межкультурной коммуникации также являются важным аспектом подготовки студентов в вузах, что помогает выпускникам адаптироваться к сложной рабочей среде в условиях глобализации.

III. Типичные практики разных стран в области развития трудоустройства студентов

На протяжении многих лет высшие учебные заведения по всему миру, опираясь на свои национальные образовательные традиции и промышленные потребности, ведут плодотворные исследования в области повышения трудоустройства студентов, формируя практические модели с уникальными характеристиками.

В качестве примера можно привести вузы США, где система развития трудоустройства носит ярко выраженный «компетентностно-ориентированный» характер. Гарвардский университет еще в 1911 году впервые ввел для студентов курсы по профориентации, помогая им соотнести личные способности с профессиональными требованиями на основе теорий карьерного планирования и самопознания. Сегодня американские вузы уделяют еще больше внимания совместному развитию «мягких» (soft skills) и «твёрдых» (hard skills) навыков. С одной стороны, они расширяют теоретические горизонты и развивают критическое мышление студентов через междисциплинарные факультативные курсы. С другой стороны, благодаря активной внеучебной деятельности и участию в студенческих сообществах, они развивают у студентов коммуникативные навыки, самоорганизацию и независимое мышление, позволяя им накапливать опыт решения проблем в командных проектах и повышать адаптивность. Такая комплексная модель «обучение + практика» эффективно сокращает период адаптации при переходе от учебы к работе.

Великобритания также одной из первых создала исследовательские группы для изучения трудоустройства и системно разработала «Рамки по внедрению трудоустройства в высшее образование» (Framework

for embedding employability in higher education). Вузы, такие как Манчестерский университет, придерживаются концепции развития, основанной на «инклюзивности, участии и сотрудничестве», и укрепляют модель развития трудоустройства, ориентированную на потребности работодателей. Они интегрируют развитие трудоустройства во весь процесс подготовки кадров в системе высшего образования, проводя обширные теоретические исследования и практические эксперименты в области институциональной реорганизации, разработки учебных программ, реформирования преподавания и сотрудничества между вузами и предприятиями. Это принесло значительные результаты в повышении трудоустройства студентов, модернизации управления высшим образованием и содействии региональному и глобальному социально-экономическому развитию [8].

Германия в сфере профессионального образования давно применяет «дуальную систему» подготовки. Эта модель представляет собой форму сотрудничества между учебными заведениями и предприятиями, сочетающую традиционное «ученичество» с современными идеями профессионального образования. Студенты, участвующие в программе, заключают договор с обучающим предприятием. Они проводят часть времени в учебном заведении, изучая теорию, а другую часть — на предприятии в качестве «учеников». Этот цикл чередования обычно завершается в течение двух-трех с половиной лет. Цель и особенность этой системы — прямая поставка на предприятия зрелых, квалифицированных технических работников, что эффективно повышает адаптивность студентов к условиям труда и снижает уровень безработицы среди выпускников.

В Японии, согласно пересмотренным в 2011 году «Стандартам для учреждения университетов», трудоустройство было официально определено как «способность студентов после окончания учебы совершенствовать свои качества, достигая социальной и профессиональной самостоятельности». Учебные заведения интегрируют развитие трудоустройства (включая карьерное планирование, тренинги по лидерству, изучение специфики рабочей среды, симуляции экзаменов для трудоустройства) на протяжении всего учебного периода. Такой «иммерсивный подход полного цикла» привел к значительному снижению процента увольнений среди выпускников после начала их трудовой деятельности.

Вузы Австралии, в свою очередь, повсеместно уделяют большое внимание развитию трудоустройства аспирантов академического направления. Квислендский университет, интегрируя внутренние ресурсы и опираясь на «Рамки карьерного развития» (Career Development Framework), предоставляет всестороннюю поддержку и услуги для карьерного роста аспирантов. Это включает

в себя персонализированную профориентацию, разнообразные программы по инновациям и предпринимательству, создание платформ для конкурсов по презентации диссертаций, учреждение специализированных центров стажировок и карьерных стипендий [5].

Обобщая мировой опыт, можно сказать, что суть развития трудоустраиваемости студентов в вузах разных стран и регионов заключается в преодолении закрытой модели «однонаправленной передачи знаний». Путем интеграции ресурсов предприятий и активизации субъектности студентов выстраивается многосторонняя сеть ценностного симбиоза, выгодная для всех участников. Такой подход не только повышает конкурентоспособность студентов на рынке труда, но и способствует глубокой интеграции образовательной цепочки с цепочкой промышленных потребностей, предлагая образец для подражания, как высшему образованию отвечать на вызовы, связанные со стремительным технологическим развитием предприятий.

IV. Китайская практика развития трудоустраиваемости студентов в новую эпоху

Для Китая, как для страны с масштабной системой высшего образования, развитие трудоустраиваемости студентов стало одной из важнейших задач. Вузы активно исследуют и применяют на практике реформы учебных программ, усиление практического обучения, углубление сотрудничества с предприятиями, оптимизацию профориентации и служб содействия занятости, а также продвижение инновационного и предпринимательского образования. Эти меры эффективно повышают общую конкурентоспособность и профессиональную компетентность студентов, позволяя им адаптироваться к постоянно меняющимся требованиям рынка труда.

1. Реформа системы учебных программ

В ответ на трансформацию экономики и промышленности вузы проводят комплексную реформу учебных программ, чтобы повысить конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

Реформа включает два ключевых направления. Во-первых, проводится оптимизация перечня специальностей в соответствии с потребностями рынка и национальными стратегиями. Это выражается в открытии новых перспективных направлений (например, в области искусственного интеллекта и интеллектуального производства), модернизации традиционных программ и закрытии невостребованных. Активно создаются междисциплинарные курсы для формирования у студентов многопрофильных знаний.

Во-вторых, усиливается роль общеобразовательных

и профессиональных курсов. Широкие междисциплинарные курсы общего образования нацелены на развитие у студентов критического мышления и широкого кругозора. Параллельно вводятся специализированные курсы по развитию профессиональных компетенций, которые с помощью практических методов (кейс-стади, симуляции) целенаправленно формируют ключевые «мягкие навыки» (soft skills), такие как командная работа и деловая коммуникация.

2. Усиление практического обучения

Для развития практических и инновационных способностей студентов китайские вузы сосредоточены на двух ключевых направлениях.

Первое направление — создание современной инфраструктуры для практического обучения. При поддержке правительства и в тесном сотрудничестве с предприятиями вузы оборудуют высокотехнологичные учебно-экспериментальные центры на своей территории (например, в сфере интеллектуального производства и ИИ), а также формируют обширную сеть баз для стажировок на реальных производствах [6]. Масштаб этой работы демонстрирует пример провинции Цзянсу, где создано более 21 000 таких баз, предоставляющих студентам возможность получить ценный практический опыт и быстрее адаптироваться к будущей работе.

Второе направление — поощрение активного участия студентов в практической деятельности. Вузы организуют летние социальные практики, включающие стажировки, волонтерство и социальные опросы, которые помогают студентам понять общество и решать реальные проблемы. Кроме того, стимулируется участие в престижных предметных и инновационных олимпиадах. Особое внимание уделяется общенациональным конкурсам, таким как «Интернет+» и «Кубок вызова», которые позволяют студентам применять теоретические знания на практике и предоставляют им платформу для демонстрации талантов.

3. Углубление сотрудничества между вузами и предприятиями

Углубление сотрудничества с предприятиями является ключевой стратегией, которая реализуется через интегрированные модели обучения и прямое вовлечение профессионалов из индустрии для решения проблемы дисбаланса на рынке труда.

Одной из ведущих моделей является «заказная» подготовка, при которой учебные планы разрабатываются вузом совместно с предприятием под его конкретные кадровые потребности, что обеспечивает «бесшовный» переход выпускников от учебы к работе. Также развива-

ются совместные образовательные программы, которые включают стажировки преподавателей на производстве и участие топ-менеджеров в академической жизни, способствуя обмену знаниями.

Для лучшей интеграции студентов в отраслевую среду внедряется система наставничества от предприятий. В рамках этой системы опытные специалисты и руководители компаний приглашаются в качестве преподавателей-совместителей и наставников. Они читают лекции на основе реальных кейсов, руководят студенческой практикой и дипломными проектами, передавая актуальные знания и ценный практический опыт напрямую от индустрии.

4. Оптимизация профориентации и служб содействия занятости

В настоящее время в китайских вузах в основном создана система профориентации полного цикла. Начиная с момента поступления, для студентов проводится обучение по карьерному планированию, которое помогает им понять свои интересы, сильные стороны и профессиональные склонности, а также составить разумный план карьерного развития. На младших курсах это в основном реализуется через курсы по карьерному планированию и профессиональные лекции, которые распространяют знания в этой области и формируют у студентов правильное отношение к карьере. По мере перехода на старшие курсы постепенно вводятся более целенаправленные услуги, такие как тренинги по поиску работы, консультации по составлению резюме и симуляции собеседований. На четвертом курсе, перед выпуском, приглашаются специалисты по кадрам (HR) из компаний для проведения мастер-классов по прохождению собеседований и организации пробных интервью, что повышает шансы студентов на успешное трудоустройство.

Для решения проблемы информационной асимметрии в сфере занятости китайские вузы повсеместно создали информационные платформы по трудоустройству. С одной стороны, они интегрируются с рекрутинговыми платформами компаний, оперативно публикуя информацию о вакансиях, стажировках и политике в сфере занятости, предоставляя студентам богатые и точные информационные ресурсы. С другой стороны, с помощью технологий больших данных анализируются карьерные предпочтения студентов и потребности работодателей, что позволяет осуществлять точечную рассылку вакансий, соответствующих запросам студентов, и повышать степень соответствия между кандидатом и должностью. Кроме того, информация о трудоустройстве рассылается через официальные аккаунты в WeChat, SMS и другие каналы, обеспечивая всестороннюю поддержку и обслуживание студентов в процессе поиска работы.

5. Содействие инновационному и предпринимательскому образованию

Инновационное и предпринимательское образование стало важной частью подготовки кадров в китайских вузах. Вузы предлагают ряд курсов по инновациям и предпринимательству, включая основы предпринимательства, тренинги по инновационному мышлению, разработку бизнес-моделей и т.д. Это позволяет студентам ознакомиться с основными процессами и методами создания стартапов, овладеть необходимыми знаниями и навыками, а также развить инновационное и предпринимательское сознание. В то же время вузы активно создают платформы для практической деятельности в этой сфере, такие как бизнес-инкубаторы и коворкинг-центры, предоставляя студенческим проектам помещения и оборудование. Университеты также вводят ряд политик для поддержки студенческих инноваций и предпринимательства, предоставляя налоговые льготы и скидки на аренду помещений для стартапов, чтобы снизить затраты студентов на запуск своего дела. На сегодняшний день многие студенческие стартапы были успешно инкубированы на этих площадках, что значительно повысило инновационные и предпринимательские способности студентов.

Заключение

Несмотря на то, что вузы по всему миру накопили богатый опыт и достигли значительных успехов в развитии трудоустраиваемости студентов, они по-прежнему сталкиваются с рядом вызовов. Во-первых, с распространением и популяризацией искусственного интеллекта изменения в спросе и предложении на рынке труда происходят стремительно, однако корректировка моделей подготовки кадров в вузах имеет определенное отставание и не может в полной мере удовлетворить динамичные потребности рынка, что сдерживает повышение комплексной трудоустраиваемости студентов. Во-вторых, глубина и широта сотрудничества между вузами и предприятиями требуют дальнейшего расширения. Мотивация некоторых предприятий к участию в таком сотрудничестве невысока, формы взаимодействия довольно однообразны, и отсутствуют долгосрочные механизмы партнерства, что также сказывается на развитии практических навыков студентов. В-третьих, такие проблемы в карьерном планировании студентов, как идеализм, утилитарный подход и низкая стрессоустойчивость при поиске работы, подавляют формирование внутренней мотивации к развитию трудоустраиваемости. Кроме того, качество и эффективность инновационного и предпринимательского образования нуждаются в улучшении: в некоторых вузах содержание таких курсов является поверхностным, а практический компонент недостаточен, что значительно снижает результативность участия студентов в инновационной и предпринимательской деятельности.

тельской деятельности и негативно влияет на развитие их инновационных способностей.

Для решения этих проблем вузы должны проявлять инициативу в укреплении коммуникации и сотрудничества с отраслевыми ассоциациями и предприятиями, создать постоянный механизм исследования рыночного спроса, чтобы своевременно отслеживать динамику рынка и корректировать перечень специальностей и учебные планы. В то же время, национальные и местные органы власти должны разрабатывать соответствующие политики, поощряющие активное участие предприятий в сотрудничестве с вузами, предоставляя им налоговые льготы, политическую поддержку и другие стимулы для повышения их мотивации. Кроме того, вузам следует по-

стоянно оптимизировать систему курсов по карьерному планированию, усиливать профориентацию и службы содействия занятости, чтобы помогать студентам разумно и научно составлять индивидуальные планы карьерного развития. Наконец, вузам также необходимо и дальше углублять реформу инновационного и предпринимательского образования, обогащать содержание курсов, усиливать практический компонент обучения и внедрять реальные проекты от предприятий для повышения практических навыков студентов в этой сфере. Посредством этих мер можно будет по-настоящему повысить трудоустраиваемость студентов, чтобы они соответствовали требованиям глобального экономического развития и конкуренции за высококвалифицированные кадры в новую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andrews J., Higson H. Graduate Employability, 'Soft Skills' Versus 'Hard' Business Knowledge: A European Study // Higher Education in Europe. – 2008. – Vol. 33, № 4. – P. 411-422.
2. Norton S. Strengthening the student experience: Distilling the 3 Es [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://www.advance-he.ac.uk/knowledge-hub/strengthening-student-experience-distilling-3-es> (дата обращения: 29.01.2025).
3. Ornellas A., Falkner K., Edman Stalbrandt E. Enhancing graduates' employability skills through authentic learning approaches // Higher Education, Skills and Work-Based Learning. – 2019. – Vol. 9, № 1. – P. 107-120.
4. Се Чжиюань. Размышления о развитии трудоустраиваемости студентов // Исследования в области развития образования. – 2005. – № 1. – С. 90-92.
5. У Хунфу, Чжу Цунхуэй. Как австралийские вузы развивают трудоустраиваемость аспирантов академического направления: на примере Квислендского университета // Ученые степени и послевузовское образование. – 2024. – № 5. – С. 84-93. – DOI: 10.16750/j.adge.2024.05.011.
6. Чжу Хунпин. Укреплять интеграцию производства и образования, науки и образования, создавать высокоуровневые базы для практики и стажировок // Гуанмин жибао. – 2024. – 5 нояб. – С. 14.
7. Ши Цюхэн, Вэнь Цзин. Трудоустраиваемость китайских студентов: анализ самооценки на основе опроса // Педагогическое обозрение Пекинского университета. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 48-60, 188.
8. Шэнь Тин, Е Инхуа. Выбор и значение практик британских вузов по развитию трудоустраиваемости студентов: анализ на основе «Рамок по внедрению трудоустраиваемости в высшее образование» // Исследования зарубежного образования. – 2022. – Т. 49, № 11. – С. 97-113.

© Чжан Вэйхун (zjh120607@126.com), Сюй Цзе (649379523@qq.com), Цинь Вэйвэй (13699380103@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛАГОЛЫ НАЧИНАТЕЛЬНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ НА –АА-НАА, ТРЕБУЮЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ –СУМ И –СЭМ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

Атласова Элида Спиридоновна

кандидат филологических наук, Северо-Восточный
федеральный университет имени М.К. Аммосова, (г. Якутск)
atlas_elli@rambler.ru

**INITIAL VERBS WITH –AA-NAA
REQUIRING THE INDICATORS –SUM AND –
SEM (USING THE LANGUAGE OF THE
TUNDRA YUKAGHIRS OF THE REPUBLIC
OF SAKHA (YAKUTIA) AS AN EXAMPLE)**

E. Atlasova

Summary: The article is devoted to the consideration of the issue of productive cases of initiatory verbs with the indicators –SUM and –SEM in the language of the Tundra Yukaghirs of the Republic of Sakha (Yakutia). Particular attention is paid to verbs formed from nouns, from verbal stems and from complex verbal stems with a clearly distinguishable indicator of the initiatory mode of action using the affix –aa-naa. The novelty of the study lies in the fact that for the first time a complete description of initiatory verbs with the indicators –SUM and –SEM has been made. The purpose of this work is to scientifically describe productive cases of Yukaghir verbs of the inchoative mode of action with the indicators –SUM and –SEM. To do this, it is necessary to solve several difficult problems: to collect and describe verbs of the inchoative mode of action with the indicators –SUM and –SEM; to identify and describe verbs of the inchoative mode of action with the indicators –SUM and –SEM. The material for the study was examples from the «Yukaghir-Russian Dictionary» by G.N. Kurilov [2011] and the author's field materials. The work provides a complete description of the system of productive cases of verbs of the inchoative mode of action in –aa-naa with the indicators –SUM and –SEM. The studied, systematized and described material will serve as a basis for the development of methods for teaching the Yukaghir language in educational institutions; for the development of guidelines for stage speech for theater, radio and television workers, as well as for the development of methods for teaching the Yukaghir language in secondary schools of the republic.

Keywords: transitive verbs, intransitive verbs, verb classes, types of verb action, plural nouns, stem-forming suffixes, plural suffixes.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса о продуктивных случаях глаголов начинательного способа действия с показателями –СУМ и –СЭМ в языке тундровых юкагиров Республики Саха (Якутия). Особое внимание уделяется глаголам, образованным от имен существительных, от глагольных основ и от сложных глагольных основ с хорошо вычленимым показателем начинательного способа действия при помощи аффикса –аа-наа. Новизна исследования заключается в том, что впервые сделано полное описание глаголов начинательного способа действия с показателями –СУМ и –СЭМ. Целью настоящей работы является научное описание продуктивных случаев юкагирских глаголов начинательного способа действия с показателями –СУМ и –СЭМ. Для этого необходимо решить несколько непростых задач: собрать и описать глаголы начинательного вида действия с показателями –СУМ и –СЭМ; выявить и дать описание глаголов начинательного способа действия с показателями –СУМ и –СЭМ. Материалом исследования послужили примеры из «Юкагирского-русского словаря» Г.Н. Курилова [2011] и полевые материалы автора. В работе дается полное описание системы продуктивных случаев глаголов начинательного способа действия на –аа-наа с показателями –СУМ и –СЭМ. Изученный, систематизированный и описанный материал послужит базой в разработках методик преподавания юкагирского языка в учебных заведениях; для разработки руководств по сценической речи для работников театра, радио и телевидения, а также для разработки методики преподавания юкагирского языка в среднеобразовательных школах республики.

Ключевые слова: переходные глаголы, непереходные глаголы, классы глаголов, виды действия глагола, множественное число имен существительных, основообразующие суффиксы, суффиксы множественного числа.

В настоящее время, сохранившие родной язык, юкагиры проживают только в Республике Саха (Якутия) Российской Федерации: с. Андрюшкино Нижнеколымского улуса и в с. Нелемное Верхнеколымского улуса. В юкагирском языке принято различать тундренный и колымский диалекты. Исследования последней четверти XX века показали, что эти диалекты нужно определять как самостоятельные языки: вадульский (тот, который ранее чаще всего назывался тундренным диалектом) и одульский (тот, который ранее назывался колымским

или лесным диалектом.

В научной литературе по юкагирскому языку нет специальной работы, посвященной этой теме. Однако и нет работы, где бы ни затрагивалась эта категория глагола, начиная с первых работ по юкагирскому языку В. Иохельсона.

Лингвистическими исследованиями юкагирского языка занимались В.И. Иохельсон, Е.А. Крейнович,

Г.Н. Курилов, Е.С. Маслова, И.А. Николаева, Е.А. Хелимский [2-7]. Впервые способы действия в юкагирском языке под термином «виды» были выделены В.И. Йохельсоном [2, 121]. А Е.А. Крейнович [4, 1982] писал, что кроме переходности/непереходности, глаголу юкагирского языка прежде всего свойственны чисто количественные характеристики действия: однократность/многократность, длительность/многократная длительность, уменьшительность и начинательность. Исследование показало, что необходимо изучить и описать продуктивные случаи юкагирских глаголов начинательного способа действия с показателями –СУМ и –СЭМ. Обзор научной литературы свидетельствует, что эта проблема остается не изученным в юкагиrowедении.

В рамках данной статьи нами проведен анализ глаголов начинательного способа действия глаголов (переходные и непереходные) на –аа-наа, которые требуют показатели –СУМ и –СЭМ. Переходим к рассмотрению форм начинательного способа действия, образованных показателем группы –АА-НАА.

Рассмотрим глаголы, на –СУМ, образованные от глагольных основ на –аа-наа (непереходные глаголы), эти глаголы образованы по модели «основа глагола и аффиксы +-аа +-наа»:

Аав -аа-наа-й - «стал ложиться спать» [6,17] образовано от основы глагола *ааваану*- со значением «лечь спать, уснуть», с показателем –СУМ *аавэ-сум* со значением «заставил спать он», например: 1) значение *побуд*. «заставить [позволить, дать] спать»: *Мол арууги эл мөндьизьлэк, вэрвэлэк аавэск*. — «Да не слушай его слова, силой **заставь лечь спать**»; *Тиэн гөдэ ах йах-тэр митханэ эл аавэс*. — «Этот человек **не дал возможности спать** нам из-за того, что все время пел»; *Тудэ нуолэкха митханэ аавэсум*. — «В своем пологе [он] **разрешил спать**»; *Ин кэвэйни — чамчэ йавнуо мэ тунум*. Мэту- олдэ мэт уорпэ аавэсмэн [Ед. хр. 93, с. 43]. — Только уехали [они] — туман все скрыл. Я же детей своих уложил [усыпил] (там же).

Абальвэ -аа-наа-й - «начала смеяться» [6, 23] образовано от основы глагола *абальваану*- «смеяться», с показателем –СУМ *абальвэ-сум* «смешил он».

Абар -аа-наа-нун-и - «начал дышать» [6,26], образовано от основы глагола *абараану*- «дышать», с показателем –СУМ *абарэ-сум* «заставил задышать он».

Аль -аа-наа-й- «начинают таять» [6, 35] образовано от *альяану*- «таять, оттаивать (о снеге, льде)», с показателем –СУМ *альяа-сум* «растопил [снег] он».

Аннь -аа-наа-й - «начал говорить» [6, 46] образовано от основы глагола *анньяану*-«заговорить», с показателем –СУМ *анньэ-сум* «заставил говорить он».

Йуор -аа-наа-й - «начали играть» [6, 138] образовано от основы глагола *йуораа*-«играть», с показателем –СУМ *йуора-сум* «заставил играть он».

Лайс -аа-наа-й - «стали лаять» [6, 195] образовано от

основы глагола *лайсаану*-«лаять», с показателем –СУМ *лайсэ-сум* «заставил лаять он».

Ланму -аа-наа-й - «стали летать» [6, 197] образовано от основы глагола *ланмуаа*- «развеваться на ветру», с показателем –СУМ *ланмуа-сум* «размахивал он».

Либа -аа-наа-нун-и- «начинает сильно биться» [6, 202] образовано от основы глагола *либааану*- «трястись, размахивать, трепыхаться», с показателем *либаа-сум* «потряхивал он».

Лиэ -аа-наа-ни - «стал носиться» [6, 207] образовано от основы глагола *лиэаану*- «носиться во всю», с показателем –СУМ *лиэа-сум* «заставил носиться [олень] он».

Лободь -аа-наа-р - «начал умываться» [6, 207] образовано от основы глагола *лободьяану*- «мыться», с показателем –СУМ *лободьэ-сум* «заставил мыться он».

Лол -аа-наа-й - «начинает вскипать» [6, 209] образовано от основы глагола *лоллаану*- «вскипеть», с показателем –СУМ *лолла-сум* «кипятит он».

Льархур -аа-наа-й - «стала дергаться» [6, 223] образовано от основы глагола *льархураану*- «качать, махать, раскачивать, размахивать», с показателем –СУМ *льархурэ-сум* «качал он».

Мойа -аа-наа-ни - «стали шагать» [6, 245] образовано от основы глагола *мойааану*- «ходить [шагать] легкой, упругой, пружинистой походкой, двигая плечами и туловищем», с показателем –СУМ *мойаа-сум* «заставил двигаться он».

Нинбар -аа-наа-й - «начал рычать» [6, 286] образовано от основы глагола *нинбараа*- «рычать [о собаке]», с показателем –СУМ *нинбара-сум* «заставил рычать он».

Онунб -аа-наа-й - «начало мокнуть» [6, 344] образовано от основы глагола *онунбаа*- «промокнуть», с показателем –СУМ *онунбэ-сум* «смачивал он».

Ооринь -аа-наа-й - «начал плакать» [6, 346] образовано от основы глагола *оориньяану*- «плакать», с показателем –СУМ *оориньэ-сум* «заставил заплакать он».

Сабаль -аа-наа-йэк - «заканчиваешь [пить чай]» [6, 417] образовано от основы глагола *сабальэ*- «прекратить, перестать делать что-либо», с показателем –СУМ *сабальэ-сум* «прекратил делать он».

Чулбад -аа-наа-й - «начал долбить» [6, 564] образовано от основы глагола *чулбадэ*- «долбить лед», с показателем *чулбадэ-сум* «заставил долбить лед он».

Далее приводим примеры на –СУМ, образованные от глагольных основ на –аа-наа [переходные глаголы], эти глаголы образованы по модели «основа глагола и аффиксы +-аа +-наа»:

Альбур -аа-наа-ну-даба - «начинают много говорить, шуметь» [6, 37] образовано от *альбураану*- «гоготать», с показателем –СУМ *альбурэ-сум* «заставил шуметь (гоготать) он».

Йанаспэйр -аа-наа-л - «начинаем забывать» [6, 110] образовано от основы глагола *йанаспэйрэ*- «забыть, запямятовать», с показателем –СУМ *йанаспэйрэ-сум* «заставил забыть он».

Йахт -аа-наа-й - «стал петь» [6, 120] образовано от

основы глагола *йахтаану*-«петь», с показателем –СУМ *йахтэ-сум* «заставил петь он».

Лалвэс -аа-лаа-ханэ - «начал накрывать» [6, 196] образовано от основы глагола *лалвэс*- «накрыть, покрыть, засыпать», с показателем –СУМ *лалвэ-сум* «накрыл он».

Миар -аа-наа-й - «начинающий точить» [6, 239] образовано от основы глагола *миараану*- «точение», с показателем –СУМ *миара-сум* «заставил точить напильником он».

Онъир -аа-наа-нун-у-й - «наставлять начинали» [6, 340] образовано от основы глагола *онъирэ*- «наставить», с показателем –СУМ *онъирэ-сум* «заставил быть наставленным».

Оор-аа-наа-л-ги - «начинает указывать» [6, 347] образовано от основы глагола *оорэ*- «указать, показать на что-либо, с показателем –СУМ *оорэ-сум* «заставил указать он»

Панд -аа-наа-ну-тэ-м - «повсеместно начнут ставить» [6, 366] образовано от основы глагола *пандаану*- «ставить что-либо», с показателем –СУМ *пандэ-сум* «заставил ставить он».

Савас -аа-наа-ну-млэ - «стали делить» [6, 419] образовано от основы глагола *савасаану*- «делить, разделить», с показателем –СУМ *савасэ-сум* «заставил поделить он».

Полевые материалы, показали, что были выявлены непереходные глаголы с показателями –СУМ, которые не были указаны в «Юкагирско-русском словаре» Г.Н. Курилова, приводим примеры:

Абидь -аа-наа-й - «заниматься шептанием» [6, 27] от *абидьяану*- «шептать», с показателем –СУМ *абидьи-сум* «заставил шептать он».

Оннь -аа-наа-тэ-й - «станет сыроватым» [6, 339] образовано от основы глагола *онньэ*- «быть влажным», с показателем –СУМ *онньэ-сум* «сделал влажным он».

Сонд -аа-наа-мэн - «начала нанизывать» [6, 442] образовано от основы глагола *сондаа*- «нанизать что-либо на что-либо», с показателем –СУМ *сондэ-сум* «заставил на-

низывать он».

Ураач -аа-наа-льэ-нь - «собиралась ехать на учебу» [6, 487] образовано от основы глагола *ураачэ*- «идти [ехать] куда-либо учиться», с показателем –СУМ *ураачэ-сум* «заставил идти учиться он».

Хааль -аа-наа-й - «начинает подгорать» [6, 495] от *хаальяану*- «подгореть», с показателем –СУМ *хаальяа-сум* «заставил подгореть он».

Чихаф -аа-наа-л - «стал скрипеть» [6, 554] образовано от основы глагола *чихафа*-«скрипеть под ногами (о снеге)», с показателем –СУМ *чихафа-сум* «заставил скрипеть под ногами он».

Чофор -аа-наа-нун-ни - «начинают избегать» [6, 556] образовано от основы глагола *чофорэ*- «щебетать, чирикать, петь», с показателем –СУМ *чофорэ-сум* «заставил щебетать он».

Обнаружили один пример переходного глагола на –АА-НАА:

Хофор -аа-наа-й - «стал орать» [6, 516] образовано от основы глагола *хофораану*-«вопить, орать», с показателем –СУМ *хофорэ-сум* «заставил орать он». (Таб. 1.)

Примеры (Таблица №1) показывают, что глаголы начинательного способа действия на –аа-наа передают значение начало какого-то действия, и четко видно, что глагольные основы по Г.Н. Курилову имеют с краткими гласными на –а, –э, и один пример на долгий гласный –аа, полевые материалы показали, что имеются еще 5 примеров на краткий гласный –э, и один случай на долгий гласный –аа.

Рассмотрим глаголы, на –СЭМ, образованные от глагольных основ на –аа-наа (непереходные глаголы), эти глаголы образованы по модели «основа глагола и аффиксы +аа + -наа»:

Таблица 1.

Классы производящих основ на –СУМ.

гласные	-СУМ Г. Н. КУРИЛОВ		-СУМ ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА	
	простые глаголы	сложные глаголы	простые глаголы	сложные глаголы
а	9	-	-	-
э	18	-	5	-
и	-	-	-	-
о	-	-	-	-
у	-	-	-	-
ө	-	-	-	-
аа	1	-	1	-
иэ	-	-	-	-
ии	-	-	-	-
уо	-	-	-	-
уө	-	-	-	-
уу	-	-	-	-

Глаголы на –СЭМ, образованные от глагольных основ: *Волмом-аа-наа-рэн* - «начинает камлать» [6, 72] образовано от основы глагола *волмомаа-* «камлать, шаманить», с показателем –СЭМ *волмомаа-сэм* «заставил шаманить он».

Йар-аа-наа-йли - «пошла» [6, 115] образовано от основы глагола *йараану-* «идти по воде, идти вброд», с показателем –СЭМ *йара-сэм* «заставил идти вброд он».

Момос-аа-наа-м - «начал застегивать шнур» [6, 252] образовано от основы глагола *момосэ-* «затянуть шнур», с показателем –СЭМ *момо-сэм* «заставил затянуть шнур он».

Далее глаголы, на –СЭМ, образованные от глагольных основ на –аа-наа (переходные глаголы), эти глаголы

образованы по модели «основа глагола и аффиксы +аа + -наа»:

Ньарчэх-аа-наа-й - «начал чувствовать плохо» [6, 303] образовано от основы глагола *ньарчэхаану-* «становиться плохим, ухудшиться», с показателем –СЭМ *ньарчэхаа-сэм* «ухудшил он».

Тон-аа-наа-рэ - «начинает постоянно гнать» [6, 470] образовано от основы глагола *тонаану-* «гнать, пригнать кого-что-либо», с показателем –СЭМ *тоно-сэм* «заставил гнать он».

Анализ, показал, что был обнаружен один переходный глагол с показателем –СЭМ, который не был указан в

Таблица 2.

Классы производящих основ на –СЭМ.

гласные	-СУМ Г. Н. КУРИЛОВ		-СУМ ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА	
	простые глаголы	сложные глаголы	простые глаголы	сложные глаголы
а	1	-	-	-
э	-	-	-	-
и	-	-	1	-
о	2	-	-	-
у	-	-	-	-
ө	-	-	-	-
аа	2	-	-	-
иэ	-	-	-	-
ии	-	-	-	-
уо	-	-	-	-
уө	-	-	-	-
уу	-	-	-	-

Таблица №3

гласные	Г.Н. КУРИЛОВ				ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА			
	СЭМ		СУМ		СЭМ		СУМ	
	Простые глаголы	Сложные глаголы	Простые глаголы	Сложные глаголы	Простые глаголы	Сложные глаголы	Простые глаголы	Сложные глаголы
а	1	-	9	-	-	-	-	-
э	-	-	18	-	-	-	5	-
и	-	-	-	-	1	-	-	-
о	2	-	-	-	-	-	-	-
у	-	-	-	-	-	-	-	-
ө	-	-	-	-	-	-	-	-
аа	2	-	1	-	-	-	1	-
иэ	-	-	-	-	-	-	-	-
ии	-	-	-	-	-	-	-	-
уо	-	-	-	-	-	-	-	-
уө	-	-	-	-	-	-	-	-
уу	-	-	-	-	-	-	-	-

«Юкагирско-русском словаре» Г.Н. Курилова, приводим пример:

Кэчи -наа-на – «начали привозить» [6, 184] образовано от основы глагола кэчи- «принести», с показателем –СЭМ кэчи-сэм «заставил принести он». (Таб.2.)

Примеры (Таблица №2) показывают, что глаголы начинательного способа действия на –СЭМ:

1. глагольные основы по Г.Н. Курилову имеют с краткими гласными на –а, –о, и один пример на долгий гласный –аа;
2. полевые материалы показали, что имеются еще 1 пример на краткий гласный –и.

Представляем полную таблицу №3 образования ос-

нов глаголов с показателями –СЭМ и СУМ.

Представленный материал и его анализ позволяют сделать следующие выводы употребления глаголов начинательного способа действия с показателями –СУМ и –СЭМ:

- на гласные у, ө, из,ии, уо, уө, уу нет образований с показателями –СЭМ и СУМ;
- отсутствовали примеры со сложными основами на –СЭМ и –СУМ [полевые материалы].

В заключение хочется поблагодарить информантов поселка Андрюшкино и Колымское Нижнеколымского района за ценную информацию по видам действия юкагирского глагола, предоставленную ими в ходе подготовки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атласова Э.С. Юкагирско-русский, русско-юкагирский словарь 5-9 кл. Изд-во «Просвещение» г. Санкт-Петербург, 2008.
2. Иохельсон В.И. Одульский [юкагирский] язык. // Языки и письменность народов Севера. Ч.III. Языки и письменность палеоазиатских народов. – М. – Л., 1934.
3. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1958
4. Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982
5. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык. Я., 2006
6. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Я., 2001
7. Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык.// Языки мира. Палеоазиатские языки. -. 1997.
8. Maslova E.S. A Tundra Yukaghir.// Languages of the World/ Materials 372. – Lincom Europa, Munchen. 2003.
9. Nikolaeva I.N. a historical dictionary of Yukaghir/ M outon de Gruyter, Berlin., 2006.
10. Schiefner A. Über die Sprachen der Jukagiren, Pet., 1859.

© Атласова Элида Спиридоновна (atlas_elli@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА В ОПОСРЕДОВАННОМ БЫТИЙНОМ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ИСКУССТВО» / “ART”)

Банькова Надежда Валерьевна

кандидат филологических наук, Московский технический
университет связи и информатики
nvbankova@mail.ru

**THE PECULIARITIES OF THE REVEALING
OF THE CONCEPT IN MEDIATED
EXISTENTIAL RUSSIAN AND ENGLISH
DISCOURSES (BASED ON THE MATERIAL
OF THE REPRESENTATION OF
THE CONCEPT "ISKUSSTVO" / "ART")**

N. Bankova

Summary: The article presents a comparative study of the representation of the concept "iskusstvo" / "art" and the peculiarities of its discursive implementation in the Russian and the English languages. The author focuses on the classical works of the XIX - XX century. The methods of the investigations are descriptive, comparative, the analysis of language corpora, discourse analysis, etc. In the course of the study, it was revealed that in the English mediated existential discourse there are more derivatives than in the Russian mediated existential discourse. Furthermore, only in the English discourse were found the examples of a graphical means of expression — capitalization.

Keywords: existential, lexeme, art, concept, discourse.

Аннотация: Статья посвящена выявлению, сопоставлению и систематизации особенностей репрезентации концепта «искусство» / “art” в русскоязычном и англоязычном опосредованном бытийном дискурсе. Материалом исследования послужили произведения классиков отечественной и британской литературы XIX - XX веков.

Методы исследования: описательный, сопоставительный, анализ языковых корпусов, дискурсивный анализ.

В ходе исследования выявлено, что в английском опосредованном бытийном дискурсе больше дериватов, чем в русском опосредованном бытийном дискурсе. Кроме того, лишь в английском дискурсе выявлены примеры графического средства выразительности — капитализации.

Ключевые слова: бытийный, лексема, искусство, концепт, дискурс.

Как известно, человеческая речь меняется в зависимости от речевой ситуации, и слова могут обретать новые оттенки значения, в том числе и не зафиксированные в словарях.

Речь человека отражает его внутренний мир, а искусство отображает духовные переживания и внутренний мир человека. То, что непросто выразить вербально (тончайшие чувства, мимолетные образы), выражается символически.

Выявление и систематизация особенностей представленности концепта «искусство» / “art” в бытийном дискурсе позволяет, в определенной мере, представить национальную картину мира.

В основе нашего исследования положения теории дискурса, выдвинутые В.И. Карасиком.

Под дискурсом понимается «общение посредством текста» [6, с. 319].

В ходе исследования противопоставляются личностно-ориентированный (бытовой и бытийный) и статусно-ориентированный дискурсы [6, с. 362].

Бытийный дискурс мы относим к личностно-ориентированному типу, в нем осуществляется поиск и прочувствование важных смыслов, философское и образное познание мира.

Такой дискурс реализуется в устной и письменной формах речи, раскрывая духовный мир человека и обилие смыслов, передаваемых вербально. Реализуется он, в основном, в монологической речи в ее письменной форме [6, с. 289]. В бытийном дискурсе «предпринимаются попытки раскрыть внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы» [5, с. 289-290].

Принято выделять прямой и опосредованный бытийный дискурс. Прямой дискурс обычно реализуется в монологической форме речи, «представлен в любых видах логических умозаключений» [Там же].

Опосредованный бытийный дискурс – это иносказательное развитие мысли через повествование и описание [Там же].

При формировании корпуса исследования методом сплошной выборки были отобраны 670 текстовых реализаций концепта «искусство» / “art” из произведений классиков отечественной и британской литературы XIX – XX веков общим объемом 15289 стр. Всего было проанализировано 23 произведения на русском и 16 на английском языке. Из них было отобрано 302 фрагмента текста на русском языке, 368 на английском. Отобранные для дискурс-анализа произведения представляют собой образцы классических повестей и романов, раскрывающих глубину чувств героев, взгляды авторов на фундаментальные понятия жизни человека (и, в частности, на значение искусства) и созданы лучшими признанными писателями XIX–XX веков.

В ходе исследования рассматривалось ключевое слово концепта и его дериваты. Всего было выявлено четырнадцать дериватов лексемы “art”: artist, artless, artful, artistic, artificial, artifice, artlessly, artificer, artisan, artlessness, artfully, artificially, artistically, arty.

Как показало исследование, в англоязычном опосредованном бытийном дискурсе чаще всего используются следующие дериваты лексемы “art”: artist (68 раз), artless (30 раз), artful (24 раза). Реже используются дериваты: artistic (21), artificial (18), artifice (12). Ряд дериватов используется пять и менее раз: artlessly (5), artificer (2), artisan (2), artlessness (2), artfully (2), artificially (1), artistically (1), arty (1). Наличие множества производных у ключевого слова концепта “art” вероятно, можно объяснить тем, что само слово зафиксировано в среднеанглийском языке, как заимствование из старофранцузского, куда оно пришло из латыни – “ars”. Слово постепенно обрастало значениями: «способность в обучении», «мастерство», «свод правил», «пронырливость», «творчество» [17, p. 95].

В русском языке выявлено только два производных от лексемы «искусство»: искусственный, искусственно. Возможно, это связано с тем обстоятельством, что само слово «искусство», заимствованное из старославянского, стало использоваться в русском литературном языке не так давно (не ранее второй половины XVII века). Считается, что оно развилось на основе слова «искусъ», имевшего значение «испытание, опыт, попытка» и до XVIII передавало два значения: «умение и знание» и «опыт, эксперимент». [7, с. 164].

В ходе исследования были выявлены совпадающие значения ключевого слова концепта в русском языке «искусство» и английском языке “art”:

1. Творческая деятельность. Это значение чаще всего реализуется в опосредованном дискурсе на обоих языках: ... прощай, искусство, прощайте, увлечения на сцене! [1, с. 210]; ... if only as a standing illustration of the attitude of Forsytes towards the Arts [12].

В этом значении ключевое слово концепта часто реализуется в опосредованном дискурсе в эмоциональных восклицательных предложениях на обоих языках / art: *искусство* — не роскошь, не забава — а труд, наслаждение, сама жизнь! [4, с. 713]; I’m such a dud in *art* matters—I thought the academicians were still in perspective! [13].

Как показал семантический анализ опосредованного дискурса на русском языке, для этого вида дискурса характерно использование олицетворения. Так, искусство уподобляется человеку со своим складом характера, с поведением как представителя общества: искусство: не терпит спора и рассуждений, может достигнуть высших проявлений, занято двумя вещами, служит красоте, умерло, отнимает, унижается, не любит бар, не дается.

Только в английском языке отмечены приемы капитализации: лексема “art” пишется с заглавной буквы или же лексема “art” пишется целиком прописными буквами. Это отражает особенности английской орфографии: they talked of pictures and music, contrasting the English and French characters and the difference in their attitude to *Art* [11].

2. Умение: ... блюда уже не были приготовлены с таким *искусством* [2, с. 63]; She had, indeed, the *art* of pleasing, for a given time, whom she would; but the feeling would not last: in an hour it was dried like dew, vanished like gossamer [9, p. 118].

В опосредованном дискурсе на обоих языках реализуется противоречивое отношение к искусству: оно одновременно просто и недостижимо, что подтверждается выявленными определениями:

- в опосредованном дискурсе на русском языке: редкое, обычное, нетрудное, дипломатическое, необыкновенное, военное, фехтовальное, большое, изумительное, великое, высокое;
- в опосредованном дискурсе на английском языке: great (большой), lost (утраченный), nice (милый), sycophantic (льстивый), simple (простой).

Кроме того, в английском языке оно связано с загадкой и секретами и олицетворяется с женщиной: “solemnized the mysteries of his *art*” [9, p. 119], “miracle of *art*” [19]; My *art* halts at the threshold of Hypochondria: she just looks in and sees a chamber of torture, but can neither say nor do much [9, p. 170].

3. Живопись: И опять задумался, с палитрою на пальце, с поникшей головой, с мучительной жадой овладеть тайной *искусства*, создать на полотне ту Софию, какая снится ему [4, с. 115]; It spoke of that "diligent and agreeable painter whose work we have come to look on as typical of the best late-Victorian water-colour art." [16].

Для опосредованного дискурса на русском языке характерна реализация таких признаков искусства как преданность делу, отречение от светской жизни, развлечений. Так, герой романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Алексей Вронский представляет, что он «просвещенный любитель и покровитель *искусств*, и сам – скромный художник, отрекшийся от света, связей, честолюбия» [8].

Героиня повести А.И. Герцена «Сорока-воровка» признается: «Я отдавалась любви к *искусству* с таким увлечением, что на внешнее не обращала внимания» [1, с. 207].

Для опосредованного дискурса на английском языке характерна реализация такого свойства искусства как подчинения и ограничения правилами: ... the painter is bound down by the rules of his *art* [18] (Художник ограничен законами искусства).

Кроме того, реализуется такое свойство искусства как зависимость между интересом к искусству и ценой на произведения искусства, причем, отмечается, что, чем сильнее интерес, тем выше стоимость: On going over the collection Bodkin, than whose opinion on market values none was more sought, pronounced that with a free hand to sell to America, Germany, and other places where there was an interest in *art*, a lot more money could be made than by selling in England [16].

В опосредованном дискурсе часто реализуется идея о том, что искусство, как разновидность человеческой деятельности, должно приносить доход.

4. Отрасль, область какой-либо работы человека: Что хорошо под кистью, в другом *искусстве* не годится [4, с. 36]; Her knowledge of medicine and of the healing *art* had been acquired under an aged Jewess, the daughter of one of their most celebrated doctors, who loved Rebecca as her own child, and was believed to have communicated to her secrets, which had been left to herself by her sage father at the same time, and under the same circumstances [18].

5. Хитрость: Платье сидело на ней в обтяжку: видно, что она не прибегала ни к какому *искусству*, даже к лишний юбке, чтоб ... уменьшить талию [3, с. 301]; but he was told that the first word he spoke to Miss Catherine should ensure a dismissal; and Mrs. Earnshaw undertook to keep her sister-in-law in due restraint when she returned home; employing *art*, not force: with force she would have found it impossible [10].

В опосредованном дискурсе на обоих языках хитрость осуждается: в английском были выявлены эпитеты: vile (подлый), meretricious (нарочито красивый), very mean (очень низкий).

Кроме того, в английском языке были выявлены еще три значения лексемы "art":

1. Магия, волшебство: if the pity I feel for thee arise from any practice thine evil *arts* have made on me, great is thy guilt [18].

Выявленные определения: dead (погибший), dark (темный), black (черный), supernatural (сверхъестественный), evil (губительный). Предполагаем, что, поскольку в английском языке концепт "art" вербализуется посредством таких прилагательных, это указывает на крайне отрицательное отношение к подобным чарам в английском языковом сознании.

2. Картина: to see so much old English *art* together is like looking at a baby show [15].

3. Художественное произведение: This book might or might not be *Art*, he hadn't read it; but the Editor of The Protagonist wrote like a pedagogue, and there was an end of him [14].

Подводя итоги проведенного анализа, заметим, что концепт «искусство» / "art" в опосредованном бытийном дискурсе проявляется в различном количестве в семантическом содержании средств его объективации в русском и английском языках. Чаще всего используется в значении «творческая деятельность, направленная на создание произведений и призванная отразить внутренний мир человека». Еще общие значения в обоих языках: умение; живопись; отрасль человеческой деятельности, хитрость. Только в английском языке обнаружены еще три значения: волшебство, картина, художественное произведение.

В английском языке лексема "art" многозначнее лексемы «искусство» в русском языке и образует больше производных, поскольку существует в английском языке гораздо дольше по сравнению с русской лексемой.

В опосредованном бытийном дискурсе исследуемый концепт в обоих языках представлен при помощи тропов и графических средств художественной выразительности: индивидуально-авторских эпитетов, восклицательных предложений, антитезы и капитализации. Последний упомянутый прием обнаружен лишь в английском языке в 22 примерах из 368 у писателей У. Теккерея, Э. Бронте и Д. Голсуорси).

Русские и английские авторы зачастую описывают искусство/art, прибегая к антропоморфным метафорам.

В русском языке «искусство» – существительное среднего рода, в английском был обнаружен лишь один пример использования существительного “art” женского рода. Таким образом, рассматриваемый концепт предстает как самостоятельное живое существо. Это явление свидетельствует о значимости концепта «искусство» / “art” в жизни человека.

На основе анализа, сформированного нами корпуса текстовых отрывков опосредованного бытийного дискурса, в обеих лингвокультурах отмечается, что «искусство» / “art” может принести доход, но этого может и не случиться, и цель, истинное предназначение искусства не в этом, «искусство» / “art” не всегда связано с прибылью.

У концепта «искусство» / “art” есть оппозиция: он противостоит науке/science и жизни/life, т.к. у него особый

уклад и свои принципы.

Сочетания лексемы «искусство» / “art” с глаголом «изучать» / “learn” и другими глаголами со схожими значениями демонстрируют, что искусству и его пониманию необходимо учиться. В то время как эпитеты «великое» / “great” и прочие, подобные им по значению, свидетельствуют о том, что отношение к «искусству» / “art” серьезно и значительно.

Существенной отличительной особенностью репрезентации концепта «искусство» / “art”, как показал анализ, является то, что в русскоязычной картине мира осуждается трафаретный подход к искусству и создание произведений искусства без души, тогда как в текстовых фрагментах на английском языке актуализируется порицание безвкусыя и отсутствия интереса к искусству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А.И. Кто виноват?: Сорока-воровка. М.: Легкая индустрия, 1980. 216 с.
2. Гоголь Н.В. Повести. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.
3. Гончаров И.А. Обломов. М.: Художественная литература, 1979. 534 с.
4. Гончаров И.А. Обрыв. М.: Художественная литература, 1966. 719 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. [Электронный ресурс] // azbyka.ru [сайт]. [2025] URL: https://azbyka.ru/fiction/anna-karenina/?full_text=1 (дата обращения: 23.06.2025).
9. Bronte Ch. Villette. Ware: Wordsworth classics, 2009. 472 p.
10. Bronte E. Wuthering Heights. [Электронный ресурс] // [gutenberg.org](http://www.gutenberg.org/files/768/768-h/768-h.htm) [сайт]. [2025] URL: <https://www.gutenberg.org/files/768/768-h/768-h.htm> (дата обращения: 15.06.2025).
11. Galsworthy J. The Forsyte saga. In chancery. [Электронный ресурс] // [gutenberg.org](http://www.gutenberg.org/files/2594/2594-h/2594-h.htm) [сайт]. [2025] URL: <https://www.gutenberg.org/files/2594/2594-h/2594-h.htm> (дата обращения: 14.06.2025).
12. Galsworthy J. The Forsyte saga. The man of property. [Электронный ресурс] // [gutenberg.org](http://www.gutenberg.org/files/2559/2559-h/2559-h.htm) [сайт]. [2025] URL: <https://www.gutenberg.org/files/2559/2559-h/2559-h.htm> (дата обращения: 14.06.2025).
13. Galsworthy J. Swan song. [Электронный ресурс] // archive.org [сайт]. [2025] URL: https://archive.org/details/swansong0000john_e0i8/page/92/mode/2up (дата обращения: 14.06.2025).
14. Galsworthy J. The silver spoon. [Электронный ресурс] // archive.org [сайт]. [2025] URL: https://archive.org/details/silverspoon0000unse_v7w8/page/174/mode/2up (дата обращения: 15.06.2025).
15. Galsworthy J. The white monkey. [Электронный ресурс] // archive.org [сайт]. [2025] URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.201274/page/n35/mode/2up> (дата обращения: 15.06.2025).
16. Galsworthy J. The Forsyte Saga. To Let. [Электронный ресурс] // [gutenberg.org](http://www.gutenberg.org/cache/epub/3817/pg3817-images.html) [сайт]. [2025] URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/3817/pg3817-images.html> (дата обращения: 14.06.2025).
17. Oxford Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2120 p.
18. Scott W. Ivanhoe. [Электронный ресурс] // [gutenberg.org](http://www.gutenberg.org/files/82/82-h/82-h.htm) [сайт]. [2025] URL: <https://www.gutenberg.org/files/82/82-h/82-h.htm> (дата обращения: 15.06.2025).
19. Thackeray W. Vanity fair. [Электронный ресурс] // [gutenberg.org](http://www.gutenberg.org/cache/epub/599/pg599-images.html) [сайт]. [2025] URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/599/pg599-images.html> (дата обращения: 15.06.2025).

© Банькова Надежда Валерьевна (nvbankova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТАТЬЯХ ПО КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

METADISCURSIVE MARKERS OF READER INTERACTION IN ENGLISH AND RUSSIAN COMPUTER ENGINEERING ARTICLES

**E. Gilyazeva
A. Sushkova**

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of metadiscursive markers of reader interaction in English and Russian scientific articles on computer engineering. An adapted model by K. Hyland was used as the methodological basis, focusing on five subgroups of interaction markers: directives, reader references, appeals to shared knowledge, rhetorical questions, and personal asides. Quantitative analysis revealed significant differences in marker usage frequency. The most pronounced discrepancies were noted in the subgroups "Directives" and "Reader References". Qualitative analysis revealed differing communicative strategies: dialogicality and explicit attention management in the English-language tradition in comparison with monologicality and implicit organization in the Russian-language tradition. The results indicate the persistence of national traditions of academic writing under conditions of international standardization of technical discourse.

Keywords: metadiscourse, scientific communication, computer engineering, comparative linguistics, corpus analysis, reader interaction markers, cross-cultural differences, technical scientific discourse.

Сопоставительное изучение метадискурсивных стратегий в разных языковых культурах способствует пониманию вариативности научного дискурса. Национальные особенности организации академического текста отражают эпистемологические и риторические установки, складывавшиеся в различных научных сообществах [18]. Особое значение приобретает анализ механизмов взаимодействия автора и читателя как важного компонента научной коммуникации.

Компьютерная инженерия как междисциплинарная область требует специального изучения дискурсивных практик, поскольку имеющиеся исследования ограничиваются анализом отдельных аспектов или смежных областей [19]. Существующие работы преимущественно сконцентрированы на материале лингвистики, литературоведения и социальных наук, в меньшей степени учитывая эпистемологические особенности технических дисциплин.

Гильязева Эмма Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
Набережночелнинский филиал Казанского (Приволжского)
федерального университета
ENGilyazeva@kpfu.ru

Сушкова Айгуль Рафаиловна
кандидат филологических наук, доцент, Елабужский
институт Казанского федерального университета
aigulechka.92@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу метадискурсивных маркеров взаимодействия с читателем в англоязычных и русскоязычных научных статьях по компьютерной инженерии. В качестве методологической основы использована адаптированная модель К. Хайланда с фокусом на пяти подгруппах маркеров взаимодействия: директивах, обращениях к читателю, ссылаках на общие знания, риторических вопросах и личных отступлениях. Количественный анализ выявил существенные различия в частотности использования маркеров. Наиболее выраженные расхождения отмечены в подгруппах «Директивы» и «Обращения к читателям». Качественный анализ выявил различающиеся коммуникативные стратегии: диалогичность и эксплицитное управление вниманием в англоязычной языковой традиции в сопоставлении с монологичностью и имплицитной организацией в русскоязычной. Результаты указывают на устойчивость национальных традиций научного письма в условиях международной стандартизации технического дискурса.

Ключевые слова: метадискурс, научная коммуникация, компьютерная инженерия, сопоставительная лингвистика, корпусный анализ, маркеры взаимодействия с читателем, межкультурные различия, технический научный дискурс.

Цель настоящего исследования состоит в установлении частотности и функциональных особенностей метадискурсивных маркеров взаимодействия с читателем в англоязычных и русскоязычных статьях по компьютерной инженерии.

Понятие метадискурса берет начало в работах З. Харриса конца 1950-х годов для обозначения элементов текста, осуществляющих комментирование основного содержания [11]. Однако широкое развитие концепция получила в 1980-х годах благодаря исследованиям В. Ванде Коппле [17] и А. Крисмор [9], которые заложили основы функционального понимания метадискурса как средства организации текста и взаимодействия с читателем.

Наибольшее влияние на современные исследования оказала модель К. Хайланда [12], выделившего интерактивные и интеракционные ресурсы метадискурса.

Маркеры взаимодействия с читателем, входящие в интеракционную группу, включают пять подгрупп: 1) упоминания читателя, 2) директивы, 3) вопросы, 4) ссылки на общие знания, 5) личные отступления.

Параллельно развивался альтернативный подход, основанный на концепции рефлексивности языка: А. Мауранен предложила понимание метадискурса как универсального свойства человеческой коммуникации, проявляющееся во всех типах дискурса, но с разной степенью эксплицитности. В более поздних работах А. Мауранен развивает данную концепцию, различая текстово-ориентированную рефлексивность (комментарии о структуре и организации текста) и интерперсональную рефлексивность (комментарии об участниках коммуникации и их взаимодействии) [15]; [16].

А. Адель предложила узкое понимание метадискурса, ограничив его рефлексивными выражениями, которые прямо отсылают к самому тексту или его участникам [6]. Главной особенностью предложенной модели является различие рефлексивного и интерактивного подходов к метадискурсу. Рефлексивный подход фокусируется на языковых выражениях, которые делают сам дискурс объектом внимания («в данном разделе мы рассмотрим»), тогда как интерактивный подход К. Хайланда включает более широкий спектр средств управления читательским восприятием. В совместной работе А. Адель и А. Маурен систематизируют различия между подходами, характеризуя их как «тонкий» и «толстый» анализ метадискурса [7].

Переход от общетеоретических моделей метадискурса к их применению в техническом научном дискурсе выявляет ряд методологических проблем: технический научный дискурс отличается объективным подходом к исследованию, опорой на эмпирические данные, кумулятивным характером знания и методологическим консенсусом в научном сообществе [10].

Материалом настоящего исследования служит корпус из 100 научных статей по компьютерной инженерии за 2020-2024 годы. Корпус включает 50 англоязычных статей из журналов Q1-Q2 категории Scopus/WoS [20]; [21]; [22] и 50 русскоязычных статей из журналов перечня ВАК K1-K2 [1]; [3]; [4]. Корпус распределен по трем основным направлениям: 1) алгоритмы и структуры данных, 2) компьютерные системы и архитектуры, 3) обработка данных и машинное обучение.

Критерии отбора обеспечивали сопоставимость материала и исключение факторов билингвального письма. Для англоязычного подкорпуса отбирались статьи, где минимум 75% авторов имели аффилиацию с университетами англоязычных стран и англоязычные имена. Для русскоязычного подкорпуса отбирались статьи рос-

сийских авторов, опубликованные в отечественных журналах без параллельной англоязычной версии.

Исследование базируется на корпусном анализе со смешанной методологией. На первом этапе осуществлялся поиск потенциальных маркеров с использованием расширенного списка ключевых слов и конструкций, включающего не только элементы из типологии Хайланда, но и их функциональные эквиваленты в обоих языках.

Исходя из интеракционной части модели К. Хайланда, все выявленные единицы группировались по пяти подгруппам маркеров взаимодействия. К подгруппе «Обращения к читателю» относились инклюзивные формы первого лица множественного числа *we, us, our* и их типичные русскоязычные функциональные эквиваленты, выраженные глаголами в форме «давайте / будем / рассмотрим / проанализируем». «Директивами» считались императивные конструкции *note that, consider, observe, let us assume* и регулярно встречающиеся русские безличные аналоги «следует отметить», «необходимо учесть», «обратим внимание», «рассмотрим». В подгруппу «Ссылки на общие знания» входили англоязычные формулы *as is well known, it is widely accepted, it is common knowledge* и русскоязычные «известно, что», «как общеизвестно», «общепринято считать». Подгруппа «Риторические вопросы» включала единичные примеры типа *What does this imply?, How can we ensure...?* и их русскоязычные параллели «в чём причина?», «каким образом...?». Наконец, подгруппа «Личные отступления» охватывала выражения авторской оценки (*we believe, I would argue, it is important to note*) и их безличные русскоязычные корреляты «представляется важным», «считаем целесообразным», «можно полагать». Учитывались также функционально эквивалентные конструкции, не содержащие явного местоимения, но выполняющие ту же прагматическую функцию (например, русское «можно предположить» и английское *we can assume*).

Для определения функций маркеров применялся метод контекстной интерпретации, включающий анализ непосредственного синтаксического окружения (± 5 слов), позиции в структуре абзаца и раздела статьи, семантического содержания управляемой пропозиции. Например, маркер “*note that*” классифицировался как привлекающий внимание к результату, если за ним следовало числовое значение или сравнительная конструкция; как предупреждающий об ограничениях – при наличии лексем “*limitation*”, “*constraint*”, “*however*”; как методологический – при описании процедур или алгоритмов.

Количественный анализ выявил различия в стратегиях взаимодействия с читателем между изучаемыми языковыми традициями. При использовании базовой типологии Хайланда, включающей только пять основных подгрупп маркеров взаимодействия, англоязычные ав-

торы демонстрируют частотность 15.7 случаев на 10,000 слов, тогда как русскоязычные – 8.9 случаев. Полученные показатели существенно ниже, чем в предыдущих исследованиях, что требует методологического объяснения.

Количественное распределение маркеров по подгруппам представлено ниже (Таблица 1):

Таблица 1.

Частотность метадискурсивных маркеров взаимодействия в англоязычных и русскоязычных статьях по компьютерной инженерии.

Метадискурсивные маркеры взаимодействия с читателем	Англоязычные статьи (на 10,000 слов)	Русскоязычные статьи (на 10,000 слов)
Директивы	6.2	3.1
Обращения к читателю	4.8	2.1
Ссылки на общие знания	3.9	3.0
Риторические вопросы	0.6	0.4
Личные отступления	0.2	0.3
Всего	15.7	8.9

Наиболее существенные различия наблюдаются в подгруппах «Директивы» (соотношение 2.0:1) и «Обращения к читателю» (соотношение 2.3:1), что может свидетельствовать о различных подходах к управлению читательским вниманием в двух языковых традициях.

Различия с результатами К. Хайланда и Ф. Цзян [13], показавшими 50-70 маркеров на 10,000 слов, объясняются методологическими причинами. Работа К. Хайланда и Ф. Цзян базировалась на полной модели метадискурса, включающей хеджи и бустеры, тогда как настоящее исследование фокусируется только на маркерах взаимодействия. Корпус упомянутых авторов охватывал различные дисциплины, включая гуманитарные науки с традиционно высоким уровнем метадискурса, в отличие от монодисциплинарного подхода данной работы. Методология подсчета также различалась: спорные случаи включались в анализ К. Хайландом и Ф. Цзян, но исключались в настоящем исследовании.

Исследование У. Барбара с соавторами [8], выявившее 35-45 маркеров на 10,000 слов в инженерном дискурсе, использовало адаптированную модель, включающую дополнительные категории технического метадискурса, такие как ссылки на математические выражения и алгоритмические процедуры. При применении аналогичных критериев к нашему корпусу показатели возрастают до сопоставимых значений: 38.2 для англоязычных и 24.6 для русскоязычных текстов. Важно отметить, что фокус на базовых подгруппах маркеров взаимодействия в нашем исследовании был осознанным методологическим выбором, позволяющим более четко выявить культур-

но-специфические различия в стратегиях прямого взаимодействия с читателем.

Проведенный анализ выявил существенные различия не только в частотности, но и в функциональной вариативности метадискурсивных маркеров. Для обеспечения систематичности анализа были отобраны наиболее частотные маркеры каждой категории с учетом их контекстуального употребления.

Директивные маркеры демонстрируют наибольшие культурные различия. В англоязычных текстах конструкция “note that” встречается в трех основных функциях: привлечение внимания к ключевому результату (45%), предупреждение об ограничениях (30%), указание на методологические особенности (25%). Например: “*It should be noted that in this single example GCC looks superior*” [20] иллюстрирует первую функцию, где директив работает как инструмент управления интерпретацией данных.

Русскоязычный функциональный эквивалент «необходимо отметить» демонстрирует иное распределение функций: констатация важного факта (60%), переход к новому аспекту анализа (25%), оговорка или уточнение (15%). Например, конструкция «*Необходимо отметить, что изменение требуемой точности практически не влияет на машинное время*» [4] представляет информацию как объективно значимую, а не как объект авторского выбора.

Обращения к читателю выявляют различия в понимании авторско-читательских отношений и стратегиях построения научной аргументации. В англоязычных текстах инклюзивное “we” выполняет различные прагматические функции в зависимости от позиции в тексте. Во введении (62% случаев инклюзивного “we”) оно устанавливает общую исследовательскую перспективу: “*In this paper, we propose a novel algorithm that leverages information coupling between multiple sensors*” [4]. Здесь “we” маркирует переход от обзора проблемной области к представлению авторского вклада, одновременно приглашая читателя стать соучастником исследовательского процесса.

В разделе «Результаты» (23% случаев) инклюзивное “we” функционирует как механизм совместной интерпретации данных: “*In the results, in Section V, we show that this multiple-model approach can indeed be used to prevent these problems*” [3]. Позиционирование в начале предложения с отсылкой к конкретному разделу создает навигационную рамку, а наречие “indeed” усиливает эффект совместного открытия – автор и читатель вместе приходят к важному выводу, подтверждающему исходную гипотезу.

В разделе «Обсуждение» (15% случаев) инклюзивное “we” часто вводит интерпретативные утверждения: “*We argue that algorithmic decision-making should be developed transparently with explicit ethical frameworks*” [21]. Глагол

“argue” трансформирует монологическое утверждение в элемент научной дискуссии, где читатель позиционируется как критически мыслящий участник, способный оценить предложенную аргументацию.

Русскоязычная традиция обращения к читателю использует инклюзивные формы без персонализации, выполняя преимущественно процедурные функции. Например: *«Рассмотрим более детально компьютерную инфраструктуру университета, включающую серверное оборудование и сетевые компоненты»* [1]. В приведенном примере используется глагольная форма первого лица множественного числа как маркер перехода к детальному анализу. Прагматически «рассмотрим» функционирует как организационный сигнал, структурирующий изложение, а не как приглашение к диалогу. Позиционирование в начале нового смыслового блока после общего описания системы создает эффект логического углубления в тему.

Анализ дистрибуции показывает, что «рассмотрим» в 76% случаев появляется в начале разделов или подразделов, маркируя переход к новому аспекту анализа. В отличие от английского “let us consider”, которое может появляться в любой позиции для создания эффекта совместного размышления, русскоязычная форма жестко привязана к структурной функции. Пример *«Далее будем полагать, что время T_0 , T определяются целым числом в форме timestamp (ts)»* [1] показывает аналогичную стратегию: инклюзивное «будем» вводит методологическое допущение как коллективно принимаемое условие, необходимое для дальнейшего изложения, без создания диалогического эффекта.

Анализ распределения маркеров по разделам статей подтвердил их неравномерное использование. Разделы «Введение» и «Обсуждение» содержат большинство выявленных маркеров (68% от общего числа в англоязычных и 71% в русскоязычных текстах), поскольку требуют привлечения читательского внимания и интерпретации результатов. Во введении преобладают ссылки на общие знания и обращения к читателю, которые устанавливают контекст исследования и создают общую платформу понимания с читателем.

Разделы «Методы» и «Результаты» демонстрируют минимальное использование маркеров взаимодействия (15% и 17% соответственно), поскольку сосредоточены на описании процедур и презентации данных. Однако даже здесь наблюдаются культурные различия. Англоязычные авторы используют директивы для навигации читателя: *“Note that the preprocessing step is crucial for algorithm performance”* [3]. Русскоязычные тексты предпочитают безличные конструкции: *«Следует учитывать, что предварительная обработка данных является критически важной»* [3].

Важно отметить, что во всех разделах статей англоязычные авторы используют маркеры взаимодействия заметно чаще русскоязычных коллег, что свидетельствует о стабильности выявленных различий между языковыми традициями. Особенно показательны различия в разделе «Обсуждение», где англоязычные авторы активно используют все типы маркеров для интерпретации результатов и их позиционирования в научном контексте, в то время как русскоязычные авторы сохраняют более сдержанный, объективистский стиль изложения.

Анализ по трем направлениям компьютерной инженерии выявил заметную внутридисциплинарную вариативность. В области алгоритмов и структур данных наблюдается наименьшее использование маркеров взаимодействия в обеих языковых традициях (12.3 и 6.8 на 10,000 слов соответственно), что объясняется высокой формализацией дискурса. Статьи по компьютерным системам и архитектурам занимают промежуточное положение (14.5 и 8.3), сочетая технический язык с необходимостью объяснения сложных взаимосвязей компонентов. Статьи по машинному обучению демонстрируют наибольшую частотность маркеров (18.9 и 11.2), что связано с междисциплинарным характером области и необходимостью более эксплицитного управления читательским восприятием при представлении сложных моделей.

Проведенное исследование метадискурсивных маркеров взаимодействия с читателем в англоязычных и русскоязычных статьях по компьютерной инженерии позволяет сформулировать следующие выводы.

Наиболее контрастными между языковыми традициями оказались две подгруппы маркеров. Обращения к читателю демонстрируют максимальное расхождение (4.8 против 2.1 на 10,000 слов, коэффициент различия 2.3), при этом качественный анализ показал принципиально разные прагматические функции: англоязычное инклюзивное “we” создает диалогическое пространство совместного исследования, тогда как русское «рассмотрим» функционирует как нейтральное процедурное указание. Директивы показывают второе по величине расхождение (6.2 против 3.1 на 10,000 слов, коэффициент 2.0) с различными стратегиями реализации: прямые императивы в англоязычной традиции против безличных модальных конструкций в русскоязычной.

Минимальные различия зафиксированы в категориях ссылок на общие знания (3.9 против 3.0 на 10,000 слов, коэффициент 1.3) и риторических вопросов (0.6 против 0.4, коэффициент 1.5), что указывает на универсальные аспекты технического научного дискурса, менее подверженные культурной вариативности. Однако даже при схожей частотности способы реализации различаются: англоязычные (“as is well known”, “it is widely accepted”) апеллируют к консенсусу научного сообщества, русскоязычные («извест-

но», «общепринято») – констатируют объективные факты.

Функциональный анализ выявил качественные различия в использовании формально эквивалентных маркеров. Англоязычное “we” в 45% случаев функционирует как инклюзивное местоимение, включающее читателя в процесс рассуждения, тогда как русскоязычное «рассмотрим» в 92% случаев выступает как нейтральное приглашение к познавательной деятельности. Директивная конструкция “note that” в англоязычных текстах преимущественно (45%) привлекает внимание к результатам, в то время как «необходимо отметить» чаще (60%) констатирует объективную значимость информации.

Функциональный анализ показал, что максимальные прагматические различия проявляются не только в частотности, но и в дистрибуции маркеров по разделам статей. Англоязычные директивы концентрируются во введении (28%) и обсуждении (41%) для эксплицитного управления интерпретацией, тогда как русскоязычные распределены более равномерно, создавая континуальный эффект объективного изложения. Обращения к читателю в англоязычных текстах формируют каркас аргументации через позиционирование в наиболее важных точках текста, в то время как русскоязычные инклюзивные формы функционируют как стандартные академические конвенции без выраженной риторической нагрузки.

Внутридисциплинарный анализ показал, что различия между языковыми традициями сохраняются во всех трех исследованных областях, но наиболее выражены в статьях по машинному обучению (18.9 против 11.2 на 10,000 слов), где междисциплинарный характер требует более эксплицитного управления читательским восприятием. Минимальное использование маркеров зафиксировано в области алгоритмов и структур данных (12.3 против 6.8), что объясняется высокой степенью формализации дискурса.

Таким образом, наиболее культурно-специфичными оказались подгруппы обращений к читателю и директивов, которые не только демонстрируют максимальные количественные расхождения, но и реализуют принципиально разные коммуникативные стратегии: диалогичность и эксплицитное управление вниманием в англоязычной традиции против монологичности и имплицитной организации в русскоязычной. Выявленные различия отражают глубинные эпистемологические установки научных культур и сохраняют устойчивость даже в условиях международной стандартизации технического дискурса.

Полученные данные указывают на сохранение культурной специфики метадискурсивных стратегий в компьютерной инженерии, несмотря на высокую степень стандартизации этой технической области. Несмотря на использование английского языка как *lingua franca* в международных публикациях и общие стандарты представления технической информации, национальные традиции научного письма сохраняют свое влияние, проявляясь не только в количественных показателях, но и в качественных особенностях, что использования маркеров.

Перспективным направлением исследования представляется разработка модели метадискурса, учитывающей специфику технической научной коммуникации и включающей безличные конструкции как полноценную категорию маркеров взаимодействия. Такая модель должна учитывать функциональную эквивалентность формально различных конструкций и включать категории, специфичные для технического научного дискурса. Интеграция количественных и качественных методов анализа с использованием методов корпусной лингвистики и дискурс-анализа позволит создать более полную картину метадискурсивных практик в технических науках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационные технологии и вычислительные системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jitcs.ru> (дата обращения: 01.06.2025).
2. Кожанов Д.А. Дискурсивные взаимодействия в англоязычном научно-популярном тексте: когнитивный и прагматический аспекты / Д.А. Кожанов // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4(107). – С. 522-525.
3. Программная инженерия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novtex.ru/prin/rus> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Программные продукты и системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.swsys.ru> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Чернявская В.Е. Научный дискурс: выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. – М.: Ленанд, 2017. – 144 с.
6. Ädel A. Metadiscourse in L1 and L2 English / A. Ädel. – Amsterdam: John Benjamins, 2006. – 243 p.
7. Ädel A. Metadiscourse: Diverse and divided perspectives / A. Ädel, A. Mauranen // Nordic Journal of English Studies. – 2010. – Vol. 9, № 2. – P. 1-11.
8. Barbara U. Exploring epistemic stance across engineering academic writing: A corpus-based study / U. Barbara, A. Afzaal, R. Aldayel // English for Specific Purposes. – 2024. – Vol. 76. – P. 112-127.
9. Crismore A. Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act / A. Crismore. – New York: Peter Lang, 1989. – 278 p.
10. Gross A.G. The Rhetoric of Science / A. G. Gross. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. – 288 p.
11. Harris Z.S. Linguistic transformations for information retrieval / Z.S. Harris // Papers on Syntax. – Dordrecht: Reidel, 1959. – P. 157-179.
12. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. – 2005. – Vol. 7, № 2. – P. 173-191.

13. Hyland K. "In this paper we suggest": Changing patterns of disciplinary metadiscourse / K. Hyland, F. Jiang // *English for Specific Purposes*. – 2018. – Vol. 51. – P. 18-30.
14. Kremer-Herman N. Blueprints for Machine Ethics: Computational Models of Moral Decision-Making / N. Kremer-Herman, M. Anderson, S. Anderson // *AI & Society*. – 2024. – Vol. 39, № 3. – P. 1205-1218.
15. Mauranen A. Discourse reflexivity – A discourse universal? The case of ELF / A. Mauranen // *Nordic Journal of English Studies*. – 2010. – Vol. 9, № 2. – P. 13-40.
16. Mauranen A. Reflexively speaking: Metadiscourse in English as a lingua franca / A. Mauranen. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2023. – 312 p.
17. Vande Kopple W.J. Some exploratory discourse on metadiscourse / W.J. Vande Kopple // *College Composition and Communication*. – 1985. – Vol. 36, № 1. – P. 82-93.
18. Vassileva I. Who is the author? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian academic discourse / I. Vassileva. – Sankt Augustin: Asgard Verlag, 2000. – 209 p.
19. Yang J. Metadiscourse in the research abstracts of an interdisciplinary field: a case study of computational linguistics / J. Yang // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2025. – Vol. 12. – Article 448.
20. IEEE Transactions on Computers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/RecentIssue.jsp?punumber=12> (дата обращения: 01.06.2025).
21. IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/RecentIssue.jsp?punumber=69> (дата обращения: 01.06.2025).
22. Journal of Systems and Software [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-systems-and-software> (дата обращения: 01.06.2025).

© Гилязева Эмма Николаевна (ENGilyazeva@kpfu.ru), Сушкова Айгуль Рафаиловна (aigulechka.92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОПУЛЯРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОНЛАЙН-ОБЩЕНИЯ СРЕДИ РОССИЙСКИХ ПОДРОСТКОВ

Го Вэйпэн

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
3531740656@qq.com

Го Вэйхэ

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
2493936703@qq.com

Карпеченкова Юлия Геннадьевна

кандидат педагогических наук, доцент, Российский
государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
karpechenkovayu@herzen.spb.ru

A POPULAR AREA OF ONLINE COMMUNICATION AMONG RUSSIAN TEENAGERS

Guo Weipeng

Guo Weihe

Yu. Karpechenkova

Summary: This scientific article is devoted to the study of popular online communication trends among Russian teenagers. The paper analyzes modern platforms and services used by young people for communication on the Internet, with an emphasis on the specific features of their use in the Russian context.

The article examines the features of online communication of Russian teenagers who grew up in the digital age. The focus is on the analysis of slang expressions used on popular platforms such as Discord and Twitch, and on the specifics of the communicative culture emerging in the online environment. It is emphasized that understanding the online language of teenagers is necessary for effective interaction with them, especially for teachers and parents. The study reveals that Discord and Twitch, originally created as gaming platforms, have turned into important social spaces for young people. Examples of slang expressions such as «katka», «fix», «noob», «tilt», etc., and their adaptation from the game context into everyday speech are analyzed. It is concluded that slang is a dynamically developing linguistic subsystem reflecting socio-cultural processes and the desire of adolescents for self-expression and belonging to a certain group.

Keywords: online communication, teenagers, the Internet, social networks, communication, youth culture, opportunities.

Аннотация: Данная научная статья посвящена исследованию популярных направлений онлайн-общения среди российских подростков. В работе анализируются современные платформы и сервисы, используемые молодежью для коммуникации в сети интернет, с акцентом на специфические особенности их применения в российском контексте.

Рассматриваются особенности онлайн-коммуникации российских подростков, выросших в эпоху цифровых технологий. Акцент сделан на анализе сленговых выражений, используемых на популярных платформах, таких как Discord и Twitch, и на специфике коммуникативной культуры, формирующейся в онлайн-среде. Подчеркивается, что понимание онлайн-языка подростков необходимо для эффективного взаимодействия с ними. Исследование выявляет, что Discord и Twitch, изначально созданные как игровые платформы, превратились в важные социальные пространства для молодежи. Анализируются примеры современных выражений, таких как «катка», «пофиксить», «нуб», «тильт» и других, и их адаптация из игрового контекста в повседневную речь. Сделан вывод о том, что сленг является динамично развивающейся языковой подсистемой, отражающей социокультурные процессы и стремление подростков к самовыражению и принадлежности к определенной группе.

Ключевые слова: онлайн-общение, подростки, интернет, социальные сети, коммуникация, молодежная культура, возможности.

Введение

Для подростков, выросших в эпоху цифровых технологий, онлайн-общение стало неотъемлемой частью повседневной жизни. [8]. Оно предоставляет уникальные возможности для социализации, самовыражения, поиска информации и развлечений. Популярность различных онлайн-платформ и социальных сетей среди российской молодежи неуклонно растет, формируя уникальную коммуникативную культуру со своими особенностями, нормами и, что особенно важно, языком.

Данная научная статья посвящена исследованию популярного направления онлайн-общения среди россий-

ских подростков, с акцентом на анализ используемых ими сленговых выражений и особенностей коммуникативной культуры.

Актуальность темы обусловлена:

1. Пониманием специфики онлайн-языка и культуры подростков, что позволяет более эффективно выстраивать коммуникацию с ними.
2. Изучение сленга как динамично развивающейся языковой подсистемы дает ценную информацию о социокультурных процессах, происходящих в обществе.

В рамках исследования будут рассмотрены как линг-

вистические, так и социокультурные аспекты онлайн-коммуникации, что позволит сформировать целостное представление о данном феномене.

Отличительные особенности общения подростков в эпоху цифровизации

Речевые обороты, используемые в повседневном общении, зачастую претерпевают изменения, обретают новые смыслы и дополнительные коннотации, порождая уникальный молодежный жаргон. Термин «сленг» имеет несколько интерпретаций: во-первых, это ненормативная лексика; во-вторых, слова и выражения, преимущественно используемые в устной речи; и в-третьих, эмоционально окрашенные речевые единицы. Характерными чертами сленга являются ярко выраженная непринужденность, преобладающая в большинстве слов и фраз, укороченные формы и видоизменения лексем, активное заимствование иностранных слов, которые обычно адаптируются к языковой среде, а также намеренное искажение слов.

Молодежный сленг включает в себя элементы слова, позволяющие индивиду идентифицировать себя с определенными социальными группами или сообществами. [9]. Действительно, анализ подростковой речи показывает, что многие слова обладают эмоциональной окраской и экспрессивностью (например, «ору», «рофлю», обозначающее «смешно» или «прикалываюсь»), имеют ограниченное употребление, зачастую непонятны для посторонних («краш», «всем пт», «бб», означающие «нравится», «привет» и «пока»), а также носят фамильярный характер (например, «дратути» вместо «здравствуйте» и «бай-бай» вместо «до свидания»). Эти особенности подросткового сленга объясняются анонимностью и неформальным стилем общения, присущими интернет-коммуникации.

Широкое распространение получили различного рода сокращения (усечения слов), такие как «здр» вместо «здорово», «норм» вместо «нормально», «жиза» – «жизнь», «ща» вместо «сейчас», а также аббревиатуры, например, «сн» вместо «спокойной ночи», «мб» вместо «может быть» и другие. Важно отметить, что подобные явления редко встречаются во взрослой коммуникации (за исключением общепринятых «ок», «ps» и т.д.). Жаргонные выражения «споки» и «споки-ноки» происходят от «спокойной ночи», «тож» – от «тоже», «пож» – от «пожалуйста», «крч» – от «короче». Для экономии времени подросткам удобнее напечатать «прив» (четыре символа) вместо «привет» (шесть символов). [2].

Как видно из приведенных примеров, многие слова подросткового сленга имеют несколько вариантов. Искажения особенно распространены в подростковой речи. Они придают дополнительные смысловые оттенки обыденным разговорным словам и не требуют от гово-

рящего особой креативности. Примерами жаргонной речи являются такие лексемы и выражения, как «кАнешна», «ващет», «даров», «талан», «дауай», «та ты се». Стоит отметить, что в первую очередь трансформации подвергаются слова родного языка (в данном случае русского). В основном искажения представляют собой фонетическую транскрипцию, сохраняющую интонацию и эмоциональную окраску говорящего. [1].

Также вместо текстового ответа часто ставят просто «лайк», «лайкос» или иные реакции, эмодзи, ставшие неотъемлемым стилистическим, графическим и семиотическим атрибутом социальных сетей.

Несомненно, создание и применение конструкций, построенных по типу азбуки («Б – белка», «Г – город»), представляет собой один из наиболее интересных аспектов подросткового общения. К примеру, при наблюдении за ссорой мамы и ребенка, подросток может иронично заметить: «П –поддержка». Подобный комментарий, хоть и противоречит разворачивающимся событиям, тем не менее, связан с ними и служит своеобразной иллюстрацией. Комический эффект достигается за счет противопоставления, трансформируя негативное в забавное. Подобных случаев существует огромное множество, и данная схема высмеивания конфликтных ситуаций отличается высокой эффективностью. Подростки активно используют эти конструкции для комментирования не только виртуальных споров, но и событий, происходящих в реальной жизни.

Таким образом, подростковый сленг представляет собой уникальный феномен живого, развивающегося русского языка со своими характерными особенностями, представляющий значительный интерес для исследований.

Что из себя представляют платформы Discord и Twitch, и какие выражения появились на данных игровых сервисах?

Безусловно, на данный момент большинство подростков проводят свободное время на различных игровых платформах, поэтому разберем наиболее популярные сервисы для игр.

Discord, запущенный в 2015 году, сразу же завоевал популярность среди геймеров. Приложение позволяет беспрепятственно общаться во время онлайн-игр, избавляя от необходимости постоянно включать и выключать микрофон или камеру. Подростки также пользуются им для общения в режиме реального времени, предпочитая его текстовым или голосовым сообщениям. Огромное количество подростков используют Discord для общения на локальных серверах с ограниченным доступом. Зачастую такие чаты используются для мгно-

венной координации во время онлайн-игр, таких как Dota 2 или CS: GO. [10].

Twitch перерос рамки простой площадки для трансляций игр, превратившись в уникальное культурное явление. Миллионы пользователей со всего света ежедневно собираются здесь не только для просмотра игрового процесса, но и для участия в творческих начинаниях, общения и даже получения дохода. [7]. Сегодня Twitch – это не только про игры. Раздел Just Chatting, где люди делятся советами или просто общаются со зрителями, стал одним из самых популярных на платформе. [3].

Что касательно наиболее популярного направления, а именно стримов, то у геймеров также существуют собственные выражения, которые представляют из себя различного рода сокращения или заимствованные зарубежные выражения. Разберем их более подробно:

«Катка» – данное слово теперь используется не только в стримах, но и адаптирована в нашу жизнь, подразумевая, что очень просто, легкая победа – «изи катка».

«Пофиксить» – также от английского глагола «Fix», что значит починить или исправить, например, ошибку или, что касательно игры, то устранить баг.

«Бот/ботиха» – персонаж в игре, которым управляет сам компьютер. Он не отличается феноменальными способностями и интеллектом. Собственно, в жизни применяется к глупы, ничего не умеющим людям. Аналогом является иное сленговое выражение «нулевой чел».

«Нуб» – новичок в игре. В реальной же жизни используется для описания человека с низким уровнем владения какого-либо навыка, можно сказать, что зумерский аналог выражения – «Лузер».

«Имба» — выражение, обозначающее чрезмерно сильного персонажа, оружие или умение, дающее необоснованное преимущество. В обычной речи, особенно среди молодежи, «имба» означает что-то невероятно классное, мощное и превосходящее ожидания.

«GG» (good game - «хорошая игра») – в виртуальном пространстве эта фраза произносится после завершения поединка, когда один игрок выражает признательность противнику и желает ему удачи. В повседневной реальности, напротив, данное выражение приобретает отрицательный оттенок, обозначая безвыходное положение, в котором оказался человек.

«Перс – (персонаж)». Виртуальный игрок, которым управляет человек, в игре. В реальной жизни так иногда

называют человека.

«Читер» – это игрок, прибегающий к помощи запрещенных программ, чтобы получить незаслуженное преимущество в игре. Вне игрового контекста этим словом могут назвать человека, практикующего нечестные методы или обман по отношению к окружающим.

«Тилт» – состояние, когда игрок, под влиянием отрицательных эмоций, например, после поражения, начинает играть значительно хуже и совершает много ошибок. В обычной жизни термин описывает ситуацию, когда человек, находясь в неадекватном состоянии, совершает поступки, которые ему обычно не свойственны, зачастую с негативными последствиями.

Discord и Twitch, изначально созданные для геймеров, превратились в многофункциональные платформы для общения, самовыражения и даже заработка. [5]. Игровой сленг, проникая в повседневную речь, отражает адаптацию молодежи к цифровой среде и свидетельствует о формировании уникальной субкультуры. Дальнейшие исследования в этой области могли бы сосредоточиться на изучении влияния онлайн-коммуникации на социальные навыки и психологическое благополучие подростков, а также на выявлении потенциальных рисков, связанных с использованием цифровых платформ. [6].

Заключение

В заключение, проведенное исследование позволило выявить ключевые характеристики популярного направления онлайн-общения среди российских подростков, акцентируя внимание на использовании сленговых выражений.

Использование специфических выражений в онлайн-общении отражает стремление подростков к самовыражению, принадлежности к определенной группе и отделению от мира взрослых. [4]. Выявленные сленговые выражения демонстрируют динамичность языка, его способность адаптироваться к изменяющимся социальным и культурным контекстам. Культура онлайн-общения, характеризующаяся использованием эмодзи и специфических форматов взаимодействия, создает уникальное пространство, в котором подростки осваивают навыки невербальной коммуникации и развивают креативность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров А.А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. 1. С. 228—251.
2. Жуина Д.В., Жуина А.И. Особенности виртуального общения подростков в соцсетях и его влияние на их общение в реальной жизни // Российский педагогический и психологический журнал. 2017. 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnogo-obscheniya-podrostkov-v-sotssetyah-i-ego-vliyaniye-na-ih-obschenie-v-realnoy-zhizni> (дата обращения: 03.06.2025).

3. Медведев Д.В., Никитин В.А. Предпочтения пользователей стриминговых платформ среди молодежной аудитории // Вестник ГУУ. 2023. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predpochteniya-polzovateley-strimingovyh-platform-sredi-molodezhnoy-auditorii> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Морозова А.А. Мультимедийные возможности социальной сети // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. 1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynye-vozmozhnosti-sotsialnoy-seti> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Нечаева, Т. А. Analysis of social networks in Russia among students. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — 20 (415). — С. 652-657. — URL: <https://moluch.ru/archive/415/91579/> (дата обращения: 01.06.2025).
6. Разуваева Т.Н. Интернет-коммуникации подростков: психологический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2019. 63-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommunikatsii-podrostkov-psihologicheskiy-aspekt> (дата обращения: 04.06.2025).
7. Рыжова Е.А. Использование подростками ресурсов социальных сетей // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. 33-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-podrostkami-resursov-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 03.06.2025).
8. Серый А.В., Паршинцева А.С. К проблеме формирования зависимости от социальных сетей у школьников подросткового возраста // Проблемы педагогики. 2016. 9 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-formirovaniya-zavisimosti-ot-sotsialnyh-setey-u-shkolnikov-podrostkovogo-vozrasta> (дата обращения: 01.06.2025).
9. Шматко М.В. Влияние социальных сетей на коммуникативные навыки подростков // Гуманитарные научные исследования. 2016. 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2016/12/18054> (дата обращения: 03.06.2025).
10. Хуснутдинова М.Р., Посакалова Т.А., Шепелева Е.А., Токарчук Ю.А. Коммуникация подростков в социальных сетях: новые возможности // СПЖ. 2023. 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-podrostkov-v-sotsialnyh-setyah-novye-vozmozhnosti> (дата обращения: 01.06.2025).

© Го Вэйпэн (3531740656@qq.com), Го Вэйхэ (2493936703@qq.com),
Карпеченкова Юлия Геннадьевна (karpechenkovayu@herzen.spb.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНГЛИЙСКИЕ ЛЕКСЕМЫ "SWEET" / "SUGAR" / "HONEY" И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ПОПЫТКА СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Елизарова Маргарита Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, Государственный
университет просвещения (г. Москва)
ma.nerovnaya@guppros.ru

ENGLISH LEXEMES "SWEET" / "SUGAR" / "HONEY" AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN: AN ATTEMPT AT SEMASIOLOGICAL ANALYSIS

M. Elizarova

Summary: The article examines the features of the semantic structure of the lexemes which represent the concept of sweetness. Based on the analysis of dictionary definitions, the author studies semantic characteristics of the English lexemes "sweet", "sugar", "honey" in comparison with the same Russian lexemes. At the next stage of the research, translation analysis of the lexemes from the novel "Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe" written by F. Flagg is performed. The complex methodology of the article includes: the analysis of dictionary definitions, semasiological analysis and the comparative method. The study shows that the views on the concept of sweetness mostly coincide in the English and Russian linguistic cultures. The revealed differences between lexemes appear mainly on the connotative level. At this level substitution as a translation technique is needed.

Keywords: semasiological analysis, the English lexemes "sweet", "sugar", "honey", "Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe" by F. Flagg, lexical and semantic substitutions.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются особенности семантической структуры лексем, репрезентирующих концепт «сладость». На основе словарных дефиниций изучаются семантические характеристики английских лексем "sweet", "sugar" и "honey" в сопоставлении с соответствующими русскими лексемами. На последующем этапе исследования представлен переводческий анализ, выполненный на материале романа американского автора Ф. Флэгг "Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe". Методология представленного исследования основана на комплексном подходе, который включает в себя анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод. Исследование констатирует, что представления о концепте «сладость» в английской и русской лингвокультурах в основном совпадают. Выявленные различия между лексемами появляются преимущественно на коннотативном уровне. В процессе межкультурной передачи именно на этом уровне отмечается потребность в реализации стратегии замены.

Ключевые слова: семасиологический анализ, английские лексемы "sweet", "sugar", "honey", роман Ф. Флэгг «Жареные зеленые помидоры в кафе «Полустанок»», лексико-семантические замены.

Введение

Семантическое наполнение языковой единицы представляет собой сложное единство смысловых элементов. К основным понятиям, которые используются в настоящей статье, относятся: *сема*, *семема* и *лексема*. Рассмотрим эти термины. Ключевую роль в формировании значения лексической единицы играет сема, которая является минимальной единицей семантического анализа и составляет отдельное значение лексической единицы – семемы. Сема также выполняет функцию интеграции и дифференциации отдельных семем. Лингвисты полагают, что семемы обладают когнитивным характером, представляют в речи отдельные когнитивные признаки и формируют содержание концепта [Маклакова, 2014]. Лексема является структурным элементом языка и представляет собой материальную или физическую «оболочку» слова. Разработанная методика выявления сем в лингвистике называется компонентным анализом [Стернин, Соломатина, 2011], родоначальниками которого принято считать американских лингвистов Ф. Лаун-

сбери и У. Гуденафа [Урманчеева, 2023, с. 185].

Актуальность проведения семасиологического анализа связана с несколькими ключевыми факторами: 1) исследования в этой области позволяют повысить точность в фиксации значения лексем и их семантической дифференциации; 2) в лексикографической практике сохраняется потребность в повышении степени унифицированности толкования слов; 3) семасиологический анализ дает возможность исследовать процессы формирования картины мира, что безусловно важно в контексте перевода и межкультурной интерференции.

Отметим также, что изучение семасиологии способствует углублению понимания лексических различий в сопоставляемых языках, решает проблемы полисемии, а также увеличивает потенциал учета лингвокультурного контекста в процессе перевода.

Целью настоящего исследования является изучение английских лексем "sweet" / "sugar" / "honey" в сопоставле-

нии с соответствующими русскими словами. Для достижения указанной цели потребовалось решить ряд задач: 1) выявить и сравнить набор семем, входящих в лексемы "sweet", "sugar" и "honey" в русском и английском языках; 2) исследовать особенности межъязыковой передачи указанных лексических единиц; 3) определить возможные русскоязычные соответствия на различных уровнях значения. Материал исследования составили англоязычные и русскоязычные толковые словари, а также роман Ф. Флэгг «Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe», содержащий значительное количество примеров употребления изучаемых лексем.

Научная новизна представленной статьи заключается в проведении комплексного изучения английских лексем "sweet" / "sugar" / "honey" и их русских эквивалентов на материале романа Ф. Флэгг. В исследовании учитываются коннотативные и денотативные аспекты значения, а также специфика употребления лексем в художественном тексте. Анализ семантем способствует детализации смысловых особенностей лексем "sweet", "sugar" и "honey" в двух языках, а также позволяет оптимизировать процесс перевода, что обуславливает возможность использования результатов исследования в лексикографической практике и переводческой деятельности.

Основные результаты

Известно, что лексемы имеют два типа значений – денотативное и коннотативное. Денотативное значение является «прямым», то есть представляет собой непосредственное наименование предмета. Для таких значений вслед за И.А. Стерниным, М.С. Саломатиной и некоторыми другими учеными, которые занимались исследованиями в области семасиологии, мы используем символы D1 и D2 / D1 и D2 [Стернин, Саломатина, 2011]. Коннотативное значение связано с денотатом опосредованно. В него добавляются смыслы, развитые на основе ассоциативно-образных представлений. Коннотативные значения, в которых сохраняется связь с денотатом, называют мотивированными. На основании существующих знаков такие значения в рамках статьи выделяются символами C1 / K1. Существуют также и немотивированные значения. Их связь с денотатом не очевидна, стерта или уже забыта. Для подобных коннотаций используются символы C2 / K2. Рассматривая состав семем одной и той же лексемы в разных языках, можно получить полный их набор – семантему.

Мы привели базовые для последующего анализа обозначения. Теперь перейдем к изложению результатов исследования. Для начала рассмотрим набор семем, входящих в лексемы "sweet" и «сладкий»: 1) **sweet**: D11 – tasting like sugar; D21 – a small piece of sweet food made with sugar; D22 – a sweet food that you eat at the end of a meal; C11 – pleasant in smell, sound, or appearance; C12 –

kind, gentle, or nice to other people; C13 – used for talking to someone you love [Collins Compact Dictionary..., 2009; Macmillan English Dictionary..., 2007]; 2) **сладкий**: D11 – имеющий вкус, свойственный сахару или меду; D21 – десерт, третье блюдо; K11 – приятный, доставляющий удовольствие; K21 – льстивый, лицемерный [Ожегов, Шведова, 1999; Ушаков, 2014].

Лексемы "sweet" и «сладкий» эквивалентны по семемам D1 / D1 (описание вкусового качества – сладкий на вкус) и D2 / D2 (субстантивированное прилагательное «сладкое» – еда на десерт). Тем не менее обнаруживаются различия в коннотативных значениях. В английском языке слово "sweet" относится не только к запаху и вкусу, но также может использоваться для положительной характеристики личности в значении C1. В связи с тем, что в русском языке подобного смысла не обнаружено, можно предположить, что в межъязыковой передаче в таких случаях потребуется лексико-семантическая замена.

В романе "Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe", который выбран для анализа особенностей перевода изучаемых лексем, слово «sweet» мы встретили 51 раз, включая сложносоставные номинации, такие как *sweet-looking*, *sweet-to-the-bone*, *sweet-smelling* (однако в расчёт не брались существительные *sweetheart* и *sweetness*). Зафиксировано 9 различных соответствий для передачи лексемы *sweet* в значениях C1 (описание внешности и характера персонажей): *милая*, *миловидная*, *симпатичная*, *славная*, *дорогой*, *добрый*, *прелестный*, *замечательный*, *хороший*. Отметим, что валентность указанных прилагательных позволяет им сочетаться с именами существительными, маркированными как категорией женского рода, так и категорией мужского рода. Рассмотрим некоторые фрагменты из текста оригинала с переводом:

"And she'd personally see to it that all the sweet men and daddies, who had worked so hard, would each receive a trip to Hawaii ...>" [Flagg, 2012, p. 304]. / «И ещё она лично проследит, чтобы все хорошие мужья и отцы семейства, вкалывающие день и ночь, ездили бесплатно на Гавайи» [Флэгг, 2023, с. 255].

"As sweet as she was, Onzell could be tough" [Flagg, 2012, p. 356]. / «Онзелла хоть и доброй была, но с характером» [Флэгг, 2023, с. 296].

"And the colored people on the TV now are not near as sweet as they used to be" [Flagg, 2012, p. 314]. / «И цветные по телевизору сейчас не такие славные, как раньше» [Флэгг, 2023, с. 264].

"His mother had said, whenever she was down, that just the thought of her sweet Jesus could always make her spirits rise" [Flagg, 2012, p. 287]. / «Его мать как-то сказала, что, когда у неё дурное настроение, ей достаточно подумать о дорогом Иисусе, чтобы воспрянуть духом» [Флэгг, 2023, с. 240].

Предположение о необходимости использовать за-

мену в переводе в случае применения в английском языке значения С1 подтверждается. Во всех обнаруженных примерах, где «sweet» используется для характеристики людей, Д.В. Крупская применяет замену. В подобных ситуациях от переводчика требуется поиск слова, не являющегося прямым эквивалентом исходной лексической единицы. Вероятно, что выбор приходится делать, учитывая контекст, стилистические свойства текста оригинала, а также оценочные коннотации, поэтому, как правило, мы говорим об окказиональной замене. Зачастую, имея дело со словом “sweet”, Д.В. Крупская использует прием конкретизации, то есть вместо лексической единицы с широким значением в языке перевода подбирается слово с более узким предметно-логическим значением (например, “sweet” – «добрый»). Этот прием способствует достижению большей семантической точности при передаче текста, позволяя эксплицировать нюансы смысла.

Примечательно, что прилагательное “sweet” / «сладкий» используется также и для характеристики звукового восприятия, например в словосочетаниях с денотатами «голос», «речь» или «звук». При этом в русском языке в значении К21 отмечается появление коннотации с «затертой» мотивировкой – «сладкие речи» или лицемерные, льстивые речи, которые обычно произносят с целью обмана или убеждения. В этом случае прилагательное «сладкий» является отрицательно маркированным. Отметим, что в английском языке такого значения обнаружено не было, соответственно, при передаче английской фразы “sweet voice” на русский язык далеко не всегда уместен калькированный перевод. Рассмотрим пример из романа:

“*Momma cleared her throat and said in a sweet voice*” ...» [Flagg, 2012, p. 116]. / «*Мама кашлянула и мягко сказала* ...»» [Флэгг, 2023, с. 97].

Небольшой фрагмент, который мы представили для демонстрации сказанного, иллюстрирует расхождение в частях речи: произведена замена английского имени прилагательного “sweet” и имени собственного “voice” на русское наречие «мягко». Хотя замены на морфологическом уровне приводят к перестройке синтаксической структуры высказывания, преобразование, показанное в примере, выполнено без ущерба для смысла. Применение замены здесь обусловлено расхождениями в нормах лексической сочетаемости и различной семантикой, ведь русское выражение «говорить сладким голосом / голоском» применимо также и в контексте с негативной маркировкой. Что касается звукового восприятия, то в тексте перевода встречаются и другие соответствия к слову *sweet*, например *говорить мягко, приветливо, ласково, добрым голосом*.

Вместе с тем лексема *sweet* иногда приобретает метафорическое значение. Так, в романе мы встретили

sweet air of freedom / сладкий воздух свободы, *sweet rivers* / сладкие реки, *the blacker the berry, the sweeter the juice* / чем чернее ягода, тем слаще сок (о женщине) и другие. В подобных примерах лексема “sweet” в переводе чаще всего сохраняется. Отметим, что использование образных сравнений в художественном тексте способствует передаче авторской модальности, то есть с их помощью раскрывается отношение рассказчика к событиям и героям повествования [Строганова, 2016, с. 223].

Перейдем к следующему этапу исследования и рассмотрим набор сем в английской лексеме “sugar” и в русской лексеме «сахар», а также приведем составленные в ходе исследования семантемы: 1) **sugar**: D11 – a sweet substance consisting of very small white or brown pieces that is added to food or drinks to make them taste sweet; D21 – to add sugar to something, or to cover something with sugar; D22 – one of a group of sweet substances contained in plants, for example fructose or glucose; D23 – the amount of sugar that is contained in a teaspoon; C11 – try to make something seem less unpleasant than it is used for; C12 – talking to someone who you like or love [Collins Compact Dictionary..., 2009; Macmillan English Dictionary..., 2007]; 2) **сахар**: D11 – кристаллическое питательное белое сладкое вещество, получаемое из сахарной свеклы или из сахарного тростника; D21 – название некоторых органических соединений из группы углеводов; K11 – (не сахар) о неприятном, трудном [Ожегов, Шведова, 1999; Ушаков, 2014].

В обеих языковых системах, английской и русской, лексические единицы “sugar” и «сахар» обладают базовым семантическим компонентом, определяющим их связь со вкусовыми качествами. Однако из дефиниций D21 и C11 видно, что лексема «sugar» способна выступать также и в форме глагола. В целом конверсионный способ словообразования, при котором языковая единица принадлежит к разным грамматическим категориям, совпадая по форме, характерен для английского языка. В качестве варианта перевода здесь можно использовать глагол «сахарить», однако, как нам кажется, оно не является широко употребляемым и подходит скорее для разговорного стиля. В русском языке имеется другое, нейтральное по эмоциональной окраске слово – «сладить», которое можно использовать для передачи действия. Усложняет процесс перевода еще и тот факт, что в английском языке глагол “sugar” иногда используется в метафорическом переносе в значении C11, например в идиоме “sugar the pill” / «подсластить пилюлю», то есть сгладить плохую новость чем-то хорошим.

В романе “Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe” лексема “sugar” фигурирует 14 раз в денотативном значении D11 и 6 раз в коннотативном значении K11. Здесь важно отметить, что других сем в тексте романа не обнаружено. В переводе значения D11 не выявлено

трудностей, поскольку эквивалентность здесь устанавливается в «пределах денотативной функции» [Тарасова, 2024, с. 245]. Почти во всех примерах используется одно и то же русскоязычное соответствие – «сахар». Лишь в передаче одного из рецептов Д.В. Крупская применяет метод модуляции значения, при котором “sugar” становится «подслащенной водой».

А вот коннотативное значение K11 заслуживает пристального внимания. Как отмечалось ранее, лексическая единица “sugar” способна преобразоваться, становясь не просто обозначением сладости, но и именем персонажа. В ходе исследования мы отметили, что антропонимическое слово “sugar” в межкультурной передаче требует подбора лексической замены. Мы не стали рассматривать вариант перевода с уменьшительно-ласкательным суффиксом – «сахарок», так как решили, что подобное наименование подходит скорее для клички. Ниже рассмотрим примеры из анализируемого произведения.

“Oh sugar, things ain’t be all that bad” [Flagg, 2012, p. 87]. / «Ну, милочка, неужели все так плохо» [Флэгг, 2023, с. 73]?

“Now, sugar, I don’t know who you’re crying over...” [Flagg, 2012, p. 127]. / «Детка, я не знаю, кого ты так оплакиваешь...» [Флэгг, 2023, с. 108].

“You jus’ stay put right here, sugar” [Flagg, 2012, p. 115]. / «Сладкая вы моя, подождите здесь, потерпите» [Флэгг, 2023, с. 335].

“Come on in, sugar ...» [Flagg, 2012, p. 115]. / «Заходи, мой сладкий, заходи» [Флэгг, 2023, с. 281].

В приведенных фрагментах “sugar” представляет собой форму обращения к приятному для говорящего лицу. Гендерная детерминированность здесь отсутствует, поэтому слово может применяться как по отношению к женщине, так и по отношению к мужчине (мой сладкий / моя сладкая, милочка / милый и т.д.). Тем не менее стоит уточнить, что такие антропонимы имеют фамильярно-ласковый, дружеский характер, поэтому используются они в основном в непринужденной обстановке, например в домашнем кругу или со знакомыми. «Сладкие антропонимы» можно часто услышать между людьми противоположного пола, а также при обращении к лицу младше говорящего.

В романе “Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe”, как показало исследование, форма обращения “sugar” переводится посредством следующих соответствий: *милочка, детка, сладкая вы моя, милая, милая вы моя, мой сладкий*. Добавим, что все перечисленные лексические единицы генерализированы одной семей – «приятный». Самым часто употребляемым словом в русском переводе становится «милая» или «милочка», при этом обычно соответствия используются вместе с притяжательным местоимением «мой» или «моя». Всего один раз Д.В. Крупская переводит лексему “sugar” при помощи замены на слово «детка». Обращение «детка» стоит ис-

пользовать в тексте перевода с особой осторожностью, ведь оно не всегда уместно, и может носить пренебрежительный или даже оскорбительный тон. Стоит добавить, что имя в подобных случаях представляет собой «социокультурную единицу», выполняющую различные функции [Абрамова, 2020, с. 95]. Например, между мало-знакомыми людьми антропоним “sugar” обычно употребляется в качестве ласкового обращения к младшему по возрасту человеку. В анализируемом романе Д.В. Крупская использует слово «детка» в диалоге девушек, старшая из которых пытается успокоить младшую сестру своего друга, поэтому обращение звучит уместно.

В целом в английской языковой культуре прослеживается устойчивая тенденция к использованию лексем, семантически относящихся к категории «сладость», в качестве выражения адресации. Этот феномен проявляется и в употреблении существительного “honey”. Отсутствие в русском языке прямых лексико-семантических эквивалентов обуславливает вариативность переводческих решений.

Далее рассмотрим набор сем, входящих в лексемы “honey” и «мёд»: 1) **honey**: D11 – a sweet, sticky yellow or brown food made by bees; C11 – used for talking to someone who you care about; C12 – something excellent [Collins Compact Dictionary..., 2009; Macmillan English Dictionary..., 2007]; 2) **мёд**: D11 – сладкое, густое вещество, вырабатываемое пчелами из нектара; D21 – старинный, легкий, хмельной напиток; K11 – (не мёд) о трудном или неприятном [Ожегов, Шведова, 1999; Ушаков, 2014].

С точки зрения денотативного значения лексема “honey” и соответствующая ей лексема «мёд» демонстрируют схожесть. Обе лексемы обозначают сладкий продукт, вырабатываемый пчелами и употребляемый в пищу. Тем не менее в коннотативном значении имеется ряд отличий. Во-первых, мёд в русской лингвокультуре может означать хмельной напиток. Такой смысл, например, фиксируется во фразеологизмах «*вашими бы устами да мёд пить*» [Мокиенко, 2010, с. 690], «*лучше пить воду в радости, чем мёд в кручине*» [Зимин, 1994, с. 99], «*либо мёд пить, либо битую бит*» (о риске) [Мокиенко, 2010, с. 392]. Хотя сейчас подобные напитки малоизвестны, на Руси имелось обилие различных хмельных напитков, приготовленных на основе мёда: медовуха, братчина, воронок, звар, кислушка и другие [Герасименко, 2024, с. 132]. В целом считается, что в славянской культуре мёд символизирует изобилие и процветание в жизни [Герасименко, 2024, с. 131]. Также в русском языке в значении K11 «мёд» может употребляться в речи о тяготах и невзгодах – трудная жизнь, жизнь – «не мёд» [Мокиенко, 2010, с. 392].

Отметим, что в английской языковой культуре наблюдается тенденция к акцентуации положительных конно-

таций, присущих понятию «honey». Лексема “honey” представляет концепт позитивного и привлекательного явления в значении C12, а в значении C11, как и в случае с другими анализируемыми лексемами, слово “honey” становится вокативом. Положительные ассоциации, связанные с гастрономической категорией «сладость», переносятся на адресата, сигнализируя о теплых чувствах говорящего. Распространенность употребления лексической единицы “honey” в качестве ласкового обращения к человеку находит свое подтверждение и в изучаемом произведении. В тексте романа Ф. Флэгг “Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe” слово “honey” используется 120 раз, из них 93 случая употребления представляют собой антропонимические обращения, которые относятся к значению C11. Примечательно, что вокатив “honey” в основном используется в речи героев женского пола. Рассмотрим несколько коротких фрагментов из романа:

“<...sit here and wait now, honey, it's gonna be all” [Flagg, 2012, p. 137]. / «Посидите тут и подождите, милая, все будет хорошо» [Флэгг, 2023, с. 116].

“What's the matter, honey? What happened” [Flagg, 2012, p. 149]? / «Мальчик мой, что случилось? Что с тобой» [Флэгг, 2023, с. 125]?

“Now honey, you have to forget all about it” [Flagg, 2012, p. 241]. / «Тебе, дорогуша, нужно забыть обо всем этом, и как можно скорее» [Флэгг, 2023, с. 203].

Таким образом, “honey” может использоваться для выражения симпатии, заботы или утешения. Во многих обнаруженных контекстах романа, включая приведенные выше, обращение имеет покровительственный тон. Подразумевается, что тот, кто использует это обращение, занимает более высокое положение или же обладает большей мудростью. Употребление вокативного слова “honey” создает родительский или поучительный тон. При этом стоит сказать, что возрастных особенностей употребления обращения не удалось обнаружить. Проведенный переводческий анализ позволяет утверждать, что для передачи исходного англоязычного вокатива от переводчика требуется использование стратегии замены. Среди вариантов замены, применяемых Д. В. Крупской, удалось выделить следующие: *милочка, милая, милый, мальчик мой, детка, дорогуша, дорогая*. Несмотря на кажущуюся простоту, передача антропонимического обращения представляет определенные сложности, связанные в основном с интерпретацией стилистического оттенка и эмоциональной нагрузки высказывания. Хотя в большинстве случаев правильно подобранная замена помогает избежать стилистического искажения. Добавим, что в романе выявлены также единичные случаи нулевого перевода, то есть полное опущение лексемы. Данная стратегия используется в тех ситуациях, когда сохранение слова не является критически важным, но его использование в тексте перевода может привести к синтаксическому «диссонансу» и неестественности в по-

строении предложения.

Заключение

В рамках настоящего исследования проведен анализ комплекса семантических компонентов, составляющих значения лексем “sweet”, “sugar” и “honey” в русском и английском языках. На основании словарных дефиниций выявлено и проанализировано 25 семем. В ходе исследования стало понятно, что предметное, т. е. денотативное значение лексем обнаруживает сходство, а основные смысловые различия относятся к коннотативному уровню. Отмечено, что в английском языке всем трем лексемам свойственна функция положительной характеристики личности. Отсутствие гендерной детерминированности позволяет использовать эти лексемы для обозначения лиц любого пола. В русском языке подобного употребления зафиксировано не было. В ходе изучения словарных дефиниций в русских толковых словарях выявлено одно значение, имеющее неочевидную мотивировку, – «сладкие речи». Выражение, как правило, имеет негативную коннотацию, поскольку используется для обозначения лицемерного и лстивого тона. Также в русском языке отмечено дополнительное значение, в котором мёд ассоциируется с хмельным напитком. Отсутствие двух последних определений в английских толковых словарях дает основание предполагать национальное своеобразие этих семем. В ходе анализа романа Ф. Флэгг “Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe” удалось обнаружить 191 пример контекстуального употребления лексем “sweet”, “sugar” и “honey”. Примечательно, что наиболее частотной лексемой является “honey” (проанализировано 93 фрагмента). Основные трудности в процессе межъязыковой передачи лексем обусловлены коннотативной спецификой. В частности, различия на уровнях K1 и K2, как нам удалось заметить, приводят к заменам в переводе. Переводчик применяет их в том случае, когда значения слов в языке оригинала и языке перевода не совпадают совсем или совпадают частично. В ходе анализа отмечены разные виды лексико-семантических замен, например, проанализированы фрагменты с модуляцией, генерализацией и конкретизацией. В процессе работы выявлен ряд компаративных конструкций с использованием изучаемых лексем. Установлено, что в таких случаях анализируемые лексические единицы в тексте перевода сохраняются. Вместе с тем в некоторых примерах встречается «нулевой» перевод, т. е. переводчик игнорирует лексему в тексте оригинала и полностью «опускает» ее. Мы не сторонники опущения в переводе, однако считаем этот метод приемлемым при наличии объективных обстоятельств. Зафиксированы случаи использования анализируемых единиц в метафоричном контексте. В подобных примерах слова “sweet” / “sugar” / “honey” сохраняются в целевом языке. Это свидетельствует о стремлении переводчика передать не только смысловую нагрузку лексем, но и их эмоциональную

окраску, что является важным показателем качественно выполненного перевода.

В заключение приведем некоторые возможные варианты передачи английских лексем *"sweet"*, *"sugar"* и *"honey"*, которые удалось выявить в процессе изучения перевода романа: 1) *"sweet"*: D1 – сладкий, сахарный; D2 –

сладости; C1 – милый, милая, славный, славная, мило-видная, симпатичная, дорогой, добрый, прелестный, замечательный, хороший, душистый; 2) *"sugar"*: D1 – сахар, сахарный; C1 – милочка, милая, милый, сладкая (моя), сладкий (мой), детка; 3) *"honey"*: D1 – мед, медовый; C1 – милочка, милая, милый, мальчик мой, детка, дорогуша, дорогая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Е.И. Газельские антропонимы в английском социально-культурном контексте / Е.И. Абрамова // Проблемы и перспективы развития современной гуманитаристики: лингвистика, методика преподавания, культурология: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 декабря 2019 года / Редколлегия: Е.И. Абрамова (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Московский государственный областной университет, 2020. С. 94-100.
2. Герасименко И.Е. Номинации меда как хмельного напитка в «Пчеловодческом словаре» А.Н. Карпова / И.Е. Герасименко // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание, 2024. № 4(20). С. 128-138.
3. Зимин В.И., Ашурова С.Д. Русские пословицы и поговорки: учебный словарь. М.: Школа-Пресс, 1994. 320 с.
4. Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е.А. Маклакова. Воронеж, 2014. 367 с.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 784 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки», 2011. 150 с.
8. Строганова Т.В. Структурные и семантические параметры повтора в романе Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» / Т.В. Строганова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2016. № 3. С. 220-228.
9. Тарасова О.Д. Особенности межъязыковой передачи одорической лексики (на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер» и его переводов на английский и русский языки) / О.Д. Тарасова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2024. № 12-2. С. 244-250.
10. Урманчеева И.С. Компонентный анализ и методика его проведения на занятиях по лексикологии в вузе / И.С. Урманчеева // Человек. Культура. Образование, 2023. № 4(50). С. 183-199.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков – М.: «Аделант», 2014. 800 с.
12. Флэгг Ф. Жареные зеленые помидоры в кафе «Полустанок»: Роман. – Пер. с англ. Д. Крупской. – М.: Фантом Пресс, 2023. 416 с.
13. Collins Compact Dictionary and Thesaurus. Collins; 3rd edition, 2009. 1024 p.
14. Flagg F. Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Café. Vintage books, London, 2012. 505 p.
15. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan / A. & C. Black, 2007. 1748 p.

© Елизарова Маргарита Анатольевна (ma.nerovnaya@guppros.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКА ПЧЕЛОВОДСТВА И БОРТНИЧЕСТВА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Н. МУСИНА)

VOCABULARY OF BEEKEEPING AND BEE-KEEPING IN THE BASHKIR LANGUAGE: LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF N. MUSIN'S NOVELS)

**G. Isyangulova
M. Akilova
A. Mukhametshina**

Summary: The vocabulary of beekeeping and bee-keeping is a rich layer of ancient vocabulary of the Bashkir language, distinguished by its antiquity and richness, diversity and originality of its ancient units. Beekeeping, which has passed the stages of development from wild, bort, colossal methods to frame, provides a lot of interesting information both for language researchers and for historians and ethnographers. The relevance of this research topic is related to the need to streamline the vocabulary of beekeeping of the Bashkir language and determine literary norms. The terms of beekeeping and bee-keeping are being added to, used, or completely disappear based on the social and political structures and various events that occur in the development of society. In this regard, the study of professional vocabulary in Nugman Musin's novels contributes to the restoration and exploration of national characteristics and the history of the people.

Keywords: Bashkir language vocabulary, beekeeping, apiary, bort, Bashkir honey.

Исянгулова Гульназ Абдулхаковна

доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
«Уфимский университет науки и технологий»
igulnaz75@yandex.ru

Акилова Мунира Фатиховна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ «Уфимский
университет науки и технологий»
akilova_m@mail.ru

Мухаметшина Алина Руслановна

ФГБОУ «Уфимский университет науки и технологий»
vgulnaz030675@mail.ru

Аннотация: Лексика пчеловодства и бортничества представляет собой богатый пласт древней лексики башкирского языка, отличающийся древностью и богатством, многообразием и своеобразием его древних единиц. Пчеловодство, прошедшее этапы развития от диких, бортных, колодных методов до рамочных, предоставляет много интересной информации как для исследователей языка, так и для историков и этнографов.

Актуальность данной темы исследования связана с необходимостью упорядочения лексики пчеловодства башкирского языка и определения литературных норм. Состав терминов пчеловодства и бортничества пополняется, используется или полностью исчезает на основе общественных и политических строев и различных событий, происходящих в развитии общества. В связи с этим изучение профессиональной лексики в романах Нугмана Мусина способствует восстановлению и исследованию национальных особенностей и истории народа.

Ключевые слова: лексика башкирского языка, пчеловодство, бортничество, борт, башкирский мёд.

Башкортостан – одно из немногих мест на Земле, где сохранилось бортничество и добывается бортевой мёд (дикий лесной мёд). Бортничество, как промысел, существовало на территории древнего Башкортостана очень давно. Об этом свидетельствуют найденные в 1902 году в Бирском могильнике предметы бортничества, захороненные 1500 лет назад, и рисунки на стенах пещеры Шульганташ.

Самым популярным районом для бортничества является Бурзянский район. Люди испокон веков были тесно связаны с окружающей средой, жили на лоне природы. Природа их кормила, одевала, согревала. Человек брал в руки топор, заготавливал дрова, брал ружье и ходил на охоту, ловил рыбу в реках и озёрах. Природе не наносилось большого вреда. Но со временем развивается наука и техника.

Ежегодно в Бурзянском районе, в заповеднике

Шульган-Таш, который является центром исконного башкирского бортничества, отмечается День бортника, куда съезжаются пчеловоды со всего Башкортостана, а также приезжает много пчеловодов из-за границы, чтобы перенять опыт, например, пчеловоды из Польши. Они занимаются возрождением этого промысла у себя. В настоящее время колодные ульи есть в заповеднике Шульган-Таш и в хозяйствах некоторых частных пчеловодов, но большинство пчеловодов держат пчёл в современных рамочных деревянных ульях. Популяция башкирской пчелы охраняется законами Республики Башкортостан [1], [2], [3], [4], [5].

Нугман Мусин – выдающийся прозаик современной башкирской литературы, Заслуженный работник культуры Башкортостана. В 1991 году Нугман Мусин за большой вклад в литературу был удостоен Государственной премии республики имени Салавата Юлаева. В 2001

году ему было присвоено звание Народного писателя Башкортостана.

Писатель стремится к новым жанрам, более широким эпическим горизонтам. В своих произведениях он создает более широкие образы и сложные характеры. Конечно, каждый из его романов отличается своим тематическим и проблематичным разнообразием, жанровыми и стилевыми особенностями.

Нугман Мусин – защитник природы. Возможно, потому что он родом из земли, окруженной густыми лесами и высокими горами, он с детства чувствует силу и красоту природы. Лес для него не только источник жизни, но и украшение земли. В начале 1970-х годов Н. Мусин одним из первых писателей выступил о необходимости охраны и спасения башкирских лесов. В девяностые годы был опубликован его роман «Последняя борть» [6]. В романе события в основном происходят в деревне Аязытау. Природа также подробно описывается автором. Как правило, нетронутая человеком природа вызывает большой интерес у посторонних. Один из них – Дамир Талипов. Он строит многоэтажный дом с бассейном возле родника Акташ, на самом высоком месте. Вред от приезда уфимского богача в эту глушь больше, чем пользы. Конечно, он дает местному населению какую-то работу. Но Султангуза, думающий о будущем, понимает, что от его приезда здесь много плохого и для природы, и для местного населения. Потому что, если построить бассейн, то при большом заборе воды возникает опасность высыхания родника Акташ в будущем. Последняя борть, давший название произведению, также падает от рук Талипа, пьяного сына старика Карамыша, Закуана, готового пожертвовать жизнью ради денег.

В произведении борть является центральным образом. Старик Карамыш ухаживает за промыслом, когда у него есть силы подняться на дерево. Борть и Карамыш – типичные образы. Они оба долго жили. Если борти приходится противостоять суровым ветрам и бурям природы, то старику Карамышу приходится переживать суровые ветры жизни, военные бури.

Как мы видим, имя центрального образа вынесено в название романа – Солок (борть). Согласно толковому словарю, солок (борть) – это гнездо диких пчёл в дупле дерева. В «Словаре диалектов башкирского языка» указывается, что в аргаяшском и миасском говорах солок имеет значение «умарта (улей)» [7, С. 279].

В своих романах Н. Мусин изображает борничество как священное занятие:

Солок – карагай агасы токомонот иң борондан калған, хәзер бөтөүгә барған, ике йөз йәшкә еткәндә генә сайырына бешегеп өлгөрә торған бер төрө. Әүәле уны исемләп, һәр кем үз тамгаһын һуғып, корт кундырыу

өсөн тоткандар һәм быуындан-быуынга инселәгән мал рәүешле күсә килгән... Как маңлайлы кая соңқаһынан тирә-йүндәге бөтә нәмәне күзәтеп буйына һеңдереүсе мең йәшәр Солок яланғас тәнәндә һәм ите мөһйөп ташланған һөйәктәр кеүек тарбағайланған ибәйәтһеҙ ботактарында кот та, инабат та юк төслө... Күп быуаттар еле тәндәрән кайыҙлаған, хәсрәт-кайғыларҙан сайырҙары атылып сыккан, күпте күргән Солок. Олоно ғына түгел, тамырҙары ла корой башлаған хужаһыҙ Солок... Урман батшаһы яңғыҙ Солок. Замандың ел-дауылдары кабығы койолған күгелйем тәнән телгеләгән, тирә-яғында өzlөкһөз аккан тормошто ғәжәп бер сызамлык менән үз бейеклегенән быуаттар буйы күзәткән, Ер өммәттәрәнә ара-тирә үз тауышын ишеттерергә тырышкан Солок.

Бер аз барғас, уңға боролон, өстөндә ике колас етмәс йыуанлыктағы солок үскән Төлкөсура һыртына күтәрелде... Солок төбөнә килеп баcқан Кеше, тирә-яғына күз һалып, бына шулай уйлана. Үзен мазаһыҙлаған уйҙарҙан аз ғына котолоп торор өсөнмө, ул солоктоң ике-өс колас етмәс олонона боролон қараны. Олон, төбөнән алып кеше буйы етер кимәлгә хәтлем, һәр төрлө тамғалар менән сыбарланғайны [8, С. 12].

Перевод:

Борть – это древнейший, ныне исчезающий вид сосны, созревающий для смолы только к двумстам годам. Раньше её именовали, каждый ставил на ней свою метку, чтобы разводить пчёл, и она переходила из поколения в поколение как наследственное имущество. Лысый, как лоб, скальный утёс, впитывающий в себя всё вокруг, тысячелетняя Борть. В её обнаженном теле и безобразных, растопыренных, словно кости, обглоданных до блеска ветвях, кажется, нет ни святости, ни благопристойности. Много веков ветер иссушал их тела, от горя и печали брызгала смола, многое повидала Борть. Не только ствол, но и корни начали сохнуть у бесхозной Борти. Одинокая Борть – царица леса. Ветры и бури времени изранили её голубоватое тело, с которого облетела кора, и она с удивительным терпением веками наблюдала с высоты за непрерывно текущей вокруг жизнью, время от времени пытаясь донести свой голос до земных народов.

Пройдя немного, он повернул направо и поднялся на хребет Тулкусура, на котором росла борть толщиной менее двух сажений... Человек, стоящий у подножия борти, оглядывается вокруг и думает вот о чём. Чтобы хоть немного отвлечься от беспокоящих его мыслей, он повернулся к стволу борти, не достигающему двух-трех сажений. Ствол от основания до уровня человеческого роста был испещрён всевозможными знаками. Каждый человек ставил на борть свою метку – тамгу.

Как говорится в романе, борть обычно изготавливается из сосны. Для этой цели выбирается дерево возрастом не менее 150 лет и более, толщина которого на высоте 10 метров от земли составляет не менее 60 сантиметров.

Чем толще дерево, тем больше внутреннее пространство улья, тем теплее и комфортнее для жизни пчёл.

Выдалбливание солок – очень сложная работа. Она требует от человека мастерства, ловкости и даже смелости, потому что борт находится на высоте 4-12 метров от земли.

Солоксо, т.е. бортник, взбирается на сосну с помощью простого *кирэм* (специальное приспособление для лазания по деревьям), плоского каната, сплетённого из множества тонких ремней. По мере подъёма он выдалбливает углубления для опоры ног и обрубаёт растущие ветки. Достигнув нужной высоты, солоксо привязывает *лэңге* (подвесное сиденье) для работы. Встав на *лэңге*, он обматывает себя и сосну. Сначала выдалбливают внутри прямоугольник высотой 90-110 сантиметров и шириной 12-18 сантиметров, а затем внутреннюю часть улья максимально округляют.

Высота готовой борти составляет один метр, глубина 28-35, ширина 25-30, а толщина стенки около 18-34 сантиметров. Крышу и дно борти делают не прямыми, а слегка наклонными наружу. В этом случае тепло лучше сохраняется в крыше, а если вода попадет из сердцевины дерева, она стечёт наружу. Наклонное наружу дно борти также удобно для очистки от мусора. Готовую борт закрывают крышкой. Она состоит из двух частей: верхней и нижней. Верхняя часть короче, а ширина одинаковая, достаточно, чтобы поместилась рука до предплечья, а толщина вырезается 5-6 сантиметров.

В произведениях Н. Мусина встречаются следующие термины: *солок* (дикий рой, гнездящийся в дупле дерева); *тағара* (лучины, вставляемые внутрь бортового дерева для крепления воска); *кирэм* (верёвка или ремень, используемый для подъёма на бортовое дерево); *тубал*, или *мозга* (коробка из бересты); *табалдырык* (верёвка, используемая для стояния на дереве); *капкак* (крышка бортового улья); *дадан* (улей, сделанный из досок); *төтөнлөк* (приспособление для окулирования пчёл при осмотре); *күзелдерек* (сетка, надеваемая на голову при осмотре пчёл); *эркәтәу* (верёвка, сплетённая из конского волоса, используемая для подъёма вещей на дереве); *хурнак* (вор-пчела) и т.д.

Рассмотрим пример: *Курыстан ишелгән кирәмен, бағауын, башына кабык кәпләмә кейзерелгән солок балтаһын, ерзән солок башына әйбер баулап күтәрә торған аркатауын, бәләкәйерәк батманын арбаға сығарып һалды... Шунан аркатауының бер осон, тәпәлдерек бауын билбауына ҡыстырҙы ла кирәмен яурыны аша алып, солокто уралтып бәйләне. Тубығын олонға терәп, күтәрелә биргәс, кирәмен үргә һирпте. Рәтен белмәгән кеше өсөн егерме сажин бейеклектәге хәтәр йыуан, ботакһыз солокка менеү баш етмәслек*

эш һымак тойолор ине. Батманға солок балтаһын, бысакты, сөрөктө һалып, аркатауға так әле! Үзенә кәрәк-яракты аркатау менән тартып алғас, солоктоң капкағын асып, сөрөгө менән төтөн бысқыта-бысқыта бал карарға тотондо.

Перевод:

Он вытащил на телегу верёвку из коры липы, багорок, бортовой топор с берестяной шапкой на голове, аркатау (приспособление для подъёма вещей на дереве), небольшой батман. Затем один конец аркатау и верёвку от лаптей засунул за пояс, перекинул верёвку из коры липы через плечо и обвязал ею борт. Упершись коленом в ствол, начал подниматься и подбрасывал верёвку вверх. Для человека, не знающего как это делается, подняться на опасную, толстую, без веток борт высотой в двадцать сажень показалось бы непосильной задачей. Положи в батман бортовой топор, нож, труху и прикрепи к аркатау! Подтянув к себе необходимые инструменты с помощью аркатау, он открыл крышку борти и, окуливая дымом, принялся проверять борт.

Итак проанализируем термины бортничества:

Солок балтаһы – маленький топор с длинной рукоятью, которым выдалбливают борти.

Бал бысағы – нож из липового дерева, которым вырезают соты из борти, чтобы положить их в батман (специальную емкость): ширина около 2 см, длина около 25 см.

Сөрөк (труха) – кусок дерева, сильно сгнивший и рассыпающийся. Древесная труха. Измельчение трухи.

Төтәткес (дымарь) – приспособление, которым окулируют пчёл дымом при осмотре улья. Засыпать труху в дымарь.

Старик Карамыш, хоть и лежит как мертвый, но ещё не покинула его душа, и его внук Расуль, похожий на него, – светлые душой представители народа Аязытау. Но вокруг полно бесчестных людей: отец Расуля продаёт за полцены бортовое дерево, которое было семейной реликвией, потому что ему нужно строить дом. Расуль, с ружьём, оставшимся от деда, бежит в сторону вырубки леса, чтобы либо застрелить Дамира Талипова, либо спасти борт. Неопытный молодой человек, не умеющий обращаться с оружием, думает остановить зло выстрелом в воздух. Но пуля попадает в него самого, и он умирает на месте. В конце произведения борт падает. В этот момент умирает и его хозяин, старик Карамыш. Некому прочитать ему ясин (молитву), некому посидеть рядом и попрощаться, некому выпрямить его руки и ноги, закрыть ему глаза.

Кроме того, Народный писатель Башкортостана Н. Мусин в своем романе поднимает одну из актуальных проблем современности – тему экологии. Автор напоминает читателю о том, что это явление всё ещё продолжается, и завершает последний абзац ироничным

высказыванием: «Именно в этот момент на поляну Акташ, сверкая, подъехали еще три машины. Из них не спеша вышли статные, хорошо одетые мужчины и, хозяйски расставив ноги, огляделись: какие красивые места, чтобы приехать и уехать!».

Этими последними нотами автор призывает читателя к бдительности, избавлению от равнодушия. Заставляет задуматься думающих, добавляет забот заботливым. Ведь бортничество – древнее и широко распространенное занятие башкир.

Многих интересовал древний промысел башкир – бортевое пчеловодство. К сожалению, имена первых бортников не сохранились в истории. Тем не менее, в статьях о путешествиях Н.Н. Рычкова (1769-1770) о башкирской земле и её людях отмечается следующее: «Они настолько бережливы и умелы. Наверное, нет народа более искусного в пчеловодстве, чем они» [9, С. 28].

Однако к середине XVIII века бортничество начинает вытесняться пасечным пчеловодством. Башкиры вырубают дуплистые деревья, обрекая диких пчёл на гибель: переносят бортевые ульи на постоянное место, превращая их в пасеки.

Возможно, основной причиной этого стало начало строительства заводов на башкирских землях, массовая вырубка лесов (особенно широко было распространено производство поташа из древесной золы). Если дикие пчёлы сами поселялись в дупле дерева и создавали борть, то такое дерево называлось бортевым деревом. Первоначально человек собирал дикий мёд именно с таких бортевых деревьев. Он ставил на этом дереве свою метку (тамга – знак). Время от времени приходил и брал мёд с этого дерева. Мёд был не только питательной, полезной пищей, но и товаром.

Согласно историческим данным, в X-XIII веках в Волжской Булгарии *яхак* (налог) платили лошадьми, ценной пушниной и мёдом. Этот же налог сохранился и под гнётом монголо-татар, и после присоединения к Московской Руси. Следовательно, можно сказать, что искусственные борти начали делать уже в X веке.

Борть передавалась из поколения в поколение. Переходила от отца к сыну по наследству. Использовать её могли около 150 лет. У некоторых семей было до 200 бортей. Мёд собирали осенью сообща. Хозяин брал только с дерева с бортью, на которой был указан его знак. Мёд хранили в батманах. Что, в свою очередь, привело к переносу в колоды. То есть началось сосредоточение дуплистых конструкций, подобных бортям, на земле в одном месте. Даже после того, как в 1814 году известный просветитель Петр Прокопович изобрёл рамочный улей, он не сразу получил широкое распростра-

нение. Несмотря на то, что рамочный улей стал основой компактного, систематического пчеловодства, вековые традиции бортничества оказались сильны [10].

В прошлые века, когда в лесах было достаточно диких пчёл в естественных дуплах, башкиры, как и другие промысловики, с наступлением осени забирали весь мёд из бортей, пока не опустошали их, и оставшиеся без запасов пчёлы погибали. Весной бортники проводили осмотр, очищали дупла и заново подготавливали борти. Дикие рои заселялись в оборудованную часть искусственных дупел, обновляли соты и начинали собирать мёд. Такой способ работы с роями в бортничестве продолжался до XIX века, а местами – до 50-х годов прошлого века. У этой системы были и преимущества, поскольку при ежегодной смене сот пчёлы реже болели, размер их тела не уменьшался, и не допускалось вырождение породы, так как не происходило смешивания с другими видами пчёл. Когда численность диких пчёл повсеместно резко сократилась, пчеловоды были вынуждены бережнее относиться к бортевым пчёлам, оставлять им достаточно мёда для зимовки. В результате пчелиные семьи получили возможность обитать в своих жилищах очень долгое время (даже до 18-25 лет!). Бортники научились обновлять сотовые ячейки, но в то же время срок службы бортей сокращался. Такая высокая технология называется бортевым пчеловодством, а людей, занимающихся усовершенствованным промыслом, называют бортниками [11], [12], [13], [14], [15], [16].

Итак, пчеловодческую лексику башкирского языка можно разделить на несколько лексико-семантических групп:

1. Названия борти и ее составных частей: бажым «паз», солок «борть», тағара «лучинки-снозы», капкак «бортевая крышка», кейә «леток», кейә калағы «клиновидный вкладыш», изән «пол», тишек «леток, отверстие для пчел», солок тактаһы «бортевая доска», ағас кыуышлығы «дупло дерева». Например: *Умартаның кейәһенән өлкәнерәк корттар бер туктауһыз инеп тора. Кейәһе түбәнерәк солоктарға олоно тирәләй берәр сажин бейеклегендә осло имән сөйзәрҙә катанылар. Солок артык бейек түгел ине былай, ете киртләс кенә, йәғни, хәҙергесә итеп айткәндә, уның корт кунған ябыуы капкағы – ерҙән ете метрға яҡын бейеклектә була инде.*

2. Названия инструментов для изготовления борти: солок балтаһы «бортовой топор», бөрөз «пешня», бағау «тесло с вогнутым лезвием», төрпө «рашпиль», йомро йышкы «скобель», аркатау «веревка», бағау «бортевое тесло», көрәк «лопата (для расчистки места вокруг дерева)», баҫкыс «лестница (для подъема к дереву)», кайрау «точильный камень (для заточки инструментов)», борма «бурав, сверло», кәкре быскы «кривая пила (ножовка)», тырнак йышкы «бортовой скобель», төрпө «рашпиль». Например: *Курыстан ишелгән кирәмен, бағауын, башына кабык кәпләмә кейҙерелгән солок балтаһын, ерҙән солок башына әйбер баулап күтәрә торған аркатауын,*

бәләкәйерәк батманын арбага сыгарып һалды. Солок карагайына менгәнде, уға башкыстан күтәреләүни тора.

3. Названия принадлежностей для добычи мёда из бортевого дерева и ульев: бал йыйыу – сбор мёда, бал кәрзине, тырыз «корзина для мёда», бал сығарғыс «медогонка», кәрәз рамкаһы «рамка для сот», балауыз койоу корамалы «воскотопка», кирәм «кожаный или плетённый из лыка ремень», ағас аяк, ләңге «бортевая пере-кладина», кайыш «ремень», бысак «нож», кәләп «сум-ка», төтөнлөк «дымарь», сүмес «половник», бал калак, корт калағы «деревянная лопатка», батман, аркатау, өркәтәү «посуда для поднятия воска на борть», солок табалдырығы «бортевая педаль», балағас, батман «не-большая кадка». Например: [Алдар] *Филмияза менән юлға сыкты, сөнки солок балы алғанда яңғыз кешегә ауырга тура килә: юғарыға бөтә нәмәне бер юлы алып менеп булмай, астан берәү, бал күнәген, тәпәлдерек, бысак, балта, кортто ыслай торған сөрөктө, ал яғы йүкәнән селтәрләп эшләнән күзлектә аркатауға тағып, солокка менеүсегә күтәрешә.*

4. Названия приспособлений для защиты борти от ди-ких животных: капкан «капкан», қазаузар «ёжики», тукмак «колотушка», сөй «гвоздь», татау «распорка». Например: *Бер ыңғайҙан вак кайын ботактарынан сырпык бәйләп, корттар каты һыуыктарға бирешмәһән өсөн, уларҙы капкакка куша бәйләп куйзылар. Кейәһе түбәнәрәк солоктарға олоно тирәләй берәр сажин бейеклегендә осло имән сөйҙәрҙә катанылар.*

5. Названия представителей пчелиной семьи: солок корто «бортевая пчела», инә корт «матка (пчелиная)», эшсе корт «рабочая пчела», ата корт «трутень», караусы корт «пчела-кормилица», һаксы корт «пчела-охранник», йыйыуысы корт «пчела-сборщица», балауыз корто «пче-ла, выделяющая воск», корт балаһы «личинка пчелы», курсак «куколка», корт һеркәһе «пчелиная пыльца». На-пример: *Қары корттарҙың һәр кайһыһы тиерлек берәр батман бал бирә ине. Күк ябып оскан еғәрле корттар безелдәшкәнән тыңлап ята торғас, бал есәнә цсәрәһе – ағастарҙы косаклағы, йырлағы, хәтфә үләндәргә ятып аунағы килә.*

6. Названия болезней пчел: нозематоз, аскосфероз (из-вестковая болезнь), меланоз, сумак ауырыуы «сумчатый расплод», филаментовирус, акарапидоз, браулез, мал-пигиамебиаз, канат деформацияһы «вирус деформации крыла», канаттарҙың кыскарыуы «укорочение крыльев».

7. Названия продуктов пчеловодства: бал «мёд», һитә «перга», инә корт һөтә «маточное молочко», прополис, кәрәз «соты», балауыз «воск», йүкә балы «липовый мёд», сәскә балы «цветочный мёд», урман балы «лесной мёд», кәрәзле бал «мёд в сотах», ауырыузарҙы кортсолок про-дуктарынан яһалған дарыузар менән дауалау «апитера-пия». Например: *Йылы сакта, корттар бал кәрәзҙәрәнә ойшошп ятмай осоп торған мәлдә, алырҙай балды алып калған якшы. Ә һуң солок төбөнә ултырып, яңы ғына алынған, татлы ес аңкытқан кәрәзле йылы балды кайын тузына һалып, тәмләп-тәмләп сәй әсеүҙәр – үзе бер ғүмер.*

8. Названия, связанные с процессом разведения пчел: умарталык «пасека», умарта «улей», умартасы «пчеловод», умартасылык «пчеловодство», солокло ағас «бортевое лезиво», солоксолок, солок умартасылығы «бортевое пчеловодство», солок умарта «борть», тип-ке «борть», томма «полое дерево», тамға «тамга», корт ғаиләһе «пчелиная семья», күс «рой», кышлатыу «зимов-ка (пчел)», дауалау «лечение (пчел)», ирекле күс айырыу «роевая свобода», солок мөгәрәбе «омшаник», солок умартаға корт ябыу «собрать рой, посадить рой в улей, в борть», бал йыйыу «медосбор», баллы үсемлектәр «ме-доносные растения», сәскә һеркәһе «цветочная пыльца». Например: Например: *Солтанғужа торҙо ла карагай төбөнә төрлө йылдарға төрлө кешеләр кулы менән һалынған тамғаларға күз йүгертте. Ырыу тамғалары. Солтанғужа якшы хәтерләй: бынан егерме-егерме биш йыл элек солокто Карамыш яба, корт кундырып, балын алып тора ине.*

Эта лексическая отрасль башкирского языка возник-ла, развивалась и совершенствовалась, исходя из по-требностей повседневной жизни башкирского народа.

Роман «Последняя борть» – глубокое по содержанию, увлекательное произведение, посвященное актуальной проблеме. Не только в этом, почти во всех произведе-ниях писатель говорит не только об экологии природы, но и об экологии человеческих душ. В целом, автор ис-ходит из принципа, что человек, умеющий думать о веч-ных ценностях, а не об однодневном богатстве, не может быть равнодушным и к природе.

Таким образом, необходимость изучения названий, связанных с народным хозяйством и промыслами в ро-манах Н. Мусина, связана с возрождением, развитием национальной культуры, повышением внимания к баш-кирскому языку. В лексике, обозначающей материальную культуру, сохраняется информация об этнических, куль-турных и языковых процессах. Исследование и изучение лексики пчеловодства также важно для уроков истории и культуры, поскольку в этом слое лексики сохраняется бо-гатая информация о прошлом, занятиях и жизни народа.

Следует добавить, что сбор лексики народного раз-говорного языка, его научное исследование – это только одна сторона дела. Каждое слово, в том числе и терми-ны, относящиеся к каждому ремеслу, живёт, развивается и становится известным только тогда, когда их исполь-зуют. Если они не используются в языке, не находят от-ражения в научно-популярных, публицистических, ху-дожественных произведениях, то остаются мёртвыми терминами. Поэтому сбор и накопление терминов пче-ловодства, включение их в отдельные терминологиче-ские словари, отражение терминов, бытующих в живой разговорной речи, в нормативных и других словарях имеет большое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юмагузин Ф.Г. К вопросу о расширении территории заповедника «Шульган-Таш» / Ф.Г. Юмагузин // Вестник ОГУ. – № 6. – 2009. – С. 461-463.
2. Косарев М.Н. Сохранение генофонда башкирской пчелы / М.Н. Косарев // Пчеловодство. – 2008. – № 7. – С. 8-10.
3. Косарев М.Н., Шарипов А.Я., Юмагузин Ф.Г., Савушкина Л.Н. Сохранение генофонда и селекционная работа с бурзянской бортовой пчелой / М.Н. Косарев, А.Я. Шарипов, Ф.Г. Юмагузин, Л.Н. Савушкина // Материалы международной научно-практической конференции «Мёдовый мир – 2011». – Ярославль, 2011. – С. 38-39.
4. Косарев М.Н., Юмагузин Ф.Г., Нугманов Р.Г. О динамике численности семей пчел башкирской популяции, заселяемости бортей и колодных ульев в государственном природном заповеднике «Шульган-Таш» / М.Н. Косарев, Ф.Г. Юмагузин, Р.Г. Нугманов // Использование биологически активных продуктов пчеловодства в животноводстве и в ветеринарной медицине. Сборник научных трудов. – М.: Уфа, 1999. – С. 118-121.
5. Косарев М.Н., Юмагузин Ф.Г., Сайфуллина Н.М. Расширение территории заповедника «Шульган-Таш» – путь сохранения генофонда дикой бортовой пчелы на Южном Урале / М.Н. Косарев, Ф.Г. Юмагузин, Н.М. Сайфуллина // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища: Сборник научных трудов. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 114-124.
6. Мусин Н. Һайланма әсәрҙәр. 7 том / Н. Мусин. – Өфө: Китап, 2011. – 544 бит.
7. Башҡорт теленең диалектары һүзлеге. – Өфө: Китап, 2002. – 432 бит.
8. Мусин Н. Һайланма әсәрҙәр. 1 том / Н. Мусин. – Өфө: Китап, 2003. – 506 бит.
9. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии / П.И. Рычков. – Уфа, 2001. – 295 с.
10. Косарев М.Н. Бурзянские бортовые пчелы и варроатоз / М.Н. Косарев // Пчеловодство. – 1987. – № 9. – С. 12-13.
11. Вахитов Р.Ш. Пчелы и люди / Р.Ш. Вахитов. – Уфа, 1992. – 287 с.
12. Власов В.Н. Башҡорт балы / В.Н. Власов. – Өфө, 1983. – 144 бит.
13. Косарев М.Н. Современное бортовое пчеловодство. Методическое пособие для начинающих бортевиков / М.Н. Косарев. – Уфа: Информреклама, 2014. – 50 с.
14. Ноғоманов Р.Г., Ишемғолов Ә.М. Умартасылыҡ серҙәре / Р.Г. Ноғоманов, Ә.М. Ишемғолов. – Өфө, 2007. – 128 бит.
15. Шакиров Д.Т. Пчеловодство Башкирии / Д.Т. Шакиров. – Уфа, 1992. – 298 с.
16. Шафитков И.В. Бал кортоноң назы бар / И.В. Шафитков. – Өфө, 1992. – 176 бит.

© Исянгулова Гульназ Абдулхаковна (igulnaz75@yandex.ru), Акилова Мунира Фатиховна (akilova_m@mail.ru),
Мухаметшина Алина Руслановна (vgulnaz030675@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОРМИРОВАНИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В КИТАЕ И ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА – НАЧАЛЕ XXI

STANDARDIZATION OF LOGOGRAPHIC WRITING IN CHINA AND JAPAN FROM THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY TO THE EARLY 21ST CENTURY

**N. Krneta
A. Bakhmatova**

Summary: This article explores the processes of regulation and standardization of logographic writing systems in China and Japan from the second half of the 20th century to the early 21st century. The study addresses the historical, social, and political motivations behind script reforms, the methods of their implementation, and the outcomes achieved in both countries. Particular attention is given to a comparative analysis of approaches: in Japan, the reforms were initiated during postwar transformations under both external and internal influences, and were accompanied by the introduction of detailed lists of frequently used characters, as well as standardized readings and written forms. In China, the reforms were driven by policies aimed at increasing literacy and involved a broad campaign of simplification and elimination of graphic variants. The article emphasizes that neither country imposed strict limitations on the use of characters outside of official lists, and that practical acquisition of literacy continues to depend on a combination of official norms and actual language usage.

Keywords: language policy, script standardization, logography, simplified characters, script reform.

Крнета Наталия

Кандидат филологических наук, доцент, Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова
krneta@iaas.msu.ru

Бахматова Анна Дмитриевна

Аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
annabakhmatova@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются процессы нормирования и стандартизации иероглифической письменности в Китае и Японии во второй половине XX – начале XXI века. Исследование охватывает исторические, социальные и политические причины реформ письменности, формы их реализации и результаты, достигнутые в обеих странах. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов: в Японии реформы были инициированы во время послевоенных преобразований под влиянием внешних и внутренних факторов и сопровождались введением детализированных списков наиболее часто употребляемых иероглифов, а также стандартных чтений и начертаний. В Китае реформы были связаны с политикой повышения грамотности и сопровождались широкой кампанией по упрощению и устранению разнописей. В статье подчеркивается, что ни одна из стран не ввела жёстких ограничений на использование знаков вне нормативных списков, а практическое освоение письменности продолжает зависеть от сочетания официальной нормы и живого языкового употребления.

Ключевые слова: языковая политика, стандартизация письменности, иероглифика, упрощённые иероглифы, реформы письменности.

Общий обзор

Системы письма, основанные на идеограммах¹, существовали с древних времен. Они не получили широкого распространения по причине своей сложности, и с временем большинство из них исчезли из употребления, вместе с исчезновением или упадком цивилизаций их породивших. Но долгожительство китайской цивилизации и государства, его культурные и материальные достижения привели к распространению китайской иероглифической письменности на другие страны региона: Корею, Вьетнам и Японию. Общественные и политические реформы в Вьетнаме в начале XX в., а в Корее в середине XX в. привели к переходу от иероглифической письменности к фонетическим алфавита.² В современном мире две системы письма продолжают основывать-

ся на иероглифах – китайская и японская. Поскольку японский язык типологически существенно отличается от китайского, при адаптации заимствованной иероглифической письменности произошли большие изменения в ее составе. В настоящее время японская система письма представляет собой смешанное фоноидеографическое письмо, состоящее из иероглифов (*кандзи*), двух слоговых азбук (*кана - катакана и хирагана*) и латиницы. Большинство иероглифов обозначают на письме два и более понятия, с каждым ассоциируется от одного до трех так называемых китайских (*онных*) чтений и одно и более японских (*кунных*) чтений. У китайских и японских систем письма существует ряд особенностей, которые замедляют их освоение. В китайском языке иероглифическая письменность осложнена большим числом знаков, большим количеством черт в иероглифе, наличием

1 Здесь и дальше понятия идеограмм и иероглиф будут считаться полными синонимами, так как для целей данной статьи различия между ними не представляются существенными.

2 В Северной Корее полностью отказались от иероглифики, в Южной Корее сфера использования была сильно ограничена.

разнописей и вариантов начертания, в японском языке иероглифика осложняется наличием нескольких чтений у иероглифов, их омонимией и полисемией знаков.

Сложность такого письма, несоответствие между устоявшейся старой орфографией и изменившимся с течением времени языком породили необходимость кодификации и стандартизации, которая ощущалась в Китае и Японии особенно остро в XX веке в эпоху серьезных общественных и государственных перемен. В.М. Алпатов пишет: «Иные настроения могут овладеть массами лишь в период социальных перемен, когда новая власть осуществляет радикальные преобразования, а граждане (пусть не все, но, по крайней мере, их активная часть) желает «отречься от старого мира» [1].

В статье сравниваются процессы нормирования иероглифической письменности в Китае и Японии с точки зрения их причин, форм и результатов. Несмотря на то, что в Японии иероглифическая база по большей мере совпадает с китайскими иероглифами, подходы к выбору иероглифов в официальном употреблении в этих двух странах различались кардинально. Под «иероглифами в официальном употреблении» в рамках данной статьи мы будем подразумевать те знаки, которые закреплены в государственных нормативах или законодательных актах. В нашей статье объектом исследования является иероглифика, поэтому не будем касаться вопросов нормирования слоговых азбук японского языка и проектов перехода с иероглифического письма на латиницу.

Количество научных работ на русском языке, посвященных исключительно теме стандартизации систем письменности в Китае и Японии небольшое. В основном авторы сосредотачиваются на процессах реформирования языка как части языковой политики государства, и рассматривают реформы системы письма лишь как часть более обширных реформ. Среди работ, посвященных этой теме, можно выделить работы В. М. Алпатова, Е.В. Мавевского и А.С. Дыбовского. Значение, которое уделяется вопросам письменности в Китае и Японии, отражено и в большом числе работ, всестороннее освещающих систему письма в диахроническом и современном аспектах. Например, Чжоу Югуан [9], один из ведущих лингвистов Китая, подробно исследовал историю и методы реформирования и стандартизации иероглифики в своей работе «Основные принципы реформирования китайских иероглифов». Его исследования дополнил Ван Цзюнь [8], который изучал количественные изменения иероглифов в ходе реформ, а также Чэнь Пин [5], исследовавший социолингвистический контекст изменений. В Японии вопросам системы письма в целом, и ее реформам в частности, посвящено большое число работ. В нашей статье мы опирались преимущественно на работу японского социолингвиста Тосио Номура [11], который большое внимание уделял исследованию влияния социальной среды

на стандартизацию письменности. Из работ на английском языке при работе над статьей были использованы книга ученой-японистки Нанет Готлиб «Политика в сфере иероглифики. Языковая политика и японское письмо» [7] и докторская диссертация Марты Хардести «Язык, культура и реформа *ромадзи*: провал в сфере коммуникаций оккупационных властей в Японии» [6]. Исследования перечисленных авторов служат основой для анализа в данной статье, однако каждое из них описывает процесс стандартизации иероглифики либо только в Китае, либо только в Японии. Наблюдается недостаточное количество сравнительных исследований этого процесса в двух странах. Поэтому в рамках данной статьи мы ставим задачу исследовать процессы стандартизации иероглифической письменности в Китае и Японии, выявить различия в подходах к выбору нормативных иероглифов и причины составления иероглифических минимумов.

Стандартизация иероглифики в Японии

Лингвисты начали ставить вопросы нормирования и стандартизации сложной японской системы письма с конца XIX в. Однако попытки провести реформы орфографии слоговых азбук и ограничить число иероглифов, используемых в официальных документах до Второй мировой войны, были неудачными в первую очередь из-за сопротивления традиционалистов, ратующих за чистоту языка и сохранение старых правил использования письменности. «Иероглифы, с точки зрения элиты, были на много больше, чем просто письменные знаки, они имели функцию индикаторов элитных ценностей и рассматривались как неотъемлемая часть национального культурного наследия» [7, с. 26].

Но, после поражения во Второй мировой войне под влиянием американских оккупационных властей начались масштабные изменения во всех сферах общественной жизни и государственного устройства Японии. В рамках коренных изменений самого образа жизни и мышления, перехода на новую государственную идеологию, были запланированы и реформы языка и системы письма. Сложная иероглифическая письменность рассматривалась как косвенное препятствие к получению нужного объема информации, необходимого человеку для полноценного функционирования в демократическом обществе. В Докладе Миссии США по вопросам образования утверждалось: «Японский язык в своей письменной форме является огромным препятствием обучению. Практически все знающие люди соглашаются, что запоминание иероглифов, на котором написано большинство слов японского языка, представляет излишнюю нагрузку для учеников» [12, с. 19]. В одной временной точке сошлись три весомых фактора: назревшая внутри страны необходимость привести устаревшую письменную норму в соответствие с современным языком, радикальные изменения структуры общества и идеологии, совершаемые под внешним влиянием, и потребность в повышении

уровня грамотности населения, необходимой для создания современного государства. Поэтому послевоенные реформы языка и системы письма были самыми обширными и растянулись на несколько лет.

В 1946 г. был опубликован первый иероглифический минимум «Список общеупотребительных иероглифов» (当用漢字表 Tōyō kanji hyō). Он содержал 1850 иероглифов, которые следовало использовать без подписания чтения в «законах и постановлениях, официальных документах, газетах, журналах, СМИ и других сферах повседневной общественной жизни» [13]. Чтения не входящих в список иероглифов, если они встречались в официальных документах, прессе, и документах и учебниках системы образования должны были указываться. Это предписание не распространялось на частную переписку, литературу и т.д., по отношению к которым имело исключительно рекомендательный характер. Все последующие реформы также имели подобную двоякую природу, что привело к поляризации общества по вопросам реформ системы письма. Иероглифы были выбраны в спешке, без учета общественного мнения, в условиях конфронтации двух течений: тех, кто ратовали за полную отмену иероглифики и переход на слоговое письмо или латиницу, и тех, кто противились упрощению иероглифики и ограничению числа иероглифов в общественной жизни. Полученный список представлял собой компромиссное решение.

В последующие годы до 1949 г. были проведены дополнительные реформы. В 1948 г. было опубликовано «Дополнение к списку общеупотребительных иероглифов (当用漢字別表 Tōyōkanji betsu hyō). В нем перечислены иероглифы, которые должны быть освоены за первые шесть лет обязательного образования. Предполагалось, что это тот иероглифический минимум, который обеспечивает базовую грамотность. Этот список стал первым в ряду «Списков иероглифов в образовании» (教育漢字表 Kyōiku kanji hyō) [14], которые позже стали частью «Списков иероглифов по годам обучения» (学年別漢字配当表 Gakunenbetsu kanji haiō hyō). Перечень иероглифов для изучения в начальной школе 1948 г. содержал 881 иероглиф из Списка общеупотребительных, но впоследствии, каждый следующий перечень пополнялся новыми иероглифами (1977 г. – 996 знаков, 1989 г. – 1006 знаков, 2017 г. – 1026 знаков), что свидетельствует о нацеленности государства и запросе общества на сохранение и усиление позиций иероглифики [11]. В том же 1948 г. был издан «Список чтений общеупотребительных иероглифов» (当用漢字音訓表 Tōyōkanji onkun hyō), устанавливающий стандартные китайские и японские чтения иероглифов из Списка общеупотребительных. Стандартные чтения были определены исходя из широко используемых чтений на момент составления списка, а не на основе традиционно используемых в литературе. Число чтений было ограничено и упорядочено, что облегчило задачу запоминания иероглифов и чтения текстов.

Было упрощено написание многих иероглифов и издан список «Список начертаний общеупотребительных иероглифов» (当用漢字字体表 Tōyōkanji jitai hyō). Вместо старой традиционной формы написания (旧字体 kyūjitai), было предписано использовать новые более простые формы (新字体 shinjitai). «Как правило, такое «упрощение» или «сокращение» сводилось к тому, что на смену классической форме иероглифа вводилась в употребление его менее сложная форма, на практике уже давно (обычно много столетий) применявшаяся пишущими в неформальных ситуациях» [4, с. 133]. Таким образом традиционная норма была модернизирована, упрощена и сделана более легкой для запоминания и написания. Список был пересмотрен, а чтения уточнены и дополнены в 1973 г. Работа над уточнением чтений на этом не остановилась, но в дальнейшем она проводилась уже в рамках создания новых Списков общеупотребительных иероглифов.

А.С. Дыбовский указывает, что послевоенная реформа письменности повлияла на сокращение числа слов китайского происхождения и слов, созданных из китайских морфем (канго), и в целом привела к вестернизации словарного состава японского языка [3]. Но результаты были более масштабными. Изменилась сама структура письменного текста. Увеличилось число слов, записанных слоговыми азбуками (каной) и смешанного написания (交ぜ書き mazegaki, в одном слове часть написана иероглифами, а часть каной). Были положено начало нормированию нестандартных написаний и чтений (当て字 ateji), упорядочено чтение иероглифов. Вместе с упрощением формы иероглифов все вышеперечисленное привело к повышению уровня грамотности населения.

Со временем в обществе возникло понимание, что количество иероглифов, содержащихся в иероглифическом минимуме 1946 г., слишком маленькое для эффективного обслуживания даже официальной сферы жизни. К тому же его ограничения воспринимались как слишком строгие. Уменьшение иероглифов, изучаемых в школе, облегчило жизнь школьникам, но понизило их способность читать классику в оригинале и воспринимать более сложные тексты, даже если речь шла о репродукциях в газетах. Смешанная запись, которая должна была облегчить восприятие текста, наоборот, часто затрудняла его понимание, так как в условиях отсутствия пробелов иногда трудно понять, надо ли данный иероглиф воспринимать как отдельное слово или как морфему, часть другого слова. С техническим прогрессом возникли устройства, позволяющие печатать более сложные иероглифы даже в домашних условиях (ва:пуро «текстовый процессор»). Если первый иероглифический минимум был создан без учета общественного мнения, то последующие основывались на многочисленных опросах и исследованиях. В итоге в 1981 г. был принят новый «Список иероглифов для повседневного использования» (常用漢字表 jōyō kanji hyō), содержащий 1945 ие-

роглифов, с указанием их стандартных чтений, уточнениями написания иероглифов шрифтом Mincho, но без дальнейшего упрощения. В Предисловии к новому списку специально подчеркивалось, что он предназначен исключительно для использования в официальных областях жизни, и предполагается, что каждый человек его будет использовать по своему разумению, сообразно обстоятельствам. В отличие от предыдущего списка, не было указания, что его желательно использовать и в других сферах. Дальнейший технический прогресс, увеличение возможностей печати сложных иероглифов разнообразными, в том числе и похожими на рукописные, шрифтами, увеличение числа иероглифов в публичном пространстве, недоработанность предыдущих минимумов привели к составлению нового «Реформированного списка общеупотребительных иероглифов» (改定常用漢字表 kaiteijōyō kanjiyō) в 2010 г. Он содержит уже 2136 знаков, с новым уточнением чтений.

Подобный процесс изначального ограничения и последующего расширения числа иероглифов, допустимых к использованию отражен и в истории создания и изменений «Списков иероглифов, используемых в именах» (人名用漢字表 jinmeiyō kanjiyō). Это перечни дополнительных иероглифов, не входящих в иероглифический минимум, но разрешенных для использования в именах наряду со стандартными знаками. Первый послевоенный список был принят в 1951 г. и содержал 92 иероглифа. Подобное небольшое число объясняется техническим несовершенством тогдашних печатающих устройств, используемых при регистрации ребенка в книге посемейных записей и нацеленностью на упрощение и ограничение иероглифической письменности. С демократизацией общества, ослаблением строгости регулирования в сфере языка, совершенствованием технологических средств, число иероглифов увеличивалось, перечень много раз пересматривался, и ныне действующий список содержит 863 знака.

С середины XX в. многократно реформировались и правила написания *окуригана* (изменяемая часть слова, записываемая не иероглифом, а *каной*), *атэдзи* (использование иероглифов исключительно с учетом их значения или только фонетически), топонимов и старых традиционных названий. Хотя не достигнуто полного соответствия между реальным использованием иероглифов, употребляемых чтений и написаний с предписаниями и рекомендациями, авторы отмечают, что «современная система японского письма в целом стабильна с 50-х гг. XX в.» [2, 164 с.] и что «удалось совместить традиционное японское письмо с современными средствами передачи информации» [2, 165 с.].

Стандартизация иероглифики в Китае

В Китае на сегодняшний день иероглифика имеет определенные стандарты, но не ограничивается минимумом. О точном количестве иероглифов в китайском языке мнения расходятся, а подсчет точного числа представляется практически невозможным из-за огромного количества древних форм, их разнописей, самостоя-

тельно изобретенных знаков и диалектных иероглифов, которые несмотря на описанные ниже опубликованные в рамках кампании по упрощению и стандартизации письменности документы, так или иначе продолжают бытовать в китайском языке. Однако есть данные о самых распространенных и необходимых к изучению иероглифов для освоения китайского языка.

Стоит заметить, что в Китае работа по стандартизации письменности неразрывно связана с кампанией по упрощению иероглифики. Упрощение иероглифики подразумевает сокращение черт в иероглифах для более простого и легкого для запоминания начертания. Эту деятельность правительство КНР на официальном уровне начало вести гораздо позже, чем правительство Японии. До 1950-ых годов хотя и принимались некоторые попытки реформирования письменности (например, в начале 20-ых годов велись работы по реализации принципов упрощения иероглифики, выдвинутых Цянь Сюаньтуном в 1923 г.) [10], но всё же полноценное реформирование письменности в тот момент не было развернуто.

Только после основания КНР в 1949 г. начинают предприниматься попытки реформирования и стандартизации письменности. Необходимость реформирования была связана с тем, чтобы повысить уровень грамотности в стране, ускорить обучение письму в массах, исключить из употребления те иероглифы, которые бытовали как инварианты друг друга, а также выбрать одно нормативное написание для тех знаков, которые имели большое количество разнописей. Дело в том, что в китайском языке до проведения кампании по стандартизации и упрощению письменности бытовало огромное количество разных вариантов начертаний одного и того же иероглифа. Они могли отличаться одной или несколькими чертами, и все формы написания считались допустимыми. Это создавало довольно значительные сложности для взаимного понимания в разных регионах, а также ещё сильнее тормозило освоение письменности массами. Кроме того, ещё одной из причин начала кампании по упрощению принято считать попытки создать «новую» письменность для нового государства на карте (КНР), а также стремление к отказу от всего древнего и традиционного, которым была пронизана Культурная революция во второй половине XX века.

Однако ещё в 1950ые годы образовалось два направления, в которых работали институты, связанные с языковым планированием: продвижение упрощенных иероглифов, что должно было «облегчить» письменность КНР, и уменьшение количества разнописей, нацеленное на стандартизацию письма и выработку начертательной нормы. Среди важных этапов изменения письменности в XX веке можно выделить следующие:

- 1955 г. - публикация «Первой таблицы унификации разнописей иероглифов» (第一批异体字整理表)

[15], включавшей 810 позиций. Из каждой группы разнописей, объединённых на основе принципа минимального числа черт, был выбран один стандартный знак. Всего из употребления исключили 1053 разнописи, и это был первый шаг уменьшению количества знаков, бытовавших в употреблении наравне и относившихся к одной и той же морфеме.

- 1956 г. - Госсовет КНР утвердил «План упрощения иероглифов» (汉字简化方案), подразделявшийся на три списка: два первых включали 515 упрощённых знаков, заменявших 544 традиционных, а третий содержал 54 графемы (ключа), упрощение которых влияло на все содержащие их иероглифы [16]. Основой для упрощений частично послужили японские синдзитай 新字体 («знаки новой формы»). Это было связано с тем, что в странах, использовавших китайские иероглифы 漢字, веками бытовали т.н. 俗体 «простонародные формы». Это были упрощённые формы, не принятые официально, а возникшие стихийно в народе и имевшие более простые начертания. Именно на них базировалась система упрощения японских иероглифов, поэтому именно эти формы было решено перенять в первую волну упрощений в КНР. Такой расклад, разумеется, способствовал тому, люди гораздо охотнее и легче воспринимали изменения письменности.
- 1964 г. – опубликована «Общая таблица упрощённых иероглифов» (简化字总表), зафиксировавшая 2326 упрощённых знаков. Эта публикация стала второй волной упрощения письменности. На этом этапе уже были введены в обиход новые упрощённые формы, специально разработанные государственными комитетами, а не бытовавшие в народе.
- 1988 г. – обнародована «Таблица распространённых иероглифов современного китайского языка» (现代汉语常用字表), устанавливающая перечень из 3500 знаков, разделённых на 2500 основных и 1000 менее распространённых. Эти знаки стали основой для базового владения языком [8].
- 2013 г. - принимается «Таблица общеупотребимых иероглифов стандартного написания» (通用规范汉字表), которая закрепила нормативное написание 8102 знаков, исключив разнописи из официального использования. Среди этих знаков были как те, которые претерпели изменения в ходе реформ, так и те, которые остались без изменений. В случае упрощённых – документ закреплял их нормативную послереформенную форму написания, а в случае знаков, сохранивших своё написание, не отличающееся от традиционной формы, закреплял за морфемой единственно верный знак, который должен использоваться без каких-либо разнописей.

Следует упомянуть, что этот список хотя и закрепляет определенное количество иероглифов в употреблении, он никак не ограничивает их. Поэтому в текстах на китай-

ском языке могут попадаться иероглифы, не входящие в этот список. В таком случае знак никак не подписывается, а просто остаётся в тексте, вероятно, представляя собой сложность для читающего. Это приводит к тому, что некоторые редкие знаки, не входящие в этот список, носители не знают, как прочесть и понять, однако такие иероглифы встречаются довольно редко. Их разве что можно встретить в именах, терминах, названиях мест, узкоспециализированных или древних текстах. Однако если редкий иероглиф, например, в географическом названии, встретится в официальных документах, он никак не будет отличаться от остальных: его чтение не будет подписываться алфавитом пиньинь или чжуиньцзыму. Это происходит потому, что у китайского языка, в отличие от японского, в арсенале письменности нет азбуки или дополнительного алфавита для записи сложных иероглифов. Любой иероглиф китайского языка – это равноценная морфема, которая может оказаться более или менее употребимой.

Выводы

На примере Китая мы видим, что страна, которая является родоначальницей иероглифической письменности, распространённой на территории Юго-Восточной Азии, в XX веке столкнулась с проблемой отсутствия нормы написания знаков и отсутствия чёткого понимания количества знаков, необходимых для освоения языка. Точно так же и Япония, страна, заимствовавшая эту письменность, в XX пришла к тому, что вековая письменная традиция нуждается в корректировке и кодификации. Исторические предпосылки этих процессов в обеих странах разные: в Японии сказались поражение во Второй мировой войне и внешние геополитические обстоятельства, а в Китае было основано новое государство (КНР), что требовало нововведений и улучшений. Именно иероглифическая письменность языков обеих стран стала тем объектом языкового планирования, необходимость реформирования которого была самой высокой. В Японии документы, стандартизирующие написание и количество иероглифов, стали появляться ещё в 20-ые годы, но в тот момент не были воплощены. Послевоенное упрощение написания иероглифов в Японии изначально «кроме всего прочего, отделило японскую письменность от китайской и разрушило существовавшее более тысячелетия единство иероглифического ареала» [2, 161 с.]. В Китае на официальном уровне кампания по упрощению началась только в 50-ые. Но это привело и к обратному процессу сближения систем письма, так как многие формы упрощённых иероглифов были заимствованы в китайский язык из японского, и сейчас благодаря этому определенный пласт упрощённой иероглифической лексики в китайском и японском полностью совпадает. Что касается самого количества иероглифов, находящихся на данный момент в официальном употреблении, то если в Японии мы можем назвать точную цифру, основываясь на «Реформированном списке иероглифов для ежеднев-

ного использования» 2010 г. (2136), то в Китае точное количество назвать сложно, так как данные разнятся, и несмотря на наличие документа, определяющего количество в 8102 иероглифов, нередко встречаются знаки, не входящие в это число. Это отчасти связано с тем, что в японском языке чтение не закрепленных минимумом иероглифов подписывается с помощью азбуки (фуригана), а китайский язык не располагает такой возможностью, поэтому если в китайском предложении встречается иероглиф, не входящий в официальный документ, он никак не отличается от остальных и должен читаться и пониматься в равной мере легко, как и остальные знаки. Опубликованная в 2013 г. «Таблица общеупотребимых иероглифов стандартного написания» (通用规范汉字表) была принята в основном целях стандартизации начертаний и исключения разнописей, а также для создания справочного характера, состоящего из самых употребляемых иероглифов современного нормативного китайского языка. Со своими задачами кампании по стандартизации и упрощению и в Японии, и в Китае справились успешно: реформы по сокращению иероглифов и исключению разнописей в Китае, и старых и нестандартных форм в Японии в целом были легко восприняты населением, и

не имели значительного сопротивления. Однако стоит заметить, что для описанных выше стандартизирующих документов нельзя применить термин «иероглифический минимум», так как ни один из этих документов не требует каким-либо образом выделять те знаки, которые в него не входят. Реформы японской системы письма были более комплексными и многочисленными, чем реформы, проводимые в Китае, что можно объяснить более сложной системой письма. Также они охватили и сферы, которые пока что не подверглись нормированию в Китае, например иероглифы, разрешенные к использованию в именах. В Японии большое влияние на изменение системы письма с конца XX в. оказывает компьютеризация и развитие технологических средств, все большая информатизация общества, что с одной стороны повышает технические возможности реализации и объем встречаемых в публичном пространстве иероглифов, но с другой снижает необходимость запоминания способа написания иероглифов. Можно предположить, что в обеих странах будут проводиться дальнейшие реформы с целью не столько нормирования, сколько изменения отдельных элементов системы письма для их соответствия вызовам нового информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. К вопросу о языковых реформах. // Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. История языкознания (2-е изд.). М.: ЯСК, 2017. С. 322-330.
2. Алпатов В.М. Япония: Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
3. Дыбовский А.С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 123–136.
4. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М.: Муравей-Гайд, 2000. 176 с.
5. Chen Ping. Modern Chinese: History and Sociolinguistics. Cambridge University Press, 1999. 229 pp.
6. Hardesty M.E. Language, culture, and Romaji reform: a communications policy failure of the Allied Occupation of Japan. [Dissert.] University of Minnesota, 1986. 295 pp.
7. Gottlieb N. Kanji politics. Language policy and Japanese script. London and New York: Kegan Paul International, 1995. 245 pp.
8. 王均, 当代中国的文字改革, — 北京市: 当代中国出版社, 1995 / Ван Цзюнь, Дандай чжунго дэ вэньцзыгайгэ (Реформа письменности современного Китая), — Пекин: Дандай чжунго чубаньшэ, 1995. 876 с.
9. 周有光, 汉字改革概论, — 北京: 文字改革出版社, 1979 / Чжоу Югуан, Ханьцзы гайгэ гайлунь (Общее положение о реформировании иероглифов). — Пекин: Вэньцзыгайгэ чубаньшэ, 1979. 362 с.
10. 裘锡圭, 文字学概要, — 北京市: 商务印书馆, 1988, 287 / Цю Сигуй, Вэнь Цысюэ гайяо (Краткое изложение общей теории письменности). — Пекин: Шанъу иньшугуань, 1988. 287 с.
11. 野村敏夫, 国語政策の戦後史, 東京: 大修館, 2006, 322 / Номура Тосио. Кокуго сейсаку-но сэнгоси (Послевоенная история языковой политики Японии) — Токио: Тайсюкан. 2006. 322 с.
12. Report of the United States Education Mission to Japan. [Электронный ресурс] // Tokyo: SCAP. 1946. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pur1.32754081234191&seq=3> (дата обращения 15.05.2025)
13. Список общеупотребительных иероглифов // 当用漢字表 / Tōyō kanji hyō URL: https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/syusen/tosin02/index.html (дата обращения 15.04.2025)
14. Дополнение к списку общеупотребительных иероглифов // 当用漢字別表 / Tōyō kanji beppyō. URL: https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/syusen/tosin03/index.html (дата обращения 15.04.2025)
15. Первая таблица унификации разнописей иероглифов // 第一批异体字整理表 / Diyīpī yītǐ zì zhěnglǐbiǎo. URL: http://www.china-language.gov.cn/8/2007_6_20/1_8_2513_0_1182323795875.html (дата обращения 20.05.2025)
16. 语言文字规范手册, — 北京市: 语文出版社, 1991 / Юйянь вэньцзы гуйфань шоуцэ (Нормативный справочник начертания иероглифов). — Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 1991

© Крнета Наталия (krneta@iaas.msu.ru), Бахматова Анна Дмитриевна (annabakhmatova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ЯЗЫКОВ ПРОГРАММИРОВАНИЯ»: МЕТОДОЛОГИЯ И ОПЫТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Лакомов Артём Русланович

Аспирант, Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова;

старший преподаватель РТУ МИРЭА (г. Москва)

artem_lakomov@bk.ru

ON THE SEMASIOLOGICAL STATUS OF SO-CALLED "PROGRAMMING LANGUAGES": A PHILOLOGICAL INQUIRY

A. Lakomov

Summary: The present paper challenges the long-standing technocratic view of software code as a purely utilitarian set of machine instructions. It argues for a paradigm shift, moving beyond formal structure to embrace a philological inquiry grounded in the linguistic study of meaning. At its core, the article reveals that code is a dual-plane semiotic system, functioning simultaneously as an operational text for the machine, while constituting a rich anthropocentric plane for its human developers. The study demonstrates that the latter is constructed through the principle of semantic motivation—a phenomenon illuminated by A. A. Potebnja's theory of the "inner form of the word," which explains how the conscious act of nomination embeds human intent directly into the code's structure. Ultimately, software code is re-conceptualised from a mere engineering artifact to the status of a complex linguistic object, thus advocating its analysis at the intersection of philology and the digital humanities.

Keywords: programming languages, software code, semiotics, semantics, metasemantics, semasiology, philological analysis, duality of the sign.

Аннотация: В работе предлагается новаторский филологический подход к анализу так называемых «языков программирования». Критикуя доминирующую технократическую парадигму, сводящую код к сугубо утилитарной функции, автор смещает исследовательский фокус с формальной структуры на семасиологию — учение о значении. Центральный тезис заключается в том, что программный код представляет собой двуплановую знаковую систему, одновременно существующую в операциональном (для машины) и концептуальном (для человека) измерениях. На основе детального, поэтапного разбора эмпирического материала доказывается, что ключевым механизмом формирования антропоцентрического плана кода является семантическая мотивированность его идентификаторов. Данный феномен, в свою очередь, продуктивно описывается с помощью лингвистической теории «внутренней формы слова», которая, объясняет, как осмысленный акт именования обеспечивает когнитивную прозрачность кода. Таким образом, настоящая статья утверждает статус кода как сложного лингвистического объекта, подлежащего глубокому гуманитарному анализу.

Ключевые слова: языки программирования, программный код, семиотика, семантика, метасемиотика, семасиология, филологический анализ, двуплановость знака.

Введение.

Постановка проблемы

Представляется правомерным и целесообразным начать настоящее исследование с принципиально важного в методологическом плане замечания, неминуемо возникающего на пересечении гуманитарного знания и технологической реальности. Речь идет о возможности и границах применения классического филологического инструментария к анализу артефактов, традиционно относимых к сфере точных наук. Актуальность

данного вопроса обретает особую остроту в условиях повсеместной цифровизации, когда вычислительные процессы буквально охватывают все сферы человеческой деятельности — от бытовой коммуникации до высокой науки, — ставя перед филологией¹ чрезвычайно сложные и ранее не существовавшие задачи. К их числу, несомненно, относится и сфера программирования — деятельность (или искусство) по созданию компьютерных программ с использованием особых знаковых систем, получивших в академической среде условное наименование «языков»².

¹ В настоящей работе под филологией понимается «комплексная наука, изучающая историю и выясняющая сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей» [1, с. 973].

² Термин «язык программирования» получил широкое распространение в 1950-60-х гг. с появлением первых высокоуровневых систем, таких как Фортран (от англ. **FOR**mula **TRAN**slation) и Кобол (от англ. **CO**mmon **B**usiness-**O**riented **L**anguage). Подобное наименование было, главным образом, обусловлено упрощенным сравнением с естественным языком (наличие алфавита, лексем, строгого синтаксиса), а его дальнейшему закреплению в профессиональном узусе способствовали, с одной стороны, работы Н. Хомского по теории формальных грамматик, оказавших значительное влияние на проектирование компиляторов, а с другой — фундаментальный труд Д. Кнута «Искусство программирования». Тем не менее, ни историческая укорененность, ни формальная аналогия не являются достаточным основанием для признания правомерности данной номинации. Напротив, ключевые работы по теории программирования, как правило, определяли его сущность через логико-математические и структурные, а никак не лингвистические категории [2,3]. Такое существенное противоречие между общепринятым названием и природой самого феномена объясняет необходимость в глубоком семасиологическом анализе.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что программный код, изначально созданный как технический инструмент для управления электронно-вычислительными машинами (ЭВМ), при всей кажущейся на первый взгляд «искусственности» и «формальности», в своем современном бытовании все более явственно обнаруживает признаки, традиционно приписываемые естественному человеческому языку, а именно: способность к смысловому творчеству, контекстуальная вариативность выражения, социокультурную обусловленность и даже художественно-эстетическое измерение. При этом упомянутые квазиязыковые свойства проявляются в среде, подчиненной императивам формальной логики и машинной исполняемости, что формирует уникальную семиотическую констелляцию, не имеющую прежде аналогов в истории культуры.

Концептуальное осмысление этой новой, своеобразной формы семиотической организации, возникшей в самый разгар информационной революции, становится все более очевидной необходимостью. Вместе с тем, такой основополагающий для цифровой и информационной сфер термин, как «язык программирования», прочно укоренившийся в научном и профессиональном обиходе еще в середине XX века, до сих пор не получил исчерпывающего семасиологического обоснования. Его метафорическая природа, основанная на предполагаемом структурном подобии «живому» языку, требует, с нашей точки зрения, существенных разъяснений. Подобная методологическая лакуна приводит к тому, что сложная знаковая природа кода редуцируется до сугубо утилитарной функции. Таким образом, предметом настоящего исследования выступает семасиологическая структура и валидность понятия «язык программирования» в его соотношении с понятием «естественный язык».

Теоретической основой исследования служат принципы отечественной лингвистической школы. Так, Р.А. Будагов, предостерегая от рисков чрезмерной формализации, ведущей к искажению объекта, сформулировал ключевой методологический постулат: «Не язык следует приспособлять к методам, <...> а методы должны быть пригодными для постижения специфики языка» [4, с. 39]. Следование данному принципу подразумевает недопустимость механического переноса понятийного аппарата лингвистики на феномен программного кода без критического анализа его уникальных характеристик. Дополняет этот тезис проникательное наблюдение Л.В. Щербы, который, настаивая на необходимости четкого разграничения явлений разной природы, одновременно указывал, что «в природе нигде нет абсолютных границ» [5, с. 75]. Данное положение, сформулированное для диалектологических изысканий, обнаруживает свою универсальную эвристическую ценность и для осмысления онтологического статуса пограничных феноменов. Вышесказанное позволяет заключить, что ключ к по-

ниманию современного кода следует искать именно на границе *технического* и *гуманитарного*, *формального* и *естественного*, *операционального* и *коммуникативного*.

Настоящая работа открывает цикл из четырех статей, посвященных построению системной филологической теории программного кода. Главная цель всего цикла — доказать, что современный код следует рассматривать не как примитивную сигнальную систему, а как сложное, многоуровневое семасиологическое образование, обладающее ключевыми атрибутами естественного языка. Для этого в последующих статьях будут рассмотрены: ономастические практики именования в коде и их изоморфизм с теорией антропонимических прозвищ; сложные семантико-прагматические явления (включая структурные аналоги полисемии, идиоматичность и метасемиотическую функцию комментария и интертекстуальных включений); а также диахронический процесс «лингвификации» (поступательное движение к «естественности») и становление эстетической функции кода.

Задача же первой статьи — заложить теоретико-методологический фундамент для всего исследования. В ней мы, опираясь на аппарат отечественной филологической школы и следуя строгому индуктивному принципу, пройдем путь от анализа самых базовых знаковых единиц кода — функциональной диакритики — до формулировки и доказательства центрального для всей концепции принципа семантической двуплановости и ключевого механизма его реализации — внутренней формы слова.

Критика доминирующей парадигмы: ограничения формального подхода

Следует с самого начала отметить, что в рамках настоящей работы критика доминирующей парадигмы ведётся не в общетеоретическом плане отрицания ценности формальных методов, но в русле филологического анализа, указывающего на их онтологические ограничения применительно к коду как к сложному семасиологическому феномену. С сожалением приходится констатировать, что в существующих исследованиях, посвященных так называемым «языкам программирования», невзирая на их очевидный эвристический потенциал, по-прежнему доминируют подходы, склонные к неоправданному упрощению объекта. В результате самые сложные вопросы соотношения когнитивных процессов с практикой программирования (кодирования) либо рассматриваются на основе поверхностных аналогий, либо полностью исключаются из анализа как нерелевантные для основной задачи — формальной верификации. Гуманитарные же аспекты современного кода (его укорененность в человеческой когниции; его очевидная социокультурная роль; его связь с естественным языком как инструментом общения, познания и воздей-

ствия) при этом сознательно игнорируются, а весь сопровождающий его вербальный дискурс (комментарии и документация) низводится до статуса вспомогательного, неформального артефакта.

Наиболее ярко такой редукционистский взгляд представлен в парадигме формальных методов, исторически занимающей центральное место в программной инженерии. В рамках данной традиции, представленной монументальными трудами Д. Кнута по анализу алгоритмов [6], работами П. и Р. Кузо по абстрактной интерпретации [7], а также более прикладными проектами по созданию формально верифицированных компиляторов [8] и систем продвинутого статического анализа [9], программный код трактуется преимущественно как самодостаточный, математически строгий объект, где основной фокус оказывается направлен лишь на его внутреннюю структуру, формальную семантику и доказуемые свойства.

В наиболее актуальной форме такой методологический уклон усматривается в архитектуре современных больших языковых моделях (англ. *large language models*, *LLM*), предназначенных для генерации кода (например, GitHub Copilot, Tabnine, Codium). При всех их впечатляющих технических возможностях и высокой эффективности, данные модели обучаются преимущественно по метрикам формальной корректности, в то время как идиоматичность, поддерживаемость и, что ключевое, соответствие коммуникативному замыслу разработчика остаются за пределами формализованной оценки. Ввиду этого возникает фундаментальный парадокс: система может сгенерировать синтаксически безупречный код, который при этом содержит грубую семантическую ошибку — несоответствие реальному намерению разработчика.

Может показаться, что современные языковые модели, обучаясь на огромных массивах человеческого кода, имплицитно усваивают идиоматичность и конвенции именования. Однако это усвоение носит стохастический, вероятностный характер. Модель предлагает имя (например, *calculate_total_price*) не потому, что «понимает» его внутреннюю форму и концептуальный замысел, а потому, что статистически это наиболее вероятная последовательность токенов в данном контексте. В нашем же подходе центральным является осмысленный акт номинации — сознательный выбор имени, мотивированный его будущей функцией, тогда как большие языковые модели, обученные на огромных корпусах кода, лишь имитируют результат этого акта (но не сам акт), что и приводит к семантическим ошибкам, когда формально корректный код не соответствует реальному коммуникативному замыслу разработчика. Таким образом, код до сих пор продолжает трактоваться как абстрактный, синтаксический

конструкт, но не как текст, чьим основным адресатом является человек. Показательно, что даже концепция «грамотного/литературного программирования» (англ. *literate programming*) Д. Кнута, нацеленная улучшение восприятия кода программистом, в конечном счете так же преследует инструментальную цель — повышения ясности алгоритма, но не предполагает глубокий анализ семиотического симбиоза кода и естественного языка.

Методологические основания исследования: от формальной знаковой системы к семасиологии значения

Описанные выше распространенные подходы во многом повторяют хорошо известную методологическую ошибку, свойственную ранним этапам становления и развития языковедческой науки. Речь идет о попытках свести всю сложность естественного языка к моделям простейших знаковых систем (от сигналов светофора и боя часов до азбуки Морзе) [10, с. 11], зачастую игнорируя тот факт, что язык представляет собой феномен несопоставимой сложности. Аналогичная тенденция прослеживается и в технократической парадигме, при которой код сводится лишь к формальной системе, чья сущность исчерпывается синтаксическими правилами с жестко заданной операциональной семантикой, упуская из виду его фундаментальную коммуникативную двойственность — адресованность не только машине, но и человеку.

Настоящая работа, напротив, сознательно противопоставляет себя существующему редукционизму, исходя из предпосылки, что программный код, подобно естественному языку, не может быть сведен к примитивной сигнальной системе, что продиктовывает необходимость в анализе, адекватном его коммуникативной и когнитивной сложности. Соответственно, центральная гипотеза исследования состоит в том, что языки программирования, зародившись на пересечении человеческого мышления и машинной логики, эволюционировали в сторону самобытных семасиологических систем, принципиально несводимых к совокупности чисто формальных правил. Их научное освоение требует пересмотра существующего инструментария и, что самое важное, смещения фокуса с синтаксической корректности на семантическую прозрачность.

Семасиологический подход

Опираясь на принципы, заложенные ведущими представителями отечественной филологической школы, мы проводим различие между знаковыми системами в узком смысле и сложными семасиологическими образованиями, отличающимися динамизмом и многоуров-

невой организацией³. В свете сказанного справедливым представляется избрать для нашего исследования индуктивный путь, предполагающий движение от эмпирического анализа конкретных языковых явлений в коде к теоретическим обобщениям. Данный подход позволяет не навязывать материалу априорные схемы, а выявлять его отдельные индивидуальные черты, уделяя особое внимание тем аспектам, которые игнорируются формалистскими моделями. В центре нашего внимания будут находиться процессы порождения, организации и передачи смысла различными *этическими* (объективно наблюдаемыми) и *эмическими* (функционально значимыми) единицами кода, функционирующими в рамках континуума различной степени знаковости — от простых диакритических маркеров до сложных семантических конструкций.

Этическая перспектива предполагает описание явлений с внешней, объективной точки зрения, фиксируя их физические свойства безотносительно к их роли в системе. Эмическая, напротив, рассматривает элементы с точки зрения их функции и значимости внутри данной конкретной системы. Подобное разграничение позволяет отделить существенные для системы различия от несущественных и понять «внутреннюю грамматику» кода. Конечная цель здесь заключается в понимании того, как в этой сложной диалектике объективно наблюдаемого и функционально значимого рождается значение. Предлагаемая исследовательская оптика находит свое точное выражение в фундаментальной задаче лингвистической науки, которую профессор Т.Б. Назарова, вслед за Б.Л. Уорфом, формулирует как «постоянный, непрерывный, многоплановый процесс поиска онтологии значения — *a quest for meaning*» [10, с. 12; 11, с. 73], но уже на материале цифровых знаковых систем.

Такой фокус на значении требует четкой дифференциации между двумя уровнями анализа, которые в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой разграничены как **семиология (семиотика)** и **семасиология**. Первая определяется как «наука об общих свойствах знаковых систем вообще» [12, с. 391] и рассматривает объект — будь то язык или дорожные знаки — как формальную систему, фокусируясь на структуре и конвенциональных отношениях между ее элементами. Именно такой, по своей сути семиотический, подход и доминирует в компьютерных науках, когда код анализируется преимущественно с точки зрения его фор-

мальной корректности. В противоположность этому, семасиология представляет собой «раздел языкознания, изучающий значение (содержание, внутреннюю сторону) языковых единиц» [12, с. 391]. Принятие семасиологического ракурса, закладываемого в основу данной работы, означает переключение внимания с формальной структуры на многомерное содержание. Тем самым происходит смещение исследовательской оптики с общего вопроса «как устроена эта специфическая знаковая система?» на конкретный: «какие значения (*meanings*) и какие «содержания-намерения» (*purports*) транслируются посредством её единиц?».

Следует настоятельно подчеркнуть, что предлагаемый в работе семасиологический ракурс следует отличать от других направлений гуманитарных исследований кода. Так, Лоуренс Лессиг в своей знаменитой формуле «код — это закон» исследовал его как инструмент социального регулирования [13]; работы Эрика Рэймонда посвящены социологии и антропологии сообществ разработчиков (в частности, хакерских) [14, 15]; а Шерри Тёркл анализировала психологическое влияние компьютерных технологий на человека [16]. При всей несомненной значимости этих трудов их фокус был направлен на **внешние**, социальные функции кода и его влияние на социум. Наш подход, в отличие от перечисленных, смещает оптику на его **внутреннюю**, лингвосемиотическую структуру, рассматривая не как социальный инструмент, а автономную семасиологическую систему, обладающую собственным потенциалом для смысловотворчества.

Надежным аналитическим инструментом, позволяющим операционализировать данный противоречивый феномен, выступает трехуровневая модель Т.Б. Назаровой, согласно которой в любой семасиологической системе ее ключевые уровни – семиотический (содержание знаков), семантический (способность языка «сообщать»/передавать разные содержания-намерения) и метасемиотический (способность «к воздействию» путем выражения коннотаций) – не существуют сами по себе, но находятся в состоянии неразрывного, постоянного взаимодействия [10; с. 8-14]. Более того, предложенная модель задает логику и структуру всего дальнейшего изложения, в рамках которого мы будем не просто рассматривать эти уровни по отдельности, а, что более важно, показывать на конкретных примерах, как они проникают друг в друга и работают в неразрывном единстве, доказывая тем самым диалектическую природу семиозиса в коде.

3 Данная методологическая позиция четко выражается в работах профессора Московского Государственного Университета Т. Б. Назаровой, которая последовательно критикует рассмотрение языка как априорной знаковой системы и противопоставляет ему эмпирический филологический подход. По ее мнению, семиотические свойства не должны «накладываться» на язык как «универсальный футляр»; их следует «плановмерно и последовательно» выводить из «сложной, противоречивой и изменчивой эмпирической реальности» речевой деятельности. Именно такой подход позволяет избежать растворения специфики исследуемого явления в абстрактных схемах «общей семиотики» и сосредоточиться на поиске значения («*a quest for meaning*»), укорененного в конкретной культурной и когнитивной практике. [10, с. 11-14.]. Применительно к нашему исследованию это означает отказ от рассмотрения кода как формальной системы *per se* и переход к анализу того, как он в реальной практике приобретает знаковые свойства, сближающие его с живым языком.

Материалы исследования и принципы их филологического анализа

Эмпирическую базу исследования составили программные тексты на различных языках программирования (Python, Perl, Ruby и др.). В зависимости от задачи использовались два типа примеров. Для демонстрации фундаментальных синтаксических и стилистических явлений применялись синтетические, специально сконструированные фрагменты, обеспечивающие максимальную наглядность. При анализе семантических, прагматических и культурных аспектов (например, интертекстуальности и реализации метасемиотической функции) привлекались аутентичные программные артефакты. Основной корпус таких материалов был отобран из публичных репозиторий программного обеспечения (ПО), размещенных на веб-сервисе для хостинга GitHub, а также из архива работ на платформе для творческого программирования (Dwitter.net). Дополнительно в качестве источников приводились канонические примеры кода из классических трудов по информатике и программированию. Привлечение аутентичных артефактов позволяет верифицировать реальное бытование изучаемых феноменов в коммуникативной практике разработчиков и проанализировать их функционирование в естественном контексте.

Принципиально важно, что все представляемые в статьях «цитаты» из программных текстов на языках Python, Perl, Ruby и др. рассматриваются не как технические иллюстрации, а в качестве первоисточника, подлежащего филологическому анализу. Исследовать лингвосемиотические особенности кода без его прямого цитирования было бы в той же мере методологически несостоятельно, в какой, например, несостоятельно изучение поэтики Шекспира в отрыве от его сонетов и драм. На материале этих фрагментов, подобно тому, как филолог-литературовед, работая в строгих канонических рамках сонета (размер, рифму), изучает его способы и механизмы порождения смысла, так и мы, исследуя прескриптивную грамматику и синтаксические ограничения кода, выявляем его семантические, стилистические и риторические возможности. Прямой анализ самого кода, таким образом, формирует эмпирический фундамент и служит доказательной базой настоящего исследования. Для обеспечения верифицируемости все приводимые примеры сопровождаются ссылками на источник.

Диалектика замысла и исполнения как центральный тезис работы.

Вместе с тем нельзя не отметить, что фундаментальное различие между многозначностью естественного языка и требованием детерминированности машинного кода нередко выдвигается как основное возражение против лингвистического подхода. Однако это различие составляет не опровержение, а ключевое диалектическое противоречие, выступающее движущей силой эволюции языков программирования. Необходимость разрешить этот конфликт – согласовать гибкость и многоплановость человеческого мышления с формальной строгостью исполнительской среды – и приводит к формированию целого комплекса «лингвистических» средств (от синтаксического сахара⁴ до идиоматических конвенций). Изучение функционирования подобных механизмов, поддерживающих изоморфизм между концептуальным (антропоцентрическим) и операциональным (машиноцентричным) семантическими планами, является центральной задачей последующих разделов.

Семиотический уровень: функциональная диакритика и операторы как элементарные носители значения

Начальной ступенью семасиологического подхода является рассмотрение всех базовых единиц кода, формирующих синтаксический каркас программного «высказывания». Данные гетерогенные элементы, обладая статусом эмических категорий, то есть функционально значимых для системы различий, образуют внутри кода сложную знаковую подсистему.

Наиболее многочисленную группу в структуре кода составляют служебные символы, которые по своей функции могут быть определены как диакритические. В рамках данного анализа этот термин используется в расширенном смысле для обозначения знаков, которые, будучи лишены самостоятельного предметного содержания, выполняют ключевую смысловоразличительную и структурирующую функцию. Если в естественном языке диакритика обеспечивает в основном вертикальную сегментацию и горизонтальную стратификацию текста, в программном коде ее функциональный спектр выглядит несколько сложнее, что позволяет выделить как минимум три фундаментально различные категории таких знаков. К первой относятся знаки синтагматической сег-

4 Термин «синтаксический сахар» (англ. syntactic sugar) был введен в научный оборот П. Дж. Ландином. Под ним понимают элементы синтаксиса, которые не расширяют выразительных возможностей языка на фундаментальном уровне, но предлагают более лаконичную или интуитивно понятную форму записи для существующих конструкций. В лингвистическом плане данный механизм аналогичен явлению стяжения, когда более сложная грамматическая конструкция заменяется сокращенной формой без потери семантического ядра (ср. англ. *do not* → *don't*). Таким образом, данная концепция является одним из ключевых инструментов разрешения противоречия между формальной строгостью машинной логики и гибкостью человеческого мышления, что мы в настоящей работе будем рассматривать как примеры проявления единого процесса динамической «лингвификации» кода, то есть его постепенного, но неуклонного движения к естественности.

ментации, обеспечивающие членение линейного потока кода на дискретные, логически завершённые единицы: точка с запятой (;), фигурные скобки ({}), а также операторы начала и конца блока (например, `begin/end` в языке). Их функция заключается в маркировке границ (своего рода «синтаксических цезур»), необходимых для корректной машинной интерпретации алгоритма. Вторую категорию образуют знаки иерархической стратификации, которые формируют в разноплановой структуре кода дополнительные семантические измерения. При этом важно различать природу создаваемых иерархий. Так, круглые скобки (()) организуют вложенность внутри самого потока команд, создавая локальную зону приоритетных вычислений, но оставаясь неотъемлемой частью операциональной логики. Кавычки (« или »), напротив, осуществляют операцию семантического выведения: они сигнализируют о том, что за этим знаком следует особый онтологический регион — строковый литерал, устанавливая его границы для нечеловеческого интерпретатора. Заключённая в них последовательность символов перестаёт быть исполняемой инструкцией и низводится до статуса пассивных данных, объекта для последующих манипуляций. Таким образом, эти знаки не просто упорядочивают линейную запись, но конструируют многомерную семантическую топологию кода, где сосуществуют зоны с различным онтологическим статусом. Наконец, особую, третью категорию формируют знаки семиотического исключения (например, `#`, `//`, `/*...*/`), чья функция направлена на прямо противоположное действие: они маркируют область кода, предназначенную исключительно для человеческого восприятия и игнорируемую машинным интерпретатором. Их уникальность состоит в том, что такие символы структурируют код не для машины, а для человека, создавая в нём области особых знаковых отношений, обладающие собственной риторической и прагматической нагрузкой для читателя-человека. Такое переключение семиотических режимов в зависимости от адресата демонстрирует принципиальную подвижность границ знака в коде и его способность к созданию многоуровневых смысловых конструкций.

Иную, хотя и смежную, группу знаков базового уровня составляют операторы (+, -, =, >). В отличие от чистой диакритики, они не просто разграничивают или структурируют код, но и сами обозначают действие, обладая инвариантным семантическим содержанием — обобщённым значением, которое остаётся неизменяемым при употреблении в различных контекстах (например, «сложение», «сравнение», «присваивание»). Так, занимая пограничное положение между служебными и полноценными единицами, операторы являются «элементарными глаголами» данной системы, то есть носителями определённых операциональных значений. Они напрямую транслируют концептуальное действие, задуманное человеком, в конкретную машинную операцию над

объектами-операндами, выступая первичным мостом между планом замысла и планом исполнения.

Синтаксизация пространства: восхождение от диакритики к семантике

Показательным примером восхождения от диакритического уровня к семантическому служит феномен, который можно определить как *синтаксизацию пространства*. Чтобы продемонстрировать его на эмпирическом материале, рассмотрим два минимальных по своей структуре фрагмента кода на языке Python.

Пример 1. Синтаксически корректная конструкция:

```
if temperature < 0:
    print("Warning: Risk of freezing.")
```

Результат: команда будет исполнена, так как код структурно корректен, то есть правильно оформлен с помощью отступов и находится внутри блока `if`.

Пример 2. Синтаксическая ошибка вследствие нарушения отступа:

```
if temperature < 0:
    print("Warning: Risk of freezing.")
```

Результат: при исполнении кода интерпретатор Python, дойдя до строки с `print`, обнаружит синтаксическое нарушение. В тот же момент он остановит трансляцию программы, а в среде его выполнения (на системной консоли или терминале) выведет сообщение об ошибке, которое часто включает её тип, описание, а также номер строки, где она произошла (например, `IndentationError: expected an indented block`).

В подавляющем большинстве языков программирования наличие или отсутствие пробелов перед командой `print` (Пример 2) было бы вопросом стиля, поскольку пространственные элементы (пробелы, переносы строк) выполняют лишь декоративно-разделительную, по сути, метасемиотическую функцию: они улучшают читаемость кода, но не влияют на логику исполнения программы. В языке Python, напротив, происходит качественная трансформация. В Примере 1 отступ (четыре пробела) является не простым стилистическим украшением, а полноценным синтаксическим оператором, который помещает команду `print` внутрь логического блока `if`, создавая тем самым семантическую связь (команда будет исполнена только при истинности условия `temperature < 0`).

В Примере 2 отсутствие этого диакритического маркера разрушает синтаксическую структуру. Интерпретатор не просто игнорирует форматирование — он генерирует ошибку (`IndentationError`), поскольку ожидаемый логический блок не был визуально оформлен. Таким образом, сугубо графический элемент наделяется грамма-

тической функцией, формируя новый, дополнительный семантический уровень, где операциональный смысл и сама возможность существования программного блока становятся производными от его визуальной организации. Данный феномен наглядно демонстрирует, как изменения на диакритическом уровне (способе визуального оформления) непосредственно конституируют семантическую определенность.

Таким образом, этический анализ зафиксировал бы наличие четырёх пробелов в начале строки кода просто как факт визуального оформления, не придавая этому никакого внутреннего значения для системы. В языке Python те же четыре пробела перестают быть просто отступом (этический факт) и становятся этической единицей — синтаксическим оператором, который создаёт вложенный блок и меняет логику исполнения программы, а само отсутствие этого отступа вызовет ошибку (*IndentationError*). Таким образом, в большинстве языков (C++, Java) отступ — это лишь этический факт, важный для стиля, но не для компилятора. В языке Python, напротив, этот же этический факт (наличие пробелов) наделяется важнейшей этической функцией, становясь частью грамматики языка.

Лексический уровень: семантическая модификация и практики наименования как многоуровневый коммуникативный инструмент

Переход к полноценной семантике наиболее отчетливо проявляется на лексическом уровне – при анализе лексем, обладающих собственным предметным значением. Такими единицами в коде являются имена переменных, функций, классов и модулей (например, *user_id*, *calculate_total_price*, *HttpRequest*), служащие для номинации ключевых сущностей и абстракций предметной области (например, имени пользователя, цены заказа или HTTP-запроса).

Рассмотрим частный, но показательный феномен из практики программирования на языке Python – конвенцию именования с использованием префикса-подчеркивания, например, в идентификаторе «*_value*». Для интерпретатора языка этот префикс синтаксически нейтрален и не несет операционального значения, однако для программиста он является значимым маркером, который присоединяются к лексемам и становятся частью их значения. В ходе семасиологического анализа данного феномена целесообразно выделить три ключевых уровня знака, которые можно описать как неразрывное и «взаимообусловленное» единство семантики, семиотики и метасемиотики:

- 1. ядро лексического значения:** лексема *value* обладает своим прямым предметным содержанием («значение») и описывает семантику хранимых данных.

- 2. конвенциональный семиотический маркер:** синтаксический элемент (префикс «*_*») будучи синтаксически незначимым для интерпретатора, функционирует как прагматическая помета, аналогичная словарной. Согласно конвенции PEP 8, он приписывает лексеме дополнительный семантический компонент: сигнализирует о том, что данный атрибут «предназначен для внутреннего использования». Таким образом, лексическое значение идентификатора *_value* для программиста — это уже не просто «значение», а «внутреннее, служебное значение, не являющееся частью публичного интерфейса».

- 3. метасемиотический эффект:** этот подлинный эффект, однако, возникает из последовательного и системного применения лексем с данной пометой в рамках класса или модуля. Он формирует для читателя-программиста целостное метасообщение о продуманности архитектуры объекта. Автор кода не просто реализует функциональность, он имплицитно сообщает: «Границы данного объекта осмыслены; определен его публичный интерфейс и внутренняя, служебная часть, прямое вмешательство в которую не предполагается».

Детальный разбор показывает, что простейший графический маркер, интегрируясь в лексему, кардинально модифицирует ее значение, превращая ее в носителя сложного архитектурного смысла и в инструмент регулирования социального взаимодействия. Данный пример позволяет сформулировать более общий тезис: лексические единицы в коде функционируют как многоуровневая знаковая система. Они не столько номинируют сущности, сколько служат для передачи сложных метасообщений о структуре и ожидаемых способах взаимодействия с кодом, адресованных исключительно другому члену профессионального сообщества. Таким образом, детальный разбор показывает, что простейший синтаксический маркер, лишенный собственного операционального значения для машины, интегрируясь в лексему, модифицирует ее лексическое значение, превращая его в носителя сложного архитектурного смысла и инструмент регулирования социального взаимодействия программистов.

Возвращаясь к обсуждаемому феномену, имя в коде функционирует на трех взаимосвязанных уровнях: оно не только сохраняет семантическую связь с языком-источником, обеспечивая ясность кода на лексическом уровне, но также и функционирует как вторичная знаковая система со своими правилами собственными употреблением для передачи сложных метасообщений о структуре и ожидаемых способах взаимодействия с кодом, которые адресованы исключительно другому члену профессионального сообщества. Другими словами, практики именования создают невидимый, но считыва-

емый профессионалом слой смысла, который неоспоримо свидетельствует о намерениях автора и ожидаемом способе взаимодействия с кодом и представляет собой показательный случай метакоммуникации, встроенной в синтаксис и узус языка.

Этот принцип многоуровневой организации смысла не является исключительной особенностью префиксных конвенций. Он проявляется и в процессе заимствования лексики из естественных языков (преимущественно английского), однако ее исходное содержание не устраняется, а специфицируется и доопределяется в рамках новой системы. Так, лексема *list* («список») сохраняя общую идею перечня, в языке Python обозначает конкретную изменяемую упорядоченную структуру данных с определенным набором операций. Слово *thread* («нить») преобразуется в термин, обозначающий независимый поток выполнения команд, а *string* («строка»), поддерживая внутреннюю согласованность с «вещественным» содержанием понятия вереницы отсылает к конкретному типу данных с присущим ему набором операций.

Более того, знаковые подсистемы формируются даже на уровне графического оформления составных идентификаторов. Такие практики, как *CamelCase* (напр., *GradeReport*) и *snake_case* (напр., *get_grade_report*), позволяют формировать из отдельных лексем составные идентификаторы, которые считываются как осмысленные фразы. Основная цель здесь заключается в повышении читаемости и снижении когнитивной нагрузки при декодировании назначения переменной или функции. В коде эта сложная взаимосвязь семантических (что имя означает) и семиотических (как оно встроено в систему конвенций) характеристик становится принципиальным фактором, обеспечивающим не только формальную корректность, но и коммуникативную состоятельность программы. Примечательно, что на синтаксическом уровне эмический статус этих единиц также является значимым. В чувствительном к регистру языке, как Python, имена *user_list* и *User_List* являются двумя разными, нетождественными эмическими единицами, поскольку система их различает. В языке, нечувствительном к регистру (как SQL), это были бы лишь стилистические варианты (аллографы) одной и той же лексической единицы.

Семантическая двуплановость и внутренняя форма программного кода: анализ концептуального и операционного планов

Учитывая вышесказанное, нельзя не отметить, что любой фрагмент программного кода допускает как минимум два прочтения. Первое — операциональное, со-

ответствующее той самой доминирующей технократической парадигме, которую мы подробно раскритиковали во введении. В этой оптике код — лишь набор формальных инструкций для машины, а его «смысл» полностью исчерпывается результатом вычислений. С этой точки зрения, представленный ниже фрагмент кода на языке Python⁵ — это не более чем корректный алгоритм для расчета академической успеваемости.

Однако существует и второе, семасиологическое прочтение, которое и является предметом нашего филологического анализа. В этой перспективе тот же самый текст предстает как сложное, концептуально насыщенное высказывание, адресованное в первую очередь человеку. Именно это прочтение позволяет нам задать главный исследовательский вопрос: какими средствами в строго детерминированной системе создается второй, направленный на человеческое понимание, семантический план, и каким образом он может быть связан с классическими механизмами языка? Для ответа на этот вопрос мы проведем детальный анализ предложенного фрагмента, чтобы на его основе сформулировать принцип семантической двуплановости и продемонстрировать его глубинную связь с теорией внутренней формы слова. Обратимся к материалу [17]:

```
def get_grade_report(self) -> GradeReport:
    """Generates a grade report for a student."""
    grade_report = GradeReport(self)
    for category in self.categories.values():
        assignments_in_category = list(assignment for assignment in self.assignments.values() if assignment.category == category)
        category_numerator = 0.0 # Category-weighted grades on assignments
        category_denominator = 0.0 # Total assignment weights
        # Calculate category denominator first.
        for assignment in assignments_in_category:
            grade = self.assignments[assignment.name].grade
            if not grade.dropped:
                category_denominator += assignment.weight
        # Calculate category numerator and create AssignmentEntry objects.
        for assignment in assignments_in_category:
            grade = self.assignments[assignment.name].grade
            assignment_adjusted_grade = grade.get_score() / assignment.score_possible
            if not grade.dropped:
                category_numerator += assignment_adjusted_grade * assignment.weight
        return grade_report
```

Первичное прочтение данного отрывка позволяет за-

⁵ Сам выбор языка Python для анализа неслучаен. Его философия, выраженная в «Дзене Питона» (The Zen of Python), четко постулирует: «Читаемость имеет значение» (Readability counts). Таким образом, язык на идеологическом уровне буквально подталкивает разработчика к созданию прозрачного концептуального плана, превращая его из опционального удобства в неотъемлемую часть качественного кода, что и делает данный пример столь показательным.

ключить, что его главная цель — это корректный расчет академической успеваемости. В этой оптике код — лишь набор формальных инструкций для машины: логика алгоритма кажется прозрачной, а его «смысл» полностью исчерпывается результатом вычислений (его операциональной функцией)⁶. Тем не менее последующий, более детальный «филологический» разбор выявляет наличие второго, дополнительного концептуального плана, адресованного уже не машине, а человеку.

Рассмотрим это наблюдение для начала на уровне отдельных лексем. Для интерпретатора или компилятора такие имена, как *grade_report*, *category_numerator*, *assignment_adjusted_grade* представляют собой простые ячейки памяти, где хранится число с плавающей точкой и с которым производятся строго формализованные операции (инициализация нулем, инкремент). В то же время для разработчика, взаимодействующего с кодом, эти лексические единицы означают нечто более осознанное: «отчет об успеваемости», «числитель для категории», «скорректированная оценка за задание». Следовательно, они кодируют концепты, отражая исходный замысел и логику конкретной предметной области, так как разработчик при написании кода оперирует не ячейками памяти, а сущностями из решаемой задачи.

Подобная дихотомия восприятия — машинноцентричного и антропоцентрического — в данном контексте оказывается фундаментальной. В рамках настоящего исследования мы определяем ее как семантическую двуплановость программного кода, то есть одновременное сосуществование строгого, формализованного, ориентированного на машину операционального плана и богатого, ориентированного на человека концептуального плана. Данное понятие, отталкиваясь от традиционной дихотомии значения и его материальной формы, представляет собой частный, но наиболее яркий случай «**прагматической бифуркации**» — фундаментального принципа цифрового семиозиса, заключающегося в имманентной двойной прагматической направленности знака на человека-интерпретатора и машину-исполнителя [18].

Чтобы глубже понять природу этого явления, целесообразно обратиться к аппарату классической семиотики и структурной лингвистики, которые десятилетиями изучали дуальные отношения в различных знаковых системах. Вслед за Л. Ельмслевом, в языковом знаке различают план выражения и план содержания [19]; последний традиционно подразделяется на интенционал — совокупность признаков, составляющих понятийное ядро

лексем (т.е. «что она значит»), — и экстенционал — класс объектов, к которым данная лексема может отсылать (т.е. «что она может обозначать»).

Уникальность программного кода как знаковой системы состоит в том, что он фундаментально переосмысливает и формализует отношение между этими двумя различными, хотя и взаимосвязанными аспектами. Операциональный план, ориентированный на машину-исполнителя, можно соотнести с экстенционалом кода. Если в естественном языке экстенционал — это потенциальное множество объектов в реальном мире, то в коде — это множество всех допустимых вычислительных состояний и переходов, которые могут быть произведены данной конструкцией. Конкретная исполняемая операция (референт) является лишь одной из реализаций этого множества. Этот план отвечает на вопрос «что данный код *делает*?». Концептуальный же план, адресованный человеку, отражает исходный замысел, структуру предметной области и логику решения задачи; он соответствует интенционалу кода — совокупности признаков, составляющих понятийное ядро лексем для взаимодействующего с ним программиста. Это, в свою очередь, предполагает ответ на вопрос «что данный код *значит*?». Программист считает *category_numerator* не как ячейку памяти, а как «числитель для расчета взвешенной оценки по категории» — то есть воспринимает весь набор его концептуальных признаков.

Можно возразить, что концептуальный план субъективен и зависит от конкретного программиста. Однако, подобно тому как в естественном языке существуют общепринятые коннотации, в программировании формируются устоявшиеся конвенции/соглашения (идиомы) и паттерны проектирования, создающие интересующее концептуальное поле. В этом поле семантика не задана раз и навсегда, а прорастает из узуса профессионального сообщества, превращаясь в разделяемый всеми культурный код. Код становится понятным не потому, что один гений понял другого, а потому, что оба принадлежат к одной культуре программирования и разделяют общий концептуальный аппарат

Возвращаясь к анализируемому фрагменту, следует добавить, что каждая его строка функционирует в двух различных, но взаимосвязанных регистрах. С одной стороны, она имеет **операциональную семантику**, необходимую для корректного исполнения кода на экстенциональном уровне. Например, выражение *category_numerator += assignment_adjusted_grade * assignment_weight* означает для интерпретатора Python следую-

6 Здесь и далее под «машиной» понимается её программная эмуляция — интерпретатор или компилятор. Строго говоря, взаимодействие программиста происходит не с аппаратным обеспечением, а с этой сложной опосредующей знаковой системой, которая сама является текстом, созданным человеком. Таким образом, взаимодействие в коде является, по сути, диалогом между двумя текстами разного уровня, а операциональный план кода, соответственно, представляет собой текст, предназначенный для чтения другим текстом

щую последовательность машинных операций: получить значение переменной *assignment_adjusted_grade* атрибута *weight* из объекта *assignment*; перемножить их; прибавить полученный результат к текущему значению переменной *category_numerator*; сохранить итог в переменной *category_numerator*. Данная формальная операция представляет собой одну из множества возможных реализаций данного экстенционала, поскольку с другими значениями переменных она породила бы другой референт и, соответственно, другой результат вычисления. С другой стороны, тот же фрагмент обладает **концептуальной семантикой**, служащей для коммуникации между разработчиками. Эта форма семантики соотносится уже не с машинными операциями, а с понятиями предметной области — в данном случае с логикой подсчета академической успеваемости. Имена переменных (*category_numerator*), функций (*get_grade_report*), комментарии и сама структура алгоритма формируют богатое интенциональное поле. Для программиста, читающего код, упомянутая строка означает: «увеличить итоговый балл по категории на взвешенную оценку за задание». Это осмысленное предложение, будучи частью логики общего повествования расчета успеваемости, выступает первичным именно для когнитивной обработки кода человеком.

Постулированная семантическая двупланность проявляется на нескольких уровнях. На уровне документации строка (англ. *docstring*) «*Generates a grade report for a student.*» является чистым элементом концептуального плана, так как полностью игнорируется интерпретатором в ходе исполнения и не несет операциональной семантики. Еще более яркий пример — сама сигнатура функции *def get_grade_report(self) -> GradeReport;*, чья аннотация типа имеет нулевое значение для интерпретатора, а ее единственная цель — существовать в концептуальном плане, сообщая человеку о типе возвращаемого объекта. Она сообщает читающему код программисту (и помогающим ему статическим анализаторам), что результатом работы функции должен быть объект типа *GradeReport*. Существенно, что подобные элементы имплантированы непосредственно в синтаксис языка и служат исключительно для когнитивной ясности. Комментарии-пояснения (*# Calculate category denominator first*) функционируют как «авторские ремарки» или глоссы на полях. Они вербализуют не то, что делает строка кода (это видно из самой строки), а то, почему она это делает в данном месте, раскрывая стратегию и последовательность мысли разработчика. Наконец, концептуальный план воплощается даже на невербальном, структурном уровне. Так, решение автора сначала полностью рассчитать знаменатель (*category_denominator*) в одном цикле, и лишь потом, во втором цикле, вычислять числитель, продиктовано не соображениями производительности (оба расчета можно было бы совместить в одном цикле), а стремлением к когнитивной ясности для человека.

Таким образом, одна и та же синтаксическая конструкция одновременно является и носителем человеческого смысла (интенционал), и генератором машинных операций (экстенционал), а их концептуально-мотивированное единство и определяет качество кода. Важность такого гармоничного симбиоза становится особенно очевидной при анализе патологических случаев. В обфусцированном коде концептуальный план намеренно разрушается: имена переменных (*a*, *b*, *c*) лишаются внутренней формы, а структура алгоритма запутывается. Такой код, оставаясь операционально корректным (машина его исполняет), становится практически непроницаемым для человеческого понимания, превращаясь в «чистый экстенционал». В свою очередь, это доказывает, что именно концептуальный план является ключом к когнитивной обработке кода.

Внутренняя форма слова как механизм смысловорчества

Наблюдаемый феномен — наличие у знака «человеческого» концептуального слоя, который *мотивирует* его форму и делает ее понятной, — находит прямое соответствие в лингвистической теории. По своей функции он точно соответствует тому, что в традиции, восходящей к А. А. Потебне, называют **«внутренней формой слова» (ВФС)** [20-23]. ВФС относится к полному значению, как часть к целому. Например, ВФС лексемы *category_numerator* абсолютно прозрачна для носителя английского языка, так как прямо указывает на его составные части («числитель (*numerator*)» для «категории (*category*)»), тогда как его полное концептуальное значение включает его тип данных, область видимости и функциональную роль во всей программной архитектуре. В свою очередь, имя *assignment_adjusted_grade*, обозначающая «оценку (*grade*), скорректированную (*adjusted*) для задания (*assignment*)», напрямую мотивировано своей математической функцией в рамках предметной области.

Теоретический аппарат Потебни позволяет описать и более сложные структурные отношения. Его тезис о том, что в словообразовательном ряду «всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» находит прямое подтверждение в организации кода, где общие компоненты идентификаторов, функционирующие по аналогии с корневыми морфемами, образуют настоящие «словообразовательные гнезда» [22, с. 120]. Как в русском языке корень *-стл-* задает семантическое поле для слов «стол», «стелить», «постель», так и в коде «корень» *category* формирует семантическое гнездо из переменных: «*category_numerator*», «*category_denominator*», «*assignments_in_category*». Внутри такого гнезда «корень» *category* выступает той самой внутренней формой, которая обеспечивает семантическую связность и позволяет вывести значение целого (например, *category_numerator* — «числитель для категории») из значений его частей.

Более того, подобно тому как в естественном языке ВФС может обладать разной степенью прозрачности (ср., «подснежник» и «тюльпан»; «подоконник» и «окно»), так и в программном коде его концептуальный замысел может быть либо эксплицитно выражен через осмысленные идентификаторы (например, *get_grade_report*), либо скрыт за непрозрачным, формальным наименованием (например, *f1*, *var2*), связь которых с их функцией в программе произвольна. Хотя для машины имя функции безразлично, для человека-читателя это ключевой акт номинации, обеспечивающий логико-семантическую связность всей программы. Это полностью соответствует языковому принципу мотивированности, который, по А. И. Смирницкому, сосуществует с противоположным ему принципом условности [24].

На первый взгляд, наш акцент на мотивированности знака в коде вступает в противоречие с фундаментальным для лингвистики XX века принципом произвольности языкового знака. Однако именно в этом и заключается уникальность кода как семиотической системы. Если в естественном языке связь между означающим (звучанием слова «стол») и означаемым (понятием стола) исторически случайна и немотивирована, то в программировании акт именования (*get_grade_report*) является сознательным ономастическим актом. Программист целенаправленно выбирает означающее, чья внутренняя форма максимально произвольно и прямо отражает означаемое (действие, которое выполняет функция). Таким образом, создание концептуального плана кода — это процесс сознательного преодоления произвольности в пользу мотивированности ради когнитивной прозрачности.

Последний проявляется в непрозрачных наименованиях (*f1*, *var2*), связь которых с их функцией произвольна. Идеалом, или, как указывают исследователи, условием «языкового совершенства» [25, с. 103], является такая мотивированность, которая «вскрывает сущность самого понятия», обеспечивая его «наглядность» и «самостоятельную понятность» [26, с. 76]. Данное требование максимальной содержательной мотивированности, являясь ключевым для научно-технической терминологии, приобретает особую актуальность применительно к программному коду, где точность и недвусмысленность являются залогом функциональности и поддерживаемости системы. При этом, признавая наличие разных подходов к явлению мотивированности в лингвистике, для нашего исследования наибольшую релевантность представляет не столько все значение целиком, сколько именно тот аспект ВФС, который объясняет, почему знак устроен так, а не иначе, и как он служит для указания на обозначаемую реальность, связывая материальную оболочку (в нашем случае, текст *category_numerator*) с концептуальным содержанием (идея числителя для итоговой оценки). Эта объяснительная сила проявляется на всех уровнях:

на уровне отдельных лексем, где анализ должен исходить из холистического принципа (так, мотивированной является вся единица *assignment_adjusted_grade*, а ее компоненты — *assignment*, *adjusted*, *grade* — выступают как совокупные мотивирующие части), и на уровне целых систем («словообразовательных гнезд»). В то же время, как и в естественном языке, мотивированность идентификаторов в коде не всегда является абсолютной. А.И. Смирницкий, анализируя слово «blackboard», указывал на ограничивающую роль идиоматичности [24]. Подобный феномен наблюдается и в программировании. Аналогичным образом, идентификаторы вроде *utils*, *fix_encoding_bug* или *process_queue_v2* обладают ясной внутренней формой, но их полное и точное значение зачастую идиоматично и раскрывается только в рамках конкретного проекта или даже его определенной версии. Следовательно, степень прозрачности ВФС определяется не только ее этимологической структурой, но и прагматическими факторами, связанными с контекстом разработки. Так, в современной трактовке О.И. Блиновой, развивающей идеи Потемби, ВФС функционирует как «знак знака», мотивируя его выбор [27]. Действительно, имя *category_numerator* является знаком, который, в свою очередь, указывает на свою роль и смысл в общей логике программы.

Типология мотивированности

Чтобы упорядочить эту сложную картину и создать строгий инструмент анализа, необходимо ввести формальную классификацию типов мотивированности. Предложенный в работе анализ фундирован многоуровневой типологией, позволяющей преодолеть известную терминологическую неоднозначность [25]. Следуя данной классификации, мы разграничиваем несколько типов мотивированности идентификаторов в программном коде. **Знаковая (семиотическая) мотивированность** присуща любому валидному идентификатору (напр., *f1*, *var*, *counter_a*) в силу его включенности в синтаксическую и функциональную систему программы. **Формальная (словообразовательная) мотивированность** проявляется в структурно-прозрачных именах с ясной внутренней формой (напр., *calculate_final_score*). Наибольший же интерес для оценки качества кода представляет **содержательная (интенциональная) мотивированность** (напр., *assignment_adjusted_grade*), понимаемая как степень соответствия и аналогии между внутренней формой имени и его полным концептуальным содержанием в программе. Так, она выступает не только как структурная характеристика, но и как мера качества наименования, отражая то «количество информации, заключенной во внутренней форме, которое нашло отражение в соответствующем значении» [25, с. 103].

Важно понимать, что концептуальная семантика не воз-

никает спонтанно; она целенаправленно конструируется автором кода с помощью средств, избыточных с сугубо технической точки зрения. Такой процесс по своей сути является ономаσιологическим актом – созданием нового знака, мотивированного его будущим значением. Здесь в полной мере проявляется билатеральная природа ВФС: материальный компонент (последовательность символов *get_grade_report*) неразрывно связан с идеальным (концепт «получения отчета об оценках» в сознании разработчика). Процесс же чтения и понимания этого кода другим программистом, реконструирующим авторский замысел (его содержание-намерение) на основе внутренней формы имен идентификаторов, является актом семасиологическим.

Такое сосуществование в сознании программиста двух планов — формально-операционального и концептуально-содержательного — находит удачную метафорическую параллель в концепции «языкового двуязычия» Л.В. Щербы [28, с. 313–318]. Программист вынужден одновременно «говорить» на двух языках: на языке строгих машинных инструкций и на языке понятий предметной области. Процесс написания кода, таким образом, сродни художественному переводу. Программист «переводит» замысел из предметной области (выраженный на естественном языке и в виде абстрактных понятий) на формальный язык машины. Качественный перевод — это не дословная передача, а создание на «языке перевода» текста, который адекватно воспроизводит смысл, структуру и даже эстетику оригинала. Точно так же хороший код не просто работает (операциональный план), но и ясно передает исходный замысел другому человеку (концептуальный план). Акт именования в этом процессе является ключевым переводческим решением.

Изложенное позволяет заключить, что система именования в программном коде представляет собой не произвольную условность, а сложный коммуникативный феномен. Его структура и функционирование не только успешно описываются, но и продуктивно анализируются с помощью лингвистической теории знака, что возвращает нас к метафоре двуязычия, в рамках которого и создается код. Закономерным итогом становится тот факт, что сегодня код должен восприниматься не как однородная последовательность формальных знаков или команд, как его представляют сторонники сугубо технократического подхода к программированию, а как сложное семасиологическое образование, требующее для своего понимания компетенций в обеих языковых системах.

Таким образом, семантическая двуплановость — это не просто свойство удобочитаемого кода, а его фундаментальная онтологическая характеристика. Она позволяет перекинуть мост от гуманитарного знания о знаковых системах к инженерной практике программирования. Дальнейшие исследования могли бы изучить, как этот баланс между планами меняется в зависимости от парадигмы программирования (сравнивая, к примеру, декларативный SQL и императивный C) или как он влияет на когнитивную нагрузку при разработке сложных систем. Понимание кода как двупланового артефакта открывает дорогу к созданию не только более эффективных, но и по-настоящему «естественных» языков и инструментов разработки.

Заключение

В настоящей статье заложен теоретико-методологический фундамент для семасиологического анализа программного кода. На примере целостного фрагмента был эмпирически доказан центральный тезис работы: код представляет собой двуплановую знаковую систему, существующую одновременно в операциональном (для машины) и концептуальном (для человека) измерениях. Установлено, что ключевым механизмом формирования этого «человеческого» плана является семантическая мотивированность идентификаторов, продуктивно описываемая через теорию внутренней формы слова А.А. Потебни. Таким образом, мы утвердили код в статусе сложного лингвистического объекта, подлежащего глубокому филологическому анализу, и продемонстрировали, что в основе его понятности лежит акт осмысленной номинации.

Однако, установив фундаментальную важность акта именования, мы с неизбежностью приходим к новому, более глубокому вопросу: каким законам подчиняется этот базовый акт языкового творчества? Является ли выбор имени (напр., *Heisenbug* или *godObject*) произвольным или он следует универсальным когнитивным моделям, общим для всех человеческих коллективов? Ответ на этот вопрос лежит за пределами общей лингвистики текста и требует обращения к специальной дисциплине — ономастике. В следующей статье нашего цикла будет представлен детальный ономастический анализ идентификаторов и, с применением уникального аппарата теории антропонимических прозвищ, будет доказано, что практики именования в коде представляют собой самый сложный и системно организованный социокультурный феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962–1978. — Т. 7: Советская Украина — Флиаки. — 1972. — С. 973–979.
2. Дейкстра Э.В. Дисциплина программирования [главы из книги] / A discipline of programming. — М.: Мир, 1978. — С. 275.

3. Вирт Н. Алгоритмы + структуры данных = программы / пер. с англ. Л.Ю. Иоффе; под ред. Д.Б. Подшивалова. — М.: Мир, 1985. — 406 с.
4. Будагов Р.А. Проблемы развития языка. — М.—Л.: Наука, 1965. — 71 с.
5. Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. (С прил. текстов). — Петроград: тип. А.Э. Коллинс, 1915. — XXII, [2], 194, 54 с.
6. Knuth D.E. The Art of Computer Programming. Vol. 1: Fundamental Algorithms. 3rd ed. — Addison-Wesley Professional, 1997. — 652 p.
7. Cousot P., Cousot R. Abstract interpretation: a unified lattice model for static analysis of programs by construction or approximation of fixpoints // Proceedings of the 4th ACM SIGACT-SIGPLAN Symposium on Principles of Programming Languages (POPL '77). — ACM, 1977. — P. 238–252.
8. Leroy X. Formal verification of a realistic compiler // Communications of the ACM. — 2009. — Vol. 52, no. 7. — P. 107–115.
9. Nielson F., Nielson H. R., Hankin C. Principles of Program Analysis. 2nd ed. — Springer-Verlag, 2005. — 399 p.
10. Назарова Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык. — 2-е изд. — М.: Высшая школа, 2003. — 192 с.
11. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality / ed. by J. B. Carroll. — Massachusetts: MIT Press, 1967. — 278 p.
12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 607 с.
13. Lessig L. Code: Version 2.0. — New York: Basic Books, 2006. — 416 p.
14. Raymond E. The New Hacker's Dictionary. 3rd ed. — Cambridge: MIT Press, 1996. — 547 p.
15. Raymond E. The Art of UNIX Programming. — Boston: Addison-Wesley, 2003. — 560 p.
16. Turkle S. The Second Self: Computers and the Human Spirit. — Cambridge: MIT Press, 1984. — 372 p.
17. GitHub [Электронный ресурс]. — URL: <https://github.com/cs161-staff/grades-py/blob/master/student.py> (дата обращения: 19.08.2025).
18. Лакомов А.Р., Новикова А.Р. Цифровое бытие знака: пролегомены к семиотической онтологии // Космические технологии — 2025: сб. тр. III Междунар. межведомств. науч.-техн. конф. — 2025. — С. 778–789.
19. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / пер. с англ. — М.: ЛКИ, 2006. — 248 с. — (Лингвистическое наследие XX века).
20. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. — М.: Учпедгиз, 1958. — 320 с.
21. Потенция А.А. Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905. — 654 с.
22. Потенция А.А. Мысль и язык (извлечения) // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. — М.: Учпедгиз, 1956. — С. 457.
23. Потенция А.А. Мысль и язык. — Киев: СИНТО, 1993. — 192 с.
24. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 260 с.
25. Кияк Т.Р. О видах мотивированности лексических единиц // Вопросы языкознания. — 1989. — № 1. — С. 98–107.
26. Вюстер Е. Международная стандартизация языка в технике / пер. с нем.; ред. Э.К. Дрезен, Л.И. Жирков, А.Ф. Лесокин, М.Ф. Маликов; пер. и обработка О.И. Богомоловой. — Л.—М.: Стандартгиз, 1935. — 302 с.
27. Блинова О.И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2012. — № 4 (20). — С. 5–11.
28. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 313–318.

© Лакомов Артём Русланович (artem_lakomov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЗВИЩЕ КАК МОДЕЛЬ ИДЕНТИФИКАТОРА: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК ИМЕНОВАНИЯ В ПРОГРАММНОМ КОДЕ

Лакомов Артём Русланович

Аспирант, Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова;

старший преподаватель РТУ МИРЭА (г. Москва)

artem_lakomov@bk.ru

THE NICKNAME MODEL: AN ONOMASTIC APPROACH TO CODE NAMING CONVENTIONS

A. Lakomov

Summary: Contemporary software engineering faces a curious blind spot: although practitioners widely acknowledge that meaningful naming contributes significantly to code quality, the phenomenon remains theoretically underexplored from a linguistic perspective. The study integrates computational and humanistic inquiry by applying onomastic theory—particularly nickname formation patterns—to the analysis of programming identifiers. Drawing on representative examples ranging from *godObject* to *Heisenbug*, the study demonstrates that programmers often employ semantic strategies analogous to those governing natural language nicknaming, including metaphorical extension, behavioral characterization, and social commentary. The findings suggest that identifier selection extends beyond mere labeling and constitutes a genuine linguistic phenomenon, whereby formal semiotic systems develop properties typically associated with natural language. Thus, the present paper provides both a novel analytical framework for code evaluation and empirical evidence that programming languages constitute authentic linguistic communities with emergent sociolinguistic norms.

Keywords: programming code, identifiers, onomastics, nicknames, nomination, cognitive motivation, linguistic analysis.

Аннотация: Настоящая статья обращается к парадоксу современной программной инженерии. Несмотря на эмпирическое признание ключевой роли именования (номинации) для качества кода, этот феномен лишен системного теоретического осмысления в гуманитарной парадигме. С целью преодоления разобщенности между соответствующими научными дисциплинами в работе предлагается междисциплинарный подход, основанный на применении методов классической ономастики к анализу программных идентификаторов. Центральный тезис заключается в том, что практики именования в коде обнаруживают глубокий структурный и функциональный изоморфизм с системой антропонимических прозвищ в естественном языке. На основе сопоставительного анализа эмпирического материала (от *godObject* до *Heisenbug*) демонстрируется, что выбор имени подчиняется универсальным когнитивным моделям мотивации, описанным в трудах А.В. Суперанской. Таким образом, исследование не только предлагает новый инструмент для анализа кода, но и эмпирически подтверждает, что процесс становления подлинного языка внутри формальной системы является не поверхностной метафорой, а фундаментальным, системно организованным социокультурным феноменом.

Ключевые слова: программный код, идентификаторы, ономастика, прозвища, номинация, когнитивная мотивация, лингвистический анализ.

Введение

В предыдущей работе [1] нами было продемонстрировано, что программный код представляет собой сложную двуплановую знаковую систему, в которой ключевым механизмом формирования антропоцентрического, концептуального плана является акт осмысленного смыслотворчества — номинация. Однако, установив фундаментальную важность именования, мы с неизбежностью приходим к новому, более глубокому вопросу. Является ли этот базовый акт конструирования смысла произвольным или он следует универсальным когнитивным моделям, общим для всех человеческих коллективов? Настоящее исследование, выступая прямым продолжением предыдущего, призвано пролить свет на этот вопрос.

Главным смыслообразующим элементом, обеспечивающим читаемость (англ. *readability*), понятность (англ. *comprehensibility*) и удобство поддержки (англ. *main-*

tainability) кода, выступают идентификаторы — имена, присваиваемые переменным, функциям и другим программным сущностям. Именно они являются основными лексическими единицами этого специфического «языка», выполняя при этом двойную функцию [2]: для компилятора это лишь формальный маркер, обозначающий объект в памяти, тогда как для человека — это важнейший семантический знак, ключ к пониманию логики программного компонента. Следовательно, совокупность практик именования в программировании можно рассматривать как критически важный узел когнитивного взаимодействия между разработчиком и сложной абстрактной системой, которой является программный продукт.

Состояние изученности проблемы

Данная проблематика не является новой и находит отражение в двух основных, но до сих пор слабо пересекающихся научных дискурсах: инженерно-техниче-

ском и гуманитарном. В рамках компьютерных наук важность качественного именования была осознана еще на заре индустрии. Пионер в этой области Дональд Кнут в своей концепции «грамотного программирования» постулировал, что программы должны писаться в первую очередь для людей, а не для машин [3]. Однако, концентрируясь на вопросах «что?» и «как?», современные исследования носят преимущественно утилитарный характер [4, 5, 6, 7]. Они измеряют влияние стиля именования на скорость чтения или корреляцию длины идентификатора с вероятностью ошибки, но, ограничиваясь поверхностным механическим анализом, не обладают теоретическим аппаратом для объяснения глубинных лингво-когнитивных механизмов, лежащих в основе самого феномена номинации. С другой стороны, филологическая наука, обладающая мощнейшим инструментарием для анализа языка, до недавнего времени оставляла программный код на периферии своего внимания, воспринимая его как сугубо формальный артефакт инженерной, а не языковой культуры.

Таким образом, на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация: технический и гуманитарный подходы развиваются параллельно, никак не обогащая друг друга. При этом инженерное сообщество интуитивно нащупало и эмпирически подтвердило ключевую роль именования, но не может адекватно объяснить его сложную природу. В то же время гуманитарная наука, в частности ономастика, располагает всеми необходимыми инструментами для такого объяснения, но крайне редко обращает свой взор на этот специфический пласт речеупотребления. В результате на стыке дисциплин образуется значимая исследовательская лакуна, которую и призвано заполнить настоящее исследование.

Гипотеза исследования

Основная гипотеза заключается в том, что, невзирая на всю свою специфику, процесс номинации в коде не является хаотичным или сугубо техническим актом, соблюдающим требования формальной логики. Напротив, он подчиняется тем же универсальным лингво-когнитивным законам, что и процессы именования в естественном языке. Для верификации данной гипотезы к анализу программных идентификаторов впервые применяется теория антропонимических прозвищ, разработанная в трудах выдающегося отечественного лингвиста А.В. Суперанской [8,9]. Выбор данной теории неслучаен. Прозвище в естественном языке и идентификатор в коде обнаруживают поразительный функциональный изоморфизм – и то, и другое выполняет характеризующую функцию, отражая ключевое свойство объекта; является результатом индивидуального акта номинации, мотивированного контекстом; стремится к семантической прозрачности для облегчения когнитивной обработки в рамках коммуникативного сообщества. Доказательство

этого тезиса не только позволит по-новому взглянуть на природу программного кода, но и продемонстрирует эвристический потенциал филологии для осмысления ключевых феноменов цифровой цивилизации.

От социального коллектива к команде разработчиков

Теоретической основой для сопоставления столь разнородных, на первый взгляд, феноменов, как антропонимическое прозвище и программный идентификатор, выступает установленный в ономастике факт социокультурной обусловленности неофициальной номинации. А. В. Суперанская отмечает, что прозвища возникают не спонтанно, а в специфической среде — в «тесно связанных коллективах» (школьных, производственных), участники которых находятся в постоянном взаимодействии. Именно такие коллективы, объединенные общей деятельностью и контекстом, формируют социальную среду, в которой возникает потребность в неофициальных именах, несущих важную характеристическую нагрузку.

Профессиональная среда разработки программного обеспечения в полной мере соответствует этому описанию. Команда проекта функционирует как замкнутая социальная система, порождающая собственный социолект, неотъемлемой частью которого являются конвенции именования. Подобно тому как жители одной деревни или члены школьного класса разделяют общий опыт, позволяющий им понимать локальные прозвища, команда разработчиков обладает общим фондом знаний о проекте — его архитектуре, истории и технических особенностях. Ключевым для нашего анализа является тезис Суперанской о том, что «современные прозвища чётко мотивированы» [8, с. 486]; имя, присваиваемое объекту, не случайно, а отражает его сущностные свойства или роль в системе. Признавая структурный изоморфизм между социальными средами (коллектив в жизни и команда разработчиков), логично предположить, что и акт номинации в них будет подчиняться схожим когнитивным законам.

Таким образом, выбор имени для переменной или функции предстает не как формальное присвоение уникального маркера, а как осознанный коммуникативный акт, в котором разработчик кодирует семантическую информацию, адресованную другим членам коллектива и себе в будущем. Этот акт номинации, как мы покажем далее, может быть системно проанализирован через призму стилистических регистров и мотивационных моделей, что позволяет перейти от интуитивных наблюдений к строгому филологическому анализу.

Стилистические регистры именования: от прагматики к социолекту

Если синтаксический уровень обеспечивает фор-

мальную корректность конструкций, а семантический — их смысловое наполнение, то прагматический уровень определяет эффективность использования языковых средств в конкретном коммуникативном и социокультурном контексте. Именно прагматический компонент маркирует переход от формального владения «языком» к экспертному мастерству. Такое многоуровневое единство прагматики и семантики продуктивно описывается через фундаментальную для нашего исследования трехчастную модель, разграничивающую семантический, семиотический и метасемиотический уровни знака [1]. Как мы покажем далее, выделенные нами стилистические регистры именования в коде являются не произвольным набором, а прямым отражением доминанции одного из этих уровней. *Формально-дескриптивный стиль* апеллирует преимущественно к семантике (прямому значению), *прагматико-идиоматический* — к семиотике (конвенциональному знаку), а *экспрессивно-коннотативный* — к метасемиотике (коннотациям и воздействию).

В этом контексте акт именования в программном коде предстает не только как семантическая операция, но и как сложный прагматический и метасемиотический жест. Подобно тому, как антропонимическое прозвище присваивается человеку «извне» и служит условным знаком-признаком внутри группы [9], стиль именования, избираемый разработчиком, также является коммуникативным актом самопрезентации, адресованным другим членам команды, глобальному сообществу и самому себе в будущем. Выбор имени становится актом позиционирования, позволяющим выделить несколько стилистических регистров, или «социолектов»:

- 1. Формально-дескриптивный стиль.** Характеризуется использованием длинных, полных, недвусмысленных имен, следующих строгим корпоративным или общепринятым конвенциям (например, `userAuthenticationStatus`, `MAX_LOGIN_ATTEMPTS`). Такой стиль сигнализирует о работе в крупной, формализованной среде. Метасемиотически он сообщает об авторе как о члене команды, который ценит предсказуемость, читаемость и долгосрочную поддержку кода превыше лаконичности.
- 2. Прагматико-идиоматический стиль.** Отличается использованием коротких, общепринятых, но непрозрачных для «непосвященного» новичка имен (*i, j, k* для счетчиков; *ctx* для контекста; *req, res* для запроса/ответа). На метасемиотическом

уровне эти идентификаторы функционируют как лексический «пароль» для посвященных, знак принадлежности к культуре. Их использование свидетельствует об опыте автора и его уверенности в том, что он обращается к столь же компетентной аудитории, не нуждающейся в избыточных пояснениях.

- 3. Экспрессивно-коннотативный стиль.** Проявляется в использовании метафорических, ироничных или культурно-насыщенных имен, включая технонимы. Эмпирически верифицируемым и широко распространенным примером является использование имени переменной «*theAnswerToLifeTheUniverseAndEverything = 42*»¹, отсылающей к произведению Д. Адамса «Автостопом по галактике». Следует отметить, что такой акт номинации выходит за рамки простого присвоения значения, становясь актом установления неформальной связи с читателем, разделяющим тот же культурный код. Здесь наиболее явно прослеживается метасемиотическая функция кода, где содержание (имя) и выражение (значение) становятся планом выражения для нового, коннотативного (мета)содержания, формируя и укрепляя социальную ткань и неформальную культуру проекта [10, с. 230-231].

Следовательно, практики именования в коде, как и процессы номинации в ЕЯ, являются глубоко социокультурно обусловленными. Выбор знака для вторичной номинации технологической сущности отражает не только ее «выделенные» свойства, но и ценности, нормы и коммуникативные стратегии той профессиональной группы, к которой принадлежит автор. В свою очередь, анализ этих практик оказывается узловым для понимания уровня сформированности прагматического компонента квазыязыковой компетенции.

Мотивационные модели номинации: ономастический анализ идентификаторов

Если стилистические регистры описывают социокультурный контекст именования, то для понимания самого акта смыслотворчества необходимо обратиться к его когнитивным основаниям. Внутри каждого из стилей разработчик, сознательно или интуитивно, использует универсальные механизмы для конструирования имени. Суперанская А. В., ссылаясь на древнерусские

¹ Примеры подобных именований в значительном количестве обнаруживаются на платформах хостинга кода. Эмпирическая проверка данного утверждения может быть выполнена посредством поиска по ключевым словам на платформе GitHub по запросу: «the AnswerToLifeTheUniverseAndEverything». По состоянию на май 2025 года, данный запрос стабильно обнаруживал свыше 10 000 релевантных включений в файлах кода. Важно отметить, что результаты охватывают проекты самого разного масштаба: от персональных учебных репозиторий до компонентов широко используемых фреймворков. Подобное широкое распространение подтверждает статус данного выражения как устойчивого культурного маркера в профессиональном сообществе. Данный феномен является частью более широкого явления использования юмора и культурных отсылок в коде, которое стало предметом эмпирических исследований. См., например: [11]; а также классическое описание культуры программирования в [12].

источники (азбуковники), выделяет три универсальных принципа номинации, сохраняющие актуальность и для современных прозвищ [8]. В контексте программного кода данная классификация ономастических моделей, предложенная ученым, оказывается в высокой степени релевантной и служит каркасом для акта его номинации, предоставляя незаменимый аналитический инструмент, позволяющий систематизировать все многообразие идентификаторов и описать эти механизмы.

Именование «от взора и естества» (или по внешним данным и свойствам объекта)

Данный принцип, лежащий в основе прозвищ, отражающих физические особенности или характерные черты (*Большак*, *Громадила* для описания крупного телосложения, или *Пузо*, *Боров* для полноты), является базовым и в программировании. Он реализуется через имена, описывающие наблюдаемые структурные или функциональные свойства сущности. Большинство нейтральных имен в коде, принадлежащих к формально-дескриптивному стилю, следуют именно этой модели: *dataParser*, *userRepository*, *stringUtils*. Они прямо описывают «естество» сущности — ее предназначение и роль в системе. Однако наиболее ярко эта модель проявляется в экспрессивно-коннотативном стиле. Идентификаторы, ставшие конвенциональными маркерами антипаттернов (напр., *godObject*, *spaghettiCode*), служат прямым аналогом прозвищ типа *Громадила* или *Трёхтонка*. Они отражают результат анализа («взора») «естества» объекта — его чрезмерного размера, сложности или запутанности, неся при этом мощную оценочную нагрузку.

Именование «от вещи» (метафорический перенос)

Механизм, лежащий в основе прозвищ типа *Колхида* (по названию марки грузовика), является одним из ключевых инструментов лингвификации кода. Абстрактные цифровые сущности и процессы осмысляются через лексикализованные метафоры из физического мира. Этот принцип пронизывает всю сферу программирования: *pipeline* (конвейер), *firewall* (межсетевой экран), *token* (жетон), *leak* (утечка), *message* (сообщение) и др. Данные метафоры не просто именуют, но и формируют у читателя кода ментальную модель объекта. Создание классов *DataPipeline* (конвейер данных) или *MessageBus* (коммуникационная шина), соответственно, выступает проявлением способности компетентного разработчика подобрать точную и интуитивно понятную аналогию из мира физических «вещей» для описания потоков данных и механизмов взаимодействия.

Именование «от притчи» (от какого-либо события, случайности или истории)

Суперанская отмечает, что в ономастике такие про-

звища как *Клубничник* (попался на воровстве клубники) или *Кутузиha* (из всего параграфа запомнила лишь одно слово) минимально представлены в общем употреблении, но тем не менее ярко иллюстрируют связь имени с уникальной историей [8, с. 487], регистрируя какой-либо уникальный эпизод или событие из биографии человека. В программировании этот механизм используется для фиксации истории возникновения сущности и несет важнейшую прагматическую нагрузку, фиксируя генезис новой сущности. Имена вроде *legacyAuthFix* или *hotfixForTicketJIRA123* представляют собой *имена-нарративы*: они рассказывают историю своего появления («этот код появился как исправление старой системы», «он связан с конкретной задачей в трекере») и одновременно служат прагма-семантическим сигналом («предупреждением») для будущих читателей кода. Способность инкапсулировать в имя исторический контекст, превращая его в своего рода артефакт, является важным аспектом экспертного владения «языком». Чтение такого имени требует от другого разработчика наличия «внутренней» компетенции — знания истории проекта, что разделяет «своих» (понимающих контекст) и «чужих».

Именование «от прецедента»: техно-фольклор и культурные аллюзии

Наиболее показательным экспрессивно-коннотативный стиль в именовании проявляется в формировании особого пласта номинаций, который, как в системе прозвищ естественного человеческого языка, так и в программном коде, основан на интертекстуальности: отсылках к внешним культурным, научным и историческим прецедентам. Суперанская отмечает, что «значительную роль в создании прозвищ играет литература, кино» [8, с. 496], приводя в пример прозвища *Аниськин* (по персонажу фильма), *Салтычиха* (по исторической фигуре) или *Белинский* (для человека, всех критикующего). Аналогичный механизм заимствования наблюдается и в школьной среде, где в качестве прозвищ используются научные термины: *Архимед*, *Ксенон* [там же]. В профессиональной среде программистов этот принцип становится основой для формирования целого пласта техно-фольклора, основанного на интертекстуальности — отсылках к внешним культурным, научным и историческим феноменам, которые требуют от участников коммуникации наличия общих фоновых знаний. Эффективность такой номинации заключается в ее исключительной информационной компрессии: одно слово или фраза передает сложный комплекс характеристик, опираясь на прецедентный концепт.

Так, имена, ставшие терминами техно-фольклора, требуют от разработчика эрудиции, выходящей за рамки сугубо технической. Классическим, хрестоматийным примером служит термин *Heisenbug* (гейзенбаг), обозначающий ошибку, которая исчезает или меняет свое поведение при попытке ее наблюдения. Данный иден-

тификатор представляет собой концептуальную метафору, апеллирующую к принципу неопределенности Гейзенберга из квантовой физики. В свою очередь, термин *Hydra bug* (гидра-баг) — ошибка, исправление которой порождает две новые — отсылает уже к древнегреческой мифологии. Аналогичные процессы наблюдаются и при обращении к массовой культуре: условные конструкции вида *if («constant» == variable)* получили устойчивое наименование «Yoda Conditions» за структурное сходство с инвертированной манерой речи персонажа киносаги «Звездные войны».

Прагматическая ценность подобных имен не исчерпывается лаконичностью. Их функционирование в профессиональной коммуникации выполняет две ключевые социолингвистические функции, демонстрируя высший уровень изоморфизма с естественным языком:

1. Информационно-компрессионная функция.

Имя *Heisenbug* мгновенно и исчерпывающе сообщает опытному коллеге о природе проблемы, заменяя собой длинное и потенциально неполное техническое описание.

2. Социально-демаркационная функция: Такое именование работает как маркер принадлежности к группе, осуществляя демаркацию социального пространства по принципу «свой-чужой». Разработчик, не распознавший аллюзию в *Yoda Conditions*, демонстрирует недостаточный уровень погружения в профессиональную культуру и ее конвенции.

Важное наблюдение Суперанской касается того, что прозвища-характеристики «отражают преимущественно отрицательные черты именуемых» [8, с. 487]. Эта закономерность в полной мере подтверждается при анализе экспрессивных имен в коде. Идентификаторы с негативной коннотацией (напр., *hack*, *workaround*, *stupidLegacyWrapper*) встречаются несопоставимо чаще, чем их антонимы, маркирующие положительные характеристики. Такая асимметрия обусловлена сугубо прагматическими причинами: негативно окрашенное имя выполняет функцию сигнала об опасности, маркируя проблемные участки, технический долг или неоптимальные решения, требующие особого внимания или будущего рефакторинга.

Прагматические аспекты ункционирования имен в коде

Способы употребления и функционирования прозвищ в речи, описанные Суперанской, находят поразительно точное сходство и с коммуникативными практиками программистов. Первый фундаментальный

ономастический закон — **процесс онимизации**, или переход имени нарицательного (апеллятива) в имя собственное (оним) при закреплении за конкретным объектом [8, с. 495]. Суперанская иллюстрирует этот механизм на примере микротопонимов, где апеллятив болото становится онимом Болото при закреплении за конкретным географическим объектом [Там же]. Аналогичный процесс происходит в программировании. Профессиональный лексикон разработчиков содержит обширный набор апеллятивов-концептов: *manager*, *helper*, *util*, *wrapper*, *factory*, *singleton*. При написании кода разработчик производит акт онимизации, закрепляя одно из этих нарицательных понятий за конкретной программной сущностью (например, идентификаторы *class UserManager*, *const connectionSingleton*). В этот момент апеллятив переходит в «ономастический ряд», становясь уникальным именем собственным в пределах своей области видимости.

Другой тонкий аспект прагматики, отмеченный Суперанской, — **возможность предикативного употребления** прозвищ-характеристик (например, «*Гусак и правда гусак*»). Эта функция, не свойственная официальным именам, позволяет эксплицировать или подтвердить мотивировку прозвища. В программном коде аналогом такого предикативного употребления выступает функциональное единство имени и сопутствующего комментария. Если имя функции *function temporaryDbHack()* является номинативным актом, то сопутствующий комментарий *// This is a temporary hack because the main DB is down. REMOVE AFTER FRIDAY* выполняет предикативную функцию. Он легитимизирует выбор имени и раскрывает его мотивировку, выступая в роли метаязыкового высказывания.

Наконец, наблюдение Суперанской о прозвищах, мотивированных локальными, непонятными извне реалиями (Жабрей, Еман, Муранка) [8, с. 498], напрямую соотносится с феноменом так называемого «проектного жаргона» (англ. *project slang*)². Имена переменных вроде *frobnitz_status* или *acme_validator* являются локальными ономастическими единицами, понятными только внутри конкретной команды или компании. Компетентность разработчика в этом контексте включает способность к усвоению и корректному использованию этого локального «диалекта». Новый член команды, не владеющий им, оказывается в положении человека, не понимающего местных прозвищ, что затрудняет его интеграцию и эффективную работу с кодом.

Более того, структурное родство ономастических систем прослеживается и на **синтаксическом уровне**. Описанная Суперанской композитная модель «прозвище + имя» или «имя + прозвище» на примерах Хома

² Термин «проектный жаргон» используется в профессиональной IT-среде для обозначения локальных лексических систем, создаваемых для повышения эффективности коммуникации и снижения количества ошибок [См., например, 13].

Белов или Андрей Балетный [8, с. 498] находит прямое отражение в повсеместно распространенных конструкциях «характеристика + формальный идентификатор»: *temp_user_data*, *finalResult*, *mockApiService*. В данных примерах префиксы (*temp_*, *final*, *mock*) выполняют ту же функцию, что и прозвища, — они уточняют состояние или природу основного идентификатора, придавая ему дополнительную характеристику. Подобное синтаксическое изоморфное поведение доказывает, что практики именования в коде подчиняются универсальным когнитивно-языковым паттернам.

Заключение

Проведенный ономастический анализ позволил не просто провести параллели, а установить глубокий структурный изоморфизм между практиками именования в программировании и системой антропонимических прозвищ в естественном языке. Модели, описанные А.В. Суперанской, оказались не просто применимы к коду — они выступили в роли точнейшего инструмента, вскрывающего его скрытую лингвистическую природу. Мы увидели, как за формальной оболочкой идентификатора скрывается сложная игра социальных стилей и универсальных когнитивных механизмов смысловотворчества.

Таким образом, центральный тезис работы получил прямое эмпирическое подтверждение: обнаружили его «живую ткань», прорастающую сквозь строгие конструкции машинной логики, мы наблюдаем не метафорическое уподобление, а процесс становления подлинного языка внутри формальной системы — феномен, пронизывающий код на всех уровнях его организации. Это открытие, в свою очередь, выполняет задачу, намеченную в дорожной карте нашего цикла, но одновременно ставит перед нами новые, еще более сложные вопросы.

Установив, по каким законам живет «слово» в программном коде, мы должны перейти на следующий уровень. Как эти живые, мотивированные «слова» взаимодействуют друг с другом, образуя «фразы» и «высказывания»? Как в этой детерминированной среде возникают феномены, поразительно напоминающие полисемию и идиоматичность? И какую роль в этом сложном семантическом единстве играет метасемиотическая функция комментария? Эти вопросы выводят нас за пределы ономастики и требуют обращения к более широкому семантико-прагматическому анализу. Именно этому и будет посвящена следующая статья цикла, в которой мы продолжим исследование кода как многоуровневого семасиологического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакомов А.Р. К вопросу о семасиологической природе так называемых «языков программирования»: методология и опыт филологического анализа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2025. — № 8/2.
2. Лакомов А.Р., Новикова А.Р. Цифровое бытие знака: пролегомены к семиотической онтологии // Космические технологии — 2025: сб. тр. III Междунар. межведомств. науч.-техн. конф. — 2025. — С. 778–789.
3. Knuth D.E. Literate programming // The Computer Journal. — 1984. — Vol. 27, No. 2. — P. 97–113.
4. Binkley D., Davis M., Lawrie D., Morrell C. To camelcase or under_score // 2009 IEEE 17th International Conference on Program Comprehension. — 2009. — P. 158–167.
5. Lawrie D., Feild H., Binkley D. Quantifying identifier quality: an analysis of trends // Empirical Software Engineering. — 2007. — Vol. 12, No. 4. — P. 359–389.
6. Butler S., Wermelinger M., Yu Y., Sharp H. Exploring the influence of identifier names on code quality: an empirical study // 2010 14th European Conference on Software Maintenance and Reengineering. — 2010.
7. Herka I. Identifier Names in Computer Programs: Literature Review // Advances in Cognitive Psychology. — 2023. — Vol. 19, No. 3. — P. 324–333.
8. Суперанская А.В. Современные русские прозвища // Folia Onomastica Croatica. — 2003–2004. — № 12–13. — С. 485–498.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 607 с.
11. Rahman S. M. F., et al. An Empirical Study on Humor in Source Code // 2019 IEEE/ACM 16th International Conference on Mining Software Repositories (MSR). — 2019. — P. 329–340.
12. Raymond E. The New Hacker's Dictionary. — 3rd ed. — Cambridge: MIT Press, 1996. — 547 p.
13. Оводов С. Жаргон как средство повышения эффективности работы над проектом // Analyst21: материалы Междунар. конф. по системному и бизнес-анализу. — М., [б. г.]. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://analystdays.ru/ru/talk/39639> (дата обращения: 19.08.2025).

© Лакомов Артём Русланович (artem_lakomov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТЕЙ ЦИФРОВОЙ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ НАРОДОВ НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ли Хунцзюань

Доцент, Хэйхэский университет, (КНР)

bnulihongjuan@mail.ru

A STUDY OF WAYS TO DIGITALLY PROTECT THE NATIONAL LANGUAGE OF CHINESE-RUSSIAN CROSS-BORDER PEOPLES USING THE EXAMPLE OF THE EVENKI LANGUAGE

Li Hongjuan

Summary: This article highlights the current methods of maintaining the ancestral languages and cultures of indigenous ethnic groups (using the example of the Evenk language). The analysis of modern practices of digital protection, support and promotion of the national language, as well as the current state of affairs in the field of preserving the cultural and linguistic diversity of the northern peoples of the cross-border territory along the Sino-Russian border is carried out. Promising vectors of work in the field of restoring the native language and culture of the indigenous people of the border region have been identified. The innovative potential of activities aimed at supporting, preserving and developing the Evenk language of the indigenous peoples of the North living on the border of Russia and China is demonstrated.

Keywords: digital protection, Chinese-Russian cross-border peoples, Evenk language, ethnic culture, conservation, high-tech potential.

Аннотация: В данной статье освещены актуальные методики поддержания исконных языков и культур автохтонных этносов (на примере эвенкийского языка). Произведен анализ современных практик цифровой защиты, поддержки и продвижения национального языка, а также текущее состояние дел в области сохранения культурного и лингвистического многообразия северных народов трансграничной территории вдоль китайско-российской границы. Определены многообещающие векторы работы в сфере восстановления родного языка и культуры коренных жителей приграничного региона. Продемонстрирован новаторский потенциал деятельности, направленной на поддержку, сохранение и развитие эвенкийского языка коренных народов Севера, проживающих на границе России и Китая.

Ключевые слова: цифровая защита, китайско-российские трансграничные народы, эвенкийский язык, этническая культура, сохранение, высокотехнологичный потенциал.

Язык играет ключевую роль в этнической культуре и формировании самосознания, служа инструментом для выражения и отражения базовых жизненных установок, культурных особенностей, философских и религиозных взглядов, а также эстетических идеалов. Именно язык выступает ключевым инструментом для передачи и увековечивания самобытного культурного достояния каждого этноса.

Непосредственно через язык мы постигаем традиции, культурные особенности, ценностные установки и жизненные приоритеты народа. В этой связи, многообразие языков является основой для поддержания современного многонационального общества и его культурной самоидентификации [1].

В эпоху глобализации, повсеместного распространения цифровых технологий и новых средств коммуникации, многие исконные языки оказываются в условиях дискриминации, что представляет собой серьезную проблему для сохранения культурного многообразия. Одним из таких примеров является эвенкийский язык.

Эвенкийский язык относится к группе национальных языков китайско-российских трансграничных народностей, входящий в алтайскую языковую семью, а конкретно – в тунгусо-маньчжурскую группу, и характеризуется агглютинативным строем [2].

Современная ситуация с эвенкийским языком в России и Китае характеризуется рядом специфических черт. Прежде всего, в российской популяции эвенков наблюдается разрыв в передаче языковых навыков из-за сокращения числа говорящих. Если старшее поколение свободно использует родной язык, то молодежь в основном общается на русском. Десять лет назад около 34 % эвенков, живущих в Сибири, хорошо владели эвенкийским языком. Однако сейчас эта доля снизилась, и общее число носителей языка в России не превышает 10 тысяч человек [3].

В Китае, где эвенкийское население, известно как ороконы, насчитывает более 7000 человек, поддержание этнического языка становится насущной задачей. Хотя некоторые семьи, в частности, в поселениях окру-

га Хума провинции Хэйлунцзян и в автономном хошуе, стараются обучать молодое поколение родному языку, все более заметен процесс языковой ассимиляции и перехода на китайский. Согласно имеющимся данным, количество эвенков зрелого и пожилого возраста, свободно владеющих эвенкийским языком, оценивается не более чем в тысячу человек [4].

Лишь одна группа, солуны, в значительной степени сохраняет использование эвенкийского языка и владеет даурским. Однако ситуация варьируется в зависимости от региона: в отдаленных районах Эвенкийского автономного хошуа Хулун-Буир положение языка относительно стабильное, тогда как в сердце хошуа, в особенности в районе реки Хуйхэ, происходит ассимиляция эвенкийского языка, в окрестностях реки Номиньхэ, в пределах городского округа Нэхэ провинции Хэйлунцзян, наоборот, наблюдается активное использование эвенкийского языка его носителями. Однако, из-за их малочисленности, перспективы сохранения родной речи остаются неопределенными. В отдельных областях, включая Синьцзян, эвенкийский язык практически утрачен. Таким образом, среди солунов наблюдается разная степень владения эвенкийским языком, в целом около 60 процентов эвенков обладают знаниями родного языка [5].

Таким образом, сегодняшнее состояние эвенкийского языка, если рассматривать его фактическое использование, бесспорно, характеризуется как критическое. Язык находится в ситуации глубокого кризиса, и остро стоит вопрос о его сохранности.

В реалиях современного общества с развитием цифрового пространства сохранение национальных языков малочисленных народов стало возможным посредством технологических решений.

Организация Объединенных Наций объявила период 2022-2032 годов Международным десятилетием языков коренных народов мира (IDIL). ЮНЕСКО разработала всемирный план мероприятий IDIL на эти десять лет. В течение этого десятилетия ЮНЕСКО намерена координировать усилия различных государств, чтобы повысить осведомленность о необходимости защиты исчезающих языков, используемых коренными народами. Одной из ключевых задач ЮНЕСКО является сохранение языкового наследия с помощью передовых инновационных технологий [6].

В Китае благодаря поддержке правительства был создан исследовательский центр, занимающийся охраной языкового наследия. Его ключевая задача заключается в поддержке и защите языковых активов на территории Китая, с акцентом на языки, находящиеся под угрозой исчезновения. Центром разрабатываются методики на основе инновационных технологий, применяют передо-

вые технологические решения, такие как запись аудио- и видеофайлов с носителями языка. Полученные материалы загружаются в облачное хранилище для обеспечения их сохранности на длительный период. Объем хранилища составляет более 100 терабайт [7]. Помимо текстовых файлов, платформа включает в себя цифровые данные различных типов, включая изображения, аудио- и видеоматериалы. Подобного рода хранилище ресурсов является уникальным и единственным в мире. Также была разработана демонстрационная система, включающая все языки, распространенные на территории многонационального Китая. Эта база данных содержит материалы, полученные более чем в 1700 населенных пунктах Китая. В дополнение к этому, в Китае активно разрабатывают алгоритмы обучения для роботов, используя информацию, полученную в ходе исследований редких языков [8].

В современной России активно реализуется обширная инициатива по внедрению цифровых технологий в сферу образования, включая обучение на языках коренных этнических групп. В данную деятельность вовлечены не только правительственные организации, но и некоммерческие объединения, коммерческие предприятия и местные инициативные группы. Деятельность ведется по нескольким направлениям, которые в совокупности способны принести пользу: это образовательные программы для детей и взрослого населения, публикация онлайн-словарей, формирование текстовых баз данных и разработка онлайн-сервисов перевода, интеллектуальные акустические системы и оцифровка шрифтов [9].

Прилагаются значительные усилия для вовлечения молодого поколения в процесс адаптации языков коренных этносов к цифровому формату. В настоящий момент ведется оцифровка пяти языковых систем: эвенкийской, нганасанской, долганской, ненецкой и энецкой. В сотрудничестве с экспертами в области информационных технологий, носители этих языков занимаются расширением лексической базы данных, предназначенной для использования в мобильных приложениях.

В России, для развития эвенкийского языка, при поддержке Министерства по развитию Арктики и народам Севера была создана цифровая платформа AYANA, использующая возможности искусственного интеллекта. Это приложение позволяет носителям языка корректировать неточности и расширять платформу, добавляя собственные диалектные особенности [10].

Также была разработана версия платформы под названием Ayana Offline, предназначенная для работы без подключения к сети Интернет. Это делает её идеальным решением для использования в регионах с нестабильным или отсутствующим интернет-соединением [11]. Таким образом, в настоящее время педагоги в отдаленных поселениях и сельских школах имеют возможность при-

менять эту платформу для эффективного преподавания эвенкийского языка. В дальнейшем предполагается разработка мобильного приложения с функцией быстрого перевода и его распространение через онлайн-магазины. Кроме того, в планах создание онлайн-переводчика на основе искусственного интеллекта для языков малочисленных народов, проживающих в России.

С 2023 года Федеральное агентство по национальным вопросам начало работу над онлайн-сервисом перевода для языков, используемых малыми народами России [12]. В настоящее время активно ведется создание и обработка текстовых баз данных, которые впоследствии будут использованы для обучения моделей искусственного интеллекта. Эти модели смогут не только осуществлять переводы, но и создавать новые тексты на различных языках [13].

На Севере России в феврале 2024 года стартовала акция под названием «Сохрани родной язык», инициатором которой выступил Арктический государственный институт культуры и искусств. В рамках данной акции добровольцы занимались сбором аудиозаписей голосов носителей эвенкийского языка, предлагая всем желающим прочитать тексты на этом языке [14]. Собранные голосовые данные аккумулируются на специализированном веб-сайте, где уже создана база языковых моделей. Эти голосовые материалы представляют собой ценный ресурс для формирования обширной базы данных звучащего языка, что, в свою очередь, поможет в сохранении малых языков. Предполагается, что в будущем собранные аудиозаписи на эвенкийском языке будут применяться в образовательных целях.

Современное положение эвенкийского языка, рассмотренное через призму указанных критериев, позволяет отнести его к категории языков с неблагоприятными показателями по многим аспектам. Его выживание и прогресс в значительной мере обусловлены систематической поддержкой государства и грамотной языковой политикой.

Широко распространено мнение, что в сложившейся ситуации северные языки коренных народов, в том числе эвенкийский, находятся под серьезной угрозой исчезновения из-за процессов ассимиляции, противостоять которым крайне затруднительно.

Ключевым условием для поддержания и восстановления эвенкийского языка является перевод всех имеющихся материалов в цифровой формат, обеспечивающий их мобильность, легкий доступ и удобство применения.

Опыт демонстрирует, что эвенкийский народ не считает судьбу своего языка предопределенной. Даже если язык поддерживается лишь небольшим числом носителей, и

при создании поддерживающей среды, он имеет потенциал не только для сохранения, но и для возрождения. Ключевым фактором здесь является совместная работа самих коренных народов и органов государственной власти. Речь идет о поиске эффективных методов сохранения и популяризации языков коренных народов, а также о привлечении молодого поколения к активному участию в этом процессе посредством инновационных технологических подходов.

Таким образом, можно заключить, что в эпоху современных технологий, научно-технический прогресс оказывает существенное воздействие на эволюцию коренных малочисленных народов Севера. Инфокоммуникационные технологии открывают перед ними беспрецедентные перспективы для формирования собственной этнической информационной среды и ее интеграции в глобальное информационное поле.

В этом контексте особо значимы исследования, посвященные истории региона, его культурному наследию, экономическому развитию, правовым аспектам, вопросам здравоохранения коренного населения. Не менее важен поиск эффективных стратегий сохранения и приумножения уникальной этнической культуры, традиционных промыслов народов Северо-Арктической зоны, а также их репрезентация в мировом информационном пространстве посредством всемирной сети Интернет.

В сущности, использование цифровых технологий открывает перед коренными северными этносами возможность не просто приспосабливаться к текущим условиям, но и активно влиять на траекторию своего развития, не теряя при этом уникальности и культурного наследия.

В современном образовательном пространстве, где доминируют цифровые технологии, разработка мультимедийных образовательных материалов становится мощным инструментом для изучения, защиты и распространения культурного наследия коренных народов Севера. Данные ресурсы, считающиеся одними из самых продуктивных и интересных методов обучения, интегрируют разнообразные компоненты, объединенные общей образовательной задачей.

Познание уникального культурного наследия северных народов, вкупе с популяризацией сведений об их обычаях, содействует развитию уважения к этническим группам, обитающим в сложных климатических зонах и сформировавшим оригинальную культуру. Подобный подход также пробуждает интерес к исследованию культур коренных малочисленных народов, проживающих в приграничных областях Китая и России.

Стоит значимая цель: пробудить вновь тягу к наци-

ональному языку, культурному наследию и родному краю. В этом начинании неоценимую поддержку могут предоставить современные инновационные технологии в образовании. От грамотного применения информационных технологий во многом зависит успех в становлении интереса к изучению истории и традиций

коренных народов Севера, а также в укреплении престижа языка малочисленных народов как инструмента формирования личности, которая глубоко осознает и ценит язык, культуру и историю своего народа. Кроме того, это может способствовать активизации творческого потенциала носителей родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грищенко А.С. Этнокультурное взаимодействие народов дальнего востока РФ и КНР на современном этапе // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 12А. С. 136-142.
2. Шэнь Хуэйшу. Тематическое исследование семейного языка эвенков. // Вестник Муданьцзяньского педагогического института, 2008. - № 1. - С. 34.
3. Балдандоржиев, Ж.Б. Язык русского зарубежья в Китае как отражение действительности в межкультурной коммуникации: сетевой язык / Ж. Б. Балдандоржиев, Юаньинь Ван // Молодой ученый. — 2020. — № 44 (334). — С. 377-383. — URL: <https://moluch.ru/archive/334/74663/> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Гао Мэй. Признание языка и нации. // Исследование о маньчжурах, 2008. - № 1. - С. 26.
5. Сюй Шисюань, Гуань Хунин. Будущее эвенкийского языка. Анализ положения использования ороchonским языком. // Исследование о маньчжурах, 2006. - № 4. - С. 40.
6. Гукова Е. Деятельность ЮНЕСКО по сохранению языкового разнообразия. Документальный аспект // Международные гуманитарные связи ежеквартальная студенческая научная конференция, 2023. URL: <http://mgs.org.ru/2023/12/gukova/> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Положение использования языков малых народностей. - М., Пекин: издательство китайской тибетской науки, 2024. — 121 с.
8. Ван Сяомэй. Современное состояние эвенкийского языка как важного элемента культурного многообразия Китая // Вестник Казгуки. - № 3. — 2017. — С. 17-20.
9. Роббек В.А. Устойчивое развитие народов Севера России: фундаментальные и прикладные исследования: сборник научных статей /В.А. Роббек. — Новосибирск: Наука, 2011. — 662 с.
10. Стручков К.Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы / К.Н. Стручков. — Новосибирск: Наука, 2024. — 120. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири Дальнего Востока; Т. 22).
11. Электронная обучающая программа «Эвенкийский для начинающих» сост.: Варламов А.Н., Варламова Г.И. Якутск, 2023.
12. Электронное пособие по эвенкийскому языку «Дылгани азбука». сост: Варламов А.Н., Варламова Г.И. Якутск, 2024.
13. Яковлева М.П. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода Бута. — Воронеж: ООО «КОВЧЕГ», 2023. — 164 с.
14. Борисова У.С. Анализ процессов воспроизводства родных языков в республике Саха // Язык и культура. - № 10. - 2024. - С. 187-192.

© Ли Хунцзюань(bnuli hongjuan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ И СТРАТЕГИЙ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ НА ПЛАТФОРМЕ ТИКТОК

Тянь Хаожань

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
1042248115@pfur.ru

STUDYING THE MECHANISMS AND STRATEGIES OF ADVERTISING DISTRIBUTION ON THE TIKTOK PLATFORM

Tian Haoran

Summary: This article delves into an examination of the TikTok platform, whose global influence in digital marketing is steadily increasing. The author focuses on the key mechanisms and effective strategies for disseminating advertising content specifically within this environment. It is noted that despite TikTok's rapidly expanding user base, scientific research dedicated to the specifics of advertising on this platform remains insufficient. Therefore, the primary goal of the article was to identify and analyze the factors that ensure successful advertising dissemination on TikTok. To achieve this, the research relies on systematizing theoretical approaches to content dissemination in social media. The author comprehensively examines the interplay of the platform's algorithmic tools, primarily its recommendation system, and social factors, such as user-generated content (UGC). The analysis identifies and details advertising formats specific to TikTok, including hashtag challenges, TopView ads, and native integrations (in-feed ads). Furthermore, the key factors driving advertising effectiveness are explored, which the authors group into three categories: content-related (content quality and type), audience-related (target audience characteristics), and platform-related (features and functionality of the platform itself). Based on the findings, the author developed practical recommendations. These guidelines are intended for brands, advertising agencies, and content creators, aiming to help them increase reach and engagement levels in their TikTok advertising campaigns. Thus, this work makes a significant contribution to the development of media communication and digital marketing theories, particularly within the context of platforms governed by complex, algorithm-driven content flows.

Keywords: TikTok, advertising distribution, advertising strategies, recommendation algorithms, media communications, digital marketing, social media.

Аннотация: Данная статья углубляется в изучение TikTok платформы, чье глобальное влияние в цифровом маркетинге неуклонно растет. Автор фокусируется на ключевых механизмах и эффективных стратегиях распространения рекламного контента именно здесь. Отмечено, что, несмотря на стремительное расширение аудитории TikTok, научных исследований, посвященных специфике рекламы на этой платформе, все еще недостаточно. Поэтому основная цель статьи состояла в выявлении и анализе факторов, которые обеспечивают успешное распространение рекламы на TikTok. Для этого исследование опирается на систематизацию теоретических подходов к распространению контента в социальных медиа. Автор комплексно рассматривает взаимодействие алгоритмических инструментов платформы. В первую очередь, ее система рекомендаций, и социальные факторы, такие как создаваемый пользователями контент (UGC). В ходе анализа выявляются и детально разбираются специфические для TikTok рекламные форматы, такие как хештег-челленджи, реклама TopView и нативные интеграции. Также, исследуются ключевые факторы эффективности, которые авторы группируют по трем направлениям: контентные (качество и тип контента), аудиторные (характеристики целевой аудитории) и платформенные (особенности и функционал самой платформы). На основе полученных результатов, автор разработал практические рекомендации. Эти советы предназначены для брендов, рекламных агентств и создателей контента и направлены на то, чтобы помочь им увеличить охват и уровень вовлеченности в их рекламных кампаниях на TikTok. Таким образом, данная работа вносит значимый вклад в развитие теорий медиакоммуникаций и цифрового маркетинга, особенно в контексте работы платформ, в которых потоком управляют сложные алгоритмы.

Ключевые слова: TikTok, распространение рекламы, рекламные стратегии, алгоритмы рекомендаций, медиакоммуникации, цифровой маркетинг, социальные медиа.

Введение

ТикТок утвердился как одна из главных медиаплатформ, особенно популярная у молодых пользователей. Это делает его крайне важным объектом для изучения современных медиакоммуникаций. Данные свидетельствуют о впечатляющем росте. Только за январь 2021 года платформа насчитывала 689 миллионов активных пользователей, а к концу того же года их число перешагнуло отметку в 1 миллиард из 150 стран [1, 5].

Короткие заикленные видео, мощные инструменты для создания пользовательского контента (UGC) и сложные алгоритмы рекомендаций - те уникальные особенности платформы, которые кардинально изменили подходы к созданию и распространению рекламы онлайн. Перед брендами и специалистами в данной области, стремящимися максимизировать охват и вовлеченность, стоит острая задача разработать эффективные стратегии, заточенные именно под специфику TikTok. При этом, научное понимание конкретных механизмов, которые двигают

рекламный контент внутри TikTok, пока остается недостаточным, что и определяет актуальность нашего исследования.

Почему так важно изучать именно механизмы распространения рекламы на TikTok? **Актуальных** причин несколько, и все они весомы. Прежде всего, платформа добилась абсолютного доминирования среди молодых поколений, особенно Gen Z, что автоматически превращает ее в критически важный канал для рекламных коммуникаций, нацеленных на эту аудиторию. Статистика [1] показывает, что почти 40% пользователей TikTok старше 30 лет, а две трети - старше 20 лет, что говорит о достаточно широком и разнообразном охвате, открывающем возможности для таргетинга разных групп. И, наконец, существует настоятельная потребность в глубоком научном анализе того, как именно алгоритмические системы платформы (рекомендации) и социальные факторы (вовлечение пользователей, UGC) вкуче влияют на распространение рекламы. Современные исследования еще не дают полной картины этой сложной взаимосвязи.

Поясним, что хотя существующие исследования по рекламе в соцсетях, вирусному маркетингу, пользовательскому контенту (UGC) и алгоритмам рекомендаций дают важную основу, они часто не учитывают уникальную специфику TikTok или рассматривают ее лишь частично. Например, работа А. А. Ажновой [1] позиционирует TikTok как мощный маркетинговый инструмент, отмечая его экономичность и разнообразие форматов (хештег-челленджи, TopView, нативные интеграции с блогерами), однако, практически не затрагивает роль алгоритмов в распространении контента. Исследование, посвященное роли вирусного маркетинга в современном Интернете (на примере социальной сети TikTok) [5] отводит, как заметно из названия, к вирусному маркетингу, иллюстрируя его успех на примере кампании Danone 2020 года, породившей почти 90 тысяч пользовательских видео, но не предлагает комплексного анализа брендовых стратегий. Авторы [6] глубоко разбирают рекламные интеграции, классифицируя их форматы (хештег-челленджи, TopView, Branded Takeover) и жанры (информационные, публицистические), но их работа опирается на ограниченный эмпирический материал.

Поэтому, первоочередной **целью** данной работы стало выявление и анализ ключевых механизмов и стратегий распространения рекламного контента на платформе TikTok. Для достижения этой цели нам предстоит решить несколько взаимосвязанных **задач**: во-первых, систематизировать теоретические подходы к распространению контента в соцсетях, релевантные для TikTok; во-вторых, выявить и описать основные технологические (как работает алгоритм рекомендаций) и соци-

альные (практики создания и обмена UGC) механизмы, движущие рекламой на платформе; в-третьих, проанализировать существующие рекламные форматы и стратегии брендов с точки зрения их способности генерировать широкий охват; в-четвертых, определить ключевые факторы эффективности, которые мы условно группируем как контентные (качество, формат), аудиторные (характеристики ЦА) и платформенные (особенности TikTok); и, на основе этого анализа разработать практические рекомендации для брендов, рекламных агентств и создателей контента.

Объектом исследования выступает сам процесс распространения рекламного контента в системе TikTok. **Предметом** являются те самые механизмы (алгоритмические и социальные) и стратегии, которые обуславливают эффективность этого процесса. Под алгоритмическими механизмами мы понимаем принципы работы системы рекомендаций TikTok, которая решает, какой контент увидит широкая аудитория. В работе выдвинуты два основных **предположения (гипотезы)**:

1. Рекламный контент, оформленный как пользовательский (UGC), распространяется на TikTok значительно эффективнее традиционных баннеров, поскольку органично вписывается в привычный опыт пользователей.
2. Использование трендовых звуков и хештегов существенно увеличивает охват рекламных сообщений, так как эти элементы напрямую усиливают их вирусный потенциал.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в его комплексности. Впервые объединен анализ технологических алгоритмов и социальных практик пользователей для объяснения распространения рекламы на TikTok. **Теоретическая значимость** работы состоит в ее вкладе в развитие теорий медиакоммуникаций и цифрового маркетинга, особенно в понимании того, как функционируют платформы с алгоритмически управляемым контентом, а **практическая** - в создании конкретного инструментария и рекомендаций для профессионалов отрасли. Маркетологи брендов, сотрудники агентств и создатели контента смогут использовать выводы для повышения эффективности своих кампаний на TikTok.

Методы

В основе методологии данного исследования лежит применение смешанных методов. Подобный подход широко признается как наиболее подходящий для всестороннего изучения таких сложных цифровых явлений, как механизмы распространения рекламы в TikTok [4, с. 28]. Его ключевое преимущество кроется в возможности

объединять глубокое качественное понимание контекстов и форматов с объективностью количественных измерений охвата и эффективности.

Обработка и анализ данных также следовали логике смешанных методов. Качественные данные были обработаны с помощью тематического анализа для выявления устойчивых паттернов, ключевых тем и эффективных стратегий. Дополнительно применялся анализ дискурса с акцентом на визуальные и нарративные компоненты коммуникации, что соответствует современным подходам к изучению цифровых медиа [3, 4]. Количественные метрики обрабатывались методами статистического анализа в специализированном ПО (SPSS, R, Python). Синтез результатов позволил сформировать целостное представление о механизмах и стратегиях рекламы.

Результаты и обсуждение

Настоящая работа позволила систематизировать и глубже понять сложный комплекс факторов, влияющих на эффективность распространения рекламы в уникальной медиасреде TikTok. Результаты исследования представлены в логике решения поставленных задач.

Анализ существующих работ показал, что для адекватного описания распространения рекламы в TikTok недостаточно классических линейных моделей коммуникации. Платформа функционирует по гибридной модели, в которой алгоритмическое распределение контента через ленту «Для Вас» неразрывно связано с мощными социальными механизмами пользовательского контента (UGC) и сетевого взаимодействия [3, с. 32]. Ключевой теоретической основой становится концепция «информационного потока». В рамках этой концепции рекламное сообщение должно быть интегрировано в непрерывный поток разнородного пользовательского контента, а его успех зависит от соответствия логике этого потока и способности вызвать мгновенную реакцию [3; 8]. Особо подчеркивается фундаментальная роль визуальности и краткосрочного воздействия как основы коммуникации в условиях дефицита внимания, что согласуется с идеями визуальных практик в современных медиа [4, с. 25].

Исследование подтвердило, что алгоритм рекомендаций «Для Вас» является доминирующим при распространении рекламы. Этот алгоритм работает как сложный фильтр и усилитель, отбирая контент на основе глубокого анализа как пользовательских предпочтений (время просмотра, завершенность, лайки, комментарии, репосты), так и семантики самого видео (объекты, текст, звук) [7, с. 87]. Ключом к успешному распространению становится интеграция рекламы в актуальные тренды (музыкальные, визуальные, тематические), поскольку алгоритм активно продвигает контент, связанный с набирающими популярность темами. Особенно выделяет-

ся звуковой поиск как уникальный и мощный механизм, т. е. ролики, использующие популярные или ставшие виральными оригинальные звуки, получают значительно больший охват благодаря возможности их обнаружения через поиск по аудиодорожке и включения в тематические подборки [7, с. 88]. Функция «Дуэты» выступает не столько как инструмент креативности, сколько как катализатор алгоритмического распространения. Контент, созданный с ее помощью, часто получает приоритет в рекомендациях, поскольку демонстрирует высокую вовлеченность и стимулирует формирование цепочек взаимодействия [8, с. 34].

Социальные механизмы продемонстрировали значимость, часто сопоставимую или даже превосходящую алгоритмические факторы. Пользовательский контент (UGC) лежит в основе распространения рекламы через Branded Hashtag Challenges (фирменные хэштеги). Успех через подобный челлендж напрямую зависит от способности бренда мотивировать пользователей на создание собственного контента по заданной теме с использованием фирменного хештега и эффектов [5, с. 165]. Лидеры мнений (креаторы) играют критически важную роль в распространении, обеспечивая не только широкий охват среди своих подписчиков, но и, что важнее, высокий уровень доверия и вовлеченности. Их участие в рекламных интеграциях (коллаборациях) легитимизирует бренд для сообщества и задает креативный тон для последующего UGC [6, с. 122].

«Обширные маркетинговые возможности платформы делают TikTok доступным для компаний любого размера: от крупных филиалов, до микрофирм» [1, с. 11]. In-Feed Ads (реклама в ленте новостей) обеспечивает гарантированный показ, но их органическое распространение (виральность) ограничено без сильной креативной составляющей, соответствующей эстетике платформы. Их эффективность сильно зависит от бесшовной интеграции в ленту и способности удержать внимание в первые секунды [8, с. 35]. Также, Branded Effects (AR-линзы, фильтры) служат мощным инструментом стимулирования UGC и распространения, предоставляя пользователям простой и увлекательный способ взаимодействия с брендом. Виральность этих эффектов напрямую зависит от их полезности, развлекательности и визуальной привлекательности. Форматы TopView / Brand Takeovers гарантируют максимальную заметность и первоначальный охват, однако, их вклад в органическое распространение и долгосрочное вовлечение минимален, если они не подкреплены другими форматами (например, не ведут на страницу BHC) [6]. Рекламные интеграции с креаторами (Branded Content) показывают высокую эффективность в распространении благодаря использованию сложившейся аудитории и доверия к креатору.

Ведущим мотивом потребления контента является

развлекательность. Рекламные сообщения, которые прежде всего развлекают и вызывают сильные позитивные эмоции (юмор, удивление, восхищение), имеют значительно более высокий шанс на попадание в ленту «Для Вас» и социальные шаринги [2, 8]. Также, высокую вовлеченность и потенциал к распространению, особенно в нишевых сообществах, демонстрирует образовательный подход (Edutainment), т.е. подача полезной информации в кратком, визуально привлекательном и легко усваиваемом формате, таком как «лайфхаки», «советы» или «объясняю простыми словами».

Комплексный анализ данных позволил выявить и систематизировать ключевые факторы успешного распространения рекламы на платформе. Касательно контента, очень важно, что он должен восприниматься как естественный для платформы и создателя, вызывать сильные позитивные эмоции (радость, удивление, ностальгия) или провоцировать дискуссию, удивлять, предлагать новый взгляд или нестандартное исполнение, особенно в рамках трендов, активно использовать популярные звуки, хештеги, визуальные шаблоны и соответствовать высоким стандартам визуального восприятия на платформе (темп, монтаж, эффекты) [3, 4]. Платформенные аспекты охватывают выбор оптимального времени публикации, совпадающего с пиковой активностью целевой аудитории, максимальное использование нативных функций платформы (дуэты, стеки, трендовые звуки, эффекты, текстовые наложения) и эффективное использование первых секунд видео для удержания внимания.

Полученные результаты согласуются с выводами предыдущих исследований, но вносят важные уточнения и дополнения. Подтверждается ключевая роль алгоритма рекомендаций и визуальной коммуникации. Наблюдения о важности UGC в челленджах и эффективности интеграций с креаторами также коррелируют с существующими данными. Однако, настоящее исследование дает более глубокое понимание влияния конкретных алгоритмических функций (звуковой поиск, дуэты/стеки) на распространение, ранее описанных менее детально. Систематизация факторов успеха, объединяющая контентные, аудиторные и платформенные аспекты, представляет шаг вперед по сравнению с более фрагментарными подходами. Важным дополнением стал акцент на динамике распространения через присоединение к «информационным потокам» и критической роли первых секунд контента для удержания внимания - аспекта, специфичного для TikTok. В контексте медиакоммуникаций и журналистики, исследование подчеркивает трансформацию рекламы, ее стремление к максимальной интеграции с органичным контентом платформы, размывание границ между рекламным и нерекламным контентом в ленте «Для Вас» и растущую зависимость распространения от алгоритмической логики и социального капитала креаторов. Это требует пересмотра традиционных моделей

медиапланирования и создания контента.

Стоит подчеркнуть, что результаты вносят вклад в развитие теорий медиакоммуникаций. Во-первых, TikTok демонстрирует модель ускоренной и алгоритмически управляемой диффузии, поскольку «инновацией» выступает рекламный формат или тренд. Хотя креаторы и ранние последователи (участники челленджей) важны, процесс катализируется алгоритмом, который целенаправленно продвигает набирающий популярность контент («тренды») к массовой аудитории, делая распространение менее линейным и более взрывным, подчиненным логике платформы. Во-вторых, исследование подтверждает тезис о силе слабых связей и структурных дырах, но добавляет алгоритмическое измерение. Алгоритм «Для Вас» искусственно создает связь, «мостики» между разрозненными комьюнити, показывая контент пользователям за пределами их круга подписок, тем самым ускоряя распространение через слабые связи, которые пользователь может даже не осознавать. В-третьих, наглядно показано, что глубина вовлеченности выступает толчком распространения, значительно превосходя по важности пассивное потребление. В-четвертых, исследование иллюстрирует функционирование рекламы на TikTok в рамках логики «платформенного капитализма».

Рекомендации для маркетологов и брендов включают смещение курса на ключевой приоритет - нативные и интегрированные форматы. Сосредоточьтесь на Branded Hashtag Challenges, Branded Effects и аутентичных коллаборациях с создателями контента. Форматы, которые могут нарушить пользовательский опыт стоит использовать осторожно, только при наличии очень сильного креатива или подкрепления другими инструментами. Инвестируйте в креативность и аутентичность - контент должен органично вписываться в ленту «Для Вас», избегая шаблонной «рекламности». Для вирального распространения и вовлечения пользователей (UGC) лучше фокусироваться на VHS и Effects; для охвата доверенной аудитории - на коллаборациях с релевантными креаторами. Постарайтесь мониторить не только охват, но и метрики вовлеченности как ключевые индикаторы вирального потенциала - коэффициент завершенности просмотра, лайки, комментарии, репосты, создание дуэтов.

Для создателей контента (блогеров, инфлюенсеров) представляется важным выбирать бренды и проекты, которые релевантны их аудитории и личному стилю, потому что аутентичность остается залогом доверия и успеха коллаборации. Медиаменеджерам же, необходимо развивать и совершенствовать инструменты Branded Hashtag Challenges и Branded Effects, повышая их доступность и функциональность для брендов и креаторов. Брендам нужна более детализированная аналитика по органическому распространению рекламного контента, включая виральность, охват за пределами платных

вставок и цепочки репостов, дуэтов. Повышение прозрачности алгоритма «Для Вас» для рекламодателей (без раскрытия коммерческой тайны) поможет лучше понять ключевые факторы ранжирования рекламного контента.

Исследование базировалось преимущественно на анализе вторичных данных (научные публикации). Отсутствие первичных данных напрямую от TikTok (платформенная аналитика, внутренние метрики алгоритма), ограничивает глубину валидации некоторых выводов, особенно касающихся точной работы алгоритма и мотивации пользователей к созданию UGC. Быстрое развитие платформы TikTok и ее алгоритмов означает, что анализ литературы, включающий источники до 2025 года, может не полностью отражать самые последние изменения в алгоритмах, интерфейсе или популярных форматах контента, и некоторые выводы могут устаревать. Большинство проанализированных исследований фокусировались на рынке Китая (Douyin) или русскоязычном сегменте, поэтому эффективность механизмов и стратегий может варьироваться в разных культурных контекстах и регионах присутствия TikTok. Исследование не могло в полной мере учесть аспекты, связанные с манипулятивным потенциалом алгоритмов, проблемами цифрового благополучия пользователей или влиянием рекламы на общее качество контента в ленте «Для Вас».

Для преодоления выявленных ограничений и углубления знаний в этой области, предлагаются следующие перспективные направления будущих исследований: проведение продольных исследований и экспериментов, использующих методы анализа цифровых следов (при безусловном соблюдении этических норм); сравнительные исследования, которые оценят эффективность одних и тех же рекламных механизмов, форматов и стратегий в разных региональных сегментах TikTok (например, США, Европа, Азия, Бразилия); отслеживающие долгосрочное влияние рекламных кампаний на TikTok; возможности интеграции рекламных кампаний на TikTok с кампаниями в других популярных сервисах коротких видео; каким образом особенности самого продукта или услуги (например, B2C vs B2B, товары повседневного спроса vs премиум-класса, услуги vs физические товары) влияют на выбор оптимальных механизмов и стратегий рекламы на TikTok; изучение влияния активно развивающихся инструментов генеративного ИИ на создание и персонализацию рекламного контента для TikTok, а также его потенциального воздействия на эффективность распространения. Учитывая динамичность платформы, важен постоянный мониторинг и анализ как новых форматов рекламы, так и изменений в поведении и предпочтениях пользователей относительно рекламного контента.

Заключение

Исследование показало, что успешное распростра-

нение рекламы в TikTok зависит от совместной работы технологических (алгоритмических) и социальных факторов. Сердце технологического механизма - это система рекомендаций. Она отдает приоритет контенту, который вызывает сильную реакцию у зрителей (лайки, комментарии, репосты, длительный просмотр) и, при этом, соответствует их интересам. Ключевой социальный фактор - это пользовательский контент (UGC).

Наиболее эффективными оказываются те рекламные стратегии, которые органично вписываются в обычный опыт пользователя платформы и активно задействуют социальное взаимодействие.

Анализ выявил несколько групп ключевых факторов, напрямую влияющих на охват и вовлеченность рекламы в TikTok:

1. Контентные факторы - аутентичность материала, его развлекательная или эмоциональная ценность, соответствие актуальным платформенным трендам (звукам, челленджам), наличие четких призывов к действию (особенно к созданию UGC) и короткий формат.
2. Аудиторные факторы - глубокое понимание особенностей и интересов целевой аудитории TikTok (в основном молодой, ценящей креатив и неформальность) и умение вовлекать сообщества.
3. Платформенные факторы - понимание принципов работы алгоритма рекомендаций (который реагирует на вовлеченность) и грамотный выбор форматов продвижения, таких как Hashtag Challenge, In-Feed Ads или Branded Effects.

Главный вывод заключается в том, что успешное распространение рекламы на этой платформе основано на тесном взаимодействии алгоритмов, настроенных на вовлеченность, и социальных сил, в первую очередь - активного создания пользовательского контента (UGC) вокруг брендов. Самые эффективные стратегии максимально используют этот симбиоз, предлагая аудитории аутентичный, актуальный и вовлекающий контент, мотивирующий ее к участию.

Важнейший установленный вклад исследования - доказательство центральной роли пользовательского контента (UGC) как основного социального механизма и двигателя эффективного распространения рекламы в TikTok. Успех здесь неразрывно связан с адаптацией стратегий брендов к требованиям алгоритма рекомендаций. Эмпирические данные подтверждают, что стратегии, максимально задействующие UGC (через челленджи, коллаборации) и соответствующие алгоритмическим предпочтениям (актуальность, способность вызывать реакцию), обеспечивают значительно больший охват и вовлеченность, чем традиционные или навязчивые рекламные форматы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажнова А.А. Платформа TikTok как инструмент цифрового маркетинга // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-1. С. 16–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/platforma-tiktok-kak-instrument-tsifrovogo-marketinga> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Лю Ли. Исследование механизма коммуникации и стратегии мобильной интернет-рекламы // Современная коммерция и промышленность. 2022. Т. 43, № 24. С. 74–76. doi: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2022.24.031.
3. Лю Маньтин. Анализ модели рекламной коммуникации информационного потока в эпоху интеллектуальных медиа // Western Radio and Television. 2023. Т. 44, № 02. С. 31–33.
4. Митчелл У.Д.Т. Визуальных медиа не существует // Медиа: между магией и технологией / под общ. ред. Н.Н. Сосна, К.Е. Фёдоровой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 21–36.
5. Разумовская Н.А. Роль и развитие вирусного маркетинга в современном Интернете (на примере социальной сети TikTok) // Молодой ученый. 2021. № 17 (359). С. 164–167. ISSN 2072-0297.
6. Терских М.В., Плюснина Н.В. Рекламные интеграции в социальной сети TikTok: понятие, функции, форматы, жанры // Неофилология. 2022. № 30. С. 116–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnye-integratsii-v-sotsialnoy-seti-tiktok-ponyatie-funktsii-formaty-zhanry> (дата обращения: 10.06.2025).
7. Фэн Шилин. Исследование механизма визуальной коммуникации и коммуникационной стратегии в онлайн TikTok // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11-4 (98). С. 86–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-mehanizma-vizualnoy-kommunikatsii-i-kommunikatsionnoy-strategii-v-onlayn-tiktok> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Чжао Дунцин, Тянь Юй. Исследование коммуникационного эффекта рекламы в потоке информации приложения TikTok // International Brand Observation. 2022. № 29. С. 31–38.

© Тянь Хаожань (1042248115@pfor.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Akilova M. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology

Atlasova E. – Candidate of Philological Sciences, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk, Russia

Bagretsov D. – PhD in Philology, Senior Lecturer, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Bakhmatova A. – Graduate student, Lomonosov Moscow State University

Bankova N. – Candidate of Philological Sciences, Moscow Technical University of Communications and Informatics

Elizarova M. – PhD, State University of Education, (Moscow)

Gilyazeva E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University

Guo Weihe – Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Saint Petersburg, Russia

Guo Weipeng – Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint Petersburg, Russia

Gusev K. – Senior Lecturer, PhD in History, Kuban State University

Han Junyi – Postgraduate student, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Isyangulova G. – Doctor of Philology, Professor, Ufa University of Science and Technology

Ivanov V. – candidate of historical sciences, associate professor, Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky

Karpechenkova Yu. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Saint Petersburg, Russia

Krnet Natalija – PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Our authors

Lakomov A. – postgraduate student, M.V. Lomonosov Moscow State University; senior lecturer, MIREA – Russian Technological University

Li Hongjuan – Associate Professor, Heihe University, China

Mei Qitong – PhD student, Moscow pedagogical state university

Moskovskaya N. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, FGAOU VO "North Caucasian Federal University"

Mukhametshina A. – Ufa University of Science and Technology

Pankin A. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Don State Technical University", Rostov-on-Don, Russian Federation

Pertsova N. – Postgraduate Student, Azov State Pedagogical University

Qin Weiwei – Associate Professor, Changji University

Semenchenco I. – Doctor of Historical Sciences, South Ural State University (national research university), (Zlatoust, Russia)

Shcheglova O. – Senior Lecturer, GBOU VO SGPI "Stavropol State Pedagogical Institute"

Sushkova A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Elabuga Institute of Kazan Federal University

Suvorova A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural State University (national research university), (Zlatoust, Russia)

Tian Haoran – PhD Student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Xu Jie – Senior Lecturer, Xinjiang Normal University

Zhang Weihong – Senior Lecturer, Xinjiang Normal University

Zhuravleva M. – postgraduate student, senior lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Melitopol State University"

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).